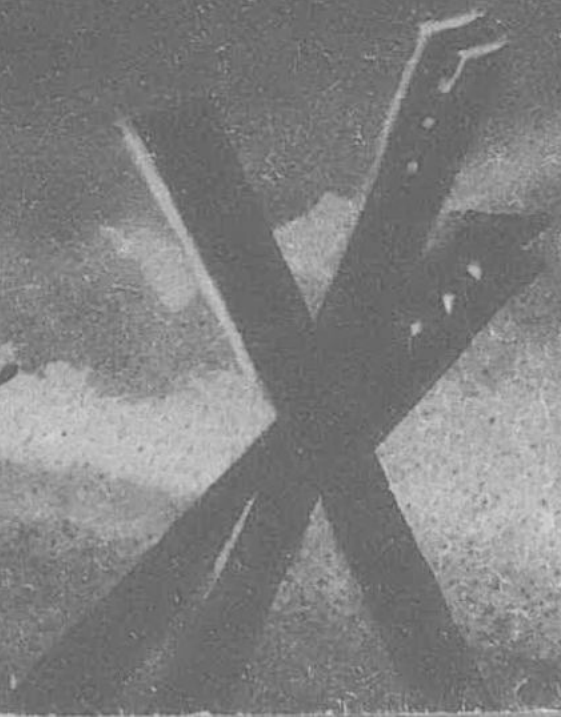

9(c) 27

(092)

9-11

"Я пишу
последнее,
быть может..."

« Я пишу
 последнее,
 быть может... »

(ПИСЬМА С ФРОНТА)

ОМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1994

Иллюстрация-справочная
 БИБЛИОТЕКА
 Облгосархива
 Инв. № 6623

63.3(2)721(2Рос53—Ом)
Я11

Издание подготовлено Государственным архивом Омской области и Омским областным Советом ветеранов войны и труда. Осуществлено на средства, выделенные администрацией Омской области.

Составитель Г. Я. Цветкова

Я11 «Я пишу последнее, быть может...». (Составитель Г. Я. Цветкова.) Сборник.— Омск: книжное издательство. 1994.— 224 с.

ISBN 5-85540-361-0

Сборник писем омичей-фронтовиков, хранящихся в государственных и частных архивах.

Я 0503020600 Без объявления — 94
М163(03)—94

63.3(2)721(2Рос53—Ом)

ISBN 5-85540-361-0

© Омское книжное издательство, 1994.

АДРЕС: ПОЛЕВАЯ ПОЧТА...

Эти письма не предназначались для публичного чтения. Написанные торопливой рукой во время короткой передышки между боями, в госпитале или в ожидании очередной атаки, они обращены к близким, самым дорогим людям — матери, жене, детям...

Но время превратило их в наше общее достояние. Где бы ни хранились теперь письма бойцов Великой Отечественной — под стеклом музейной витрины или в дальнем ящичке письменного стола в вашем доме — принадлежат они Истории. Это ее голос говорит с нами с пожелтевших страниц, снова и снова взывает к нашей памяти.

...Как ждали этих писем! Они, словно тоненькая ниточка, связывали солдата с его прошлым, с родным домом, оставшимся где-то за Уральским хребтом, со всем тем, что давало ему силы для тяжелой, изнурительной, смертельной борьбы с врагом. И стоило этой ниточке оборваться — война вдвойне тяжелым грузом обрушивалась на плечи бойцов. А там, за линией фронта, в далеком тылу, маленькие невесомые треугольники писем воспринимались как символ надежды, радости или, напротив, огромного, на всю жизнь горя.

Чем могут взволновать или удивить эти письма сегодня?

Искушенному читателю не найти в них особых литературных достоинств — другая, совсем другая цена у этих пожелтевших от времени страничек. Цена жизни и смерти...

Да, о чем бы ни рассказывали фронтовые письма, они всегда — о жизни и смерти. Ведь каждое могло оказаться последним. И те, кто писал, и те, кто ждал их, знали это. У них не было времени на пустяки. Они хотели и должны были сказать о главном: о долге и чести, о любви и верности.

И вот это невероятно высокое напряжение чувств, это постоянное ощущение последней черты и ставит фронтовые письма в ряд с настоящей литературой.

Нет, пожалуй, они даже больше литературы, потому что жизнь всегда больше искусства.

✓ Фронтовые письма — и документы времени, и памятник ему — один из самых правдивых и самых величественных.

Собирать, бережно хранить эти письма, делать достоянием новых поколений — задача, достойная самых решительных усилий. Мы не должны дать исчезнуть бесценным свидетельствам Великой Отечественной.

Л. Г. Шорохова

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Память о солдате... чем ее измерить? Сохраненной любовью и верностью, уважением к исполненному воинскому долгу в дни лихолетья, трепетным хранением пожелтевших писем, связывающих нас и сегодня с дорогами войны.

Еще в 1943 г. в Омске была создана комиссия по собиранию материалов о Великой Отечественной войне. Со страниц «Омской правды» она обращалась к омичам с просьбой передать в госархив Омской области письма фронтовиков, документы о трудовой доблести тружеников тыла.

Эти письма, хранящиеся в областном и районных архивах, музеях нашей области, письма, переданные для публикации жителями, стали основой нашего сборника, посвященного 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Простые нехитрые слова, обращенные к любимым, родным людям. Как они читаются сейчас, по прошествии стольких лет — немые свидетели истории Великой Отечественной войны.

Трудно переоценить значение военных писем, с каждым годом их становится все меньше и меньше. Уходят те, кто бережно хранил письма своих мужей, детей, родственников. А молодым подчас они не нужны. И выпуск этой

книги — дань уважения омичам, защитникам Отечества, попытка донести часть писем войны до сегодняшнего и завтрашнего дня.

Подготовка сборника проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов». (М., 1990 г.)

Письма в сборнике расположены по их авторам. Схема расположения авторов такова, что вначале даются подборки писем, освещающих более ранние периоды Великой Отечественной войны. В пределах каждого автора — в хронологическом порядке.

На каждого корреспондента составлена краткая биографическая справка на основании архивных данных, воспоминаний родственников, друзей, товарищей по работе и службе в армии. Зачастую эти сведения носят фрагментарный характер.

Для писем, опубликованных в газете, ставилась дата публикации. Если письмо или другой документ не имели точной даты, последняя устанавливалась по содержанию письма.

Место написания письма (город, село, станция, фронт и т. д.) обозначалось лишь в том случае, если оно указано автором письма. Номера полевой почты, как правило, не ставились.

Часть писем дана в извлечении. Текст писем передан в соответствии с правилами орфографии, с сохранением стилистических особенностей и выражений, специфических для того или иного корреспондента. Орфографические, синтаксические ошибки, описки устранены без оговорок в примечаниях. Места, вычеркнутые военной цензурой, обозначены в подстрочных примечаниях. Подстрочные примечания уточняют некоторые детали текста. Уточненные сведения о лицах, о которых говорится в письмах, даны в примечаниях, отсутствие сведений о них не оговаривается.

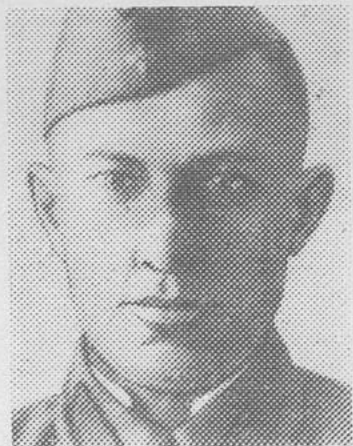
Сборник снабжен оглавлением, иллюстрирован фотодокументами.

Не было возможности дать фотографию каждого корреспондента из-за их отсутствия.

Государственный архив Омской области и областной Совет ветеранов войны и труда приносят благодарность всем районным архивам, музеям и лицам, предоставившим хранящиеся у них письма военных лет и оказавшим помощь при подготовке, рецензировании и издании данного сборника, управляющему Омскпромстройбанком В. Н. Степанову за оказанную ранее финансовую помощь для издания книги.

**«А кто ни разу не бывал
в бою, тот жизнь так пламенно
любить не может»**

**Письма старшего инженер-лейтенанта
Алексея Ивановича Жибурта**

А. И. Жибурт родился 26 февраля 1913 г. в Днепропетровской области. Вырос и получил среднее образование в Омске. В июне 1940 г. окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Приехал работать в Омск, в пароходство.

В августе 1940 г. призван в армию. 22 июня 1941 г. встретил на советско-финской границе. В 1942 г. окончил училище в Ленинграде, назначен на должность начальника инженерной службы 322-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии. Воевал под Ленинградом, в Калининской области, в Белоруссии.

Погиб 23 июня 1944 г. под Могилевом.

22 июня 1941 г.
Сакки-Ярви

Дорогие родные!

Не волнуйтесь, если долго не будет письма. Начинается новая жизнь. Кто знает, когда удастся написать вновь?

Эту записку засовываю в голенище сапога, отправлю при первом удобном случае. Крепко, крепко всех целую.
Лёся.

22 июня 1941 г.
9 часов вечера
Сакки-Ярви

Дорогие родные!

...Вот и первый день войны прошел. Будто бы и нет ее, и настроение совершенно безоблачное, совершенно спокойное. Вокруг меня такая прелесть — цветущие яблони, сирень, ирис, тюльпаны, ландыши, что и не верится, что война.

Мама, очень прошу тебя не волноваться! Ведь воевали люди всегда и ничего страшного нет. Я так совершенно спокоен.

Ваш Лёся.

25 июня 1941 г.
Выборг

...Пишу в очень оригинальной обстановке — во дворе кино, превращенного сейчас в сборный пункт отправляющихся на фронт. Такие картины из прошлой войны (империалистической и гражданской) я видел только в кино, теперь вижу наяву... Брился только что, а Гриша держал мое зеркало, здесь же во дворе, во время воздушной тревоги и под трескотню зенитных орудий, обстреливающих неприятельские самолеты. Весь день сегодня тревога за тревогой, но все самолеты либо отгоняют, либо подстреливают.

Видок у меня сейчас очень забавный. Вооружен, что называется, «до зубов», обвешан с ног до головы всевозможными сумками, подсумками, патронташами, лопатой, ножом. От населения почет и уважение — стоит войти в магазины, все женщины (даже они!) начинают кричать, чтобы отпустили без очереди. И невольно еще больше проникаешься чувством долга и ответственности.

Настроение очень бодрое и даже странно — все это дело кажется обычным, повседневным. А ведь война — это необычайное дело! ...Я очень спокоен за вас, что вы в Омске — так далеко от всех фронтов...

Крепко целую вас всех. Лёся.

12 июля 1941 г.
Северо-Западный
фронт

Дорогие родные!

...Только что сменился с поста и сел писать вам. Итак, слушайте «сообщение информбюро». «В течение второй половины дня 14-го и в ночь на 15-е на нашем фронте ничего существенного не произошло. Организовалось новое отделение, где пом. ком. — красноармеец Жибурт, единственный «старый вояка» среди приписников. Он пользуется у них большим авторитетом. Указанное отделение заняло позиции в 2-х км от походной кухни, в 15—20 м от советско-финской границы и подвергается ожесточенному нападению комаров — заедают насмерть! Сволочи, гады! (Эти выражения сейчас в моде)».

...Здесь все спокойно. Наверное, финны испугались и боятся наступать.

...Да и как не бояться, когда вся страна поднялась, как один человек, за Родину? Только сейчас я действительно почувствовал нашу мощь и силу — она огромна...

20 августа 1941 г.
Пушкин

...Дорогие! От всех писем веет полным единодушием, советским мужеством, такой трогательной заботой о нас, бойцах, что чувствуешь огромную гордость за нашу Родину! Да, все мысли сейчас об одном — как можно скорей

разбить врага, и чувствуешь, что это мысли всего нашего великого народа...

Я восхищаюсь мужеством мамы и папы, милых, родных старичков! Мама, как тебе не стыдно жаловаться, что вы уже «не можете помочь войне»?! А разве то, что вы в то время, как должны уже только отдыхать на склоне трудно прожитой жизни, не покладая рук, работаете, кормя, обслуживая ораву детей, отдающих весь свой труд Родине, водитесь с внуками — разве это не героизм?! Ведь я знаю, как вам сейчас достается. Вот мне так действительно стыдно писать, что все еще торчу в запасном полку! Но, кажется, курсы лопнули, и думаю, что сегодня в ночь уйдем занимать оборону. Давно пора!

Еще раз очень благодарю за заботу, пожелания. Крепко, крепко целую всех. Алексей.

26 августа 1941 г.

Дорогие родные!

У нас все по-старому, без перемен. Занимаем оборону. Противник то подкатывается близко, то под напором наших частей откатывается обратно. Заботятся о нас хорошо — только что, здесь же в окопах, сменили белье, переобули чистые, сухие портянки, и стало совсем весело. Спим хотя и немного и здесь же в окопах, но чувствуем себя бодро и хорошо...

У нас с Гришей, как у ручных пулеметчиков — первый окоп, нам с ним везет — все время вместе.

Крепко целую всех. Алексей.

23 сентября 1941 г.
с. Всеволожское

Дорогие родные!

Жизнь течет. Быстро летят дни. Сейчас, кажется, особенно быстро проходит время. Вот уже и осень опять,

Клены на фоне темно-зеленых сосен, так ярко желты, что даже смотреть больно!

...Позавчера вечером нас «угостили» прекрасным концертом. Приезжали артисты из Ленинграда. Никто из нас не ожидал, что концерт будет таким хорошим — публика в нашем взводе видела виды, и требования у нас довольно высоки. И все остались очень довольны, концерт был на редкость хорош.

Эстрадой была веранда недостроенной дачи. Зрительный зал — сосновый бор вокруг этой дачи. А в середине концерта вмешался воздушный концерт — налет немецких самолетов и бомбежка. Отогнали их, и опять в воздухе появились мелодии музыки, чудесные голоса певцов.

После концерта за ужином пришлось мне выручать лучшую певицу — одолжить ей ложку поужинать. Поговорили, вообще, общее дело сближает, и сейчас мы с ними тоже были сближены удивительным чувством дружбы...

6 ноября 1941 г.
Ленинград.

Дорогие родные!

Сию в ожидании концерта силами Ленинградской орденена Ленина консерватории.

7 ноября 1941 г.

Дописываю сегодня — концерт вчера не состоялся. По-видимому, артистам помешала приехать воздушная тревога — безумец Гитлер вчера особенно безумствовал, стремясь помешать нам праздновать эту великую годовщину. Во время торжественного заседания здание содрогнулось — рядом во дворе у нас упала бомба, разрушила склад...

После торжественного заседания посмотрели картину,

послушали радиолу в ожидании артистов и разошлись на покой.

А сегодня первый выходной день с начала войны. Как-то странно даже — не знаешь, что с собой делать. Достал «Эгмонта» Гёте и сейчас засяду читать. Потом предполагается экскурсия в «Музей трофеев».

...В предоктябрьском соревновании наш взвод занял 1-е место по полку. И у меня отметки — шесть пятерок по наиболее трудным предметам и четыре четверки... Не-плохо. А к окончанию курсов постараюсь, чтобы четверок не было вообще.

Эх! Когда-то съедемся вместе?! Хочется, чтобы это было поскорей. Но наберитесь терпения, дорогие, и напряжем все усилия к нашей быстрейшей победе!

На курсах, я думаю, еще пробуду не меньше месяца, а может быть, и два. Пишите, родные! Так хочется получить от вас письма!

Крепко целую всех. Алексей.

25 ноября 1941 г.
Ленинград

Дорогие родные!

Вот уже и ноябрь кончается. У нас совсем зима — очень ранняя для Ленинграда. Совершенно не было обычных обильных дождей, как-то сразу, неожиданно, нагринула зима...

Пошел шестой месяц войны. Время, как всегда, летит быстро, а хочется, чтоб скорей все это кончилось, съехать-ся бы нам всем вместе. Эх, до чего хорошо бы это было! Я очень соскучился по всем вам, дорогие мои. Ведь не виделись уже так давно! Когда-то еще увидимся?

Так бы хотелось, чтоб это было поскорей! Ну ничего, дорогие! Будем беспощадней к врагу, будем громить его до полной, окончательной победы и тогда уже отпразднуем на славу!

Ох и закатим пир на весь мир!

Вот только сейчас ценим по-настоящему прошлую гражданскую жизнь — до чего она хороша — мирная гражданская житуха! А ведь все казалось сереньким и обыденным... А сейчас это все кажется сказочно-прекрасным! Но все это ничего, родные! Все это необходимо сейчас, иначе нельзя. Жизнь сейчас у нас суровая. Ленинград совсем не похож на прошлый нарядный, веселый, сверхкультурный европейский город. Он сейчас по-военному суров, ленинградцы терпят лишения, но духом все сильны, и победы добьемся...

9 декабря 1941 г.
Ленинград

...Обо мне не беспокойтесь, дорогие. Я живу хорошо. У Димы дома тоже все благополучно, дом стоит на месте, живет там сейчас, в основном, одна Лиличка. Вчера был у них в гостях, вечером удалось съездить. Забавно — маленькая хозяйка большого дома! Школа не работает, временно она поступила работать на фабрику. Захлопоталась вчера совсем, когда я приехал. Затеяла стряпню на «буржуйке» — какие-то особенные коржики из отрубей, вкусные, прелести! На этой же «буржуйке» вскипятили чай, крепкий, душистый, и эта же «буржуйка» освещала наше с ней чаепитие, света не было, и свеча догорела. У меня в кармане был сахар, а у нее полученные конфеты. Пили чай и беседовали, так было хорошо и уютно, что я чуть не опоздал на последний трамвай.

...Ленинград держится крепко, и немцам по Невскому не гулять!

25 декабря 1941 г.
Ленинград

...Сегодня у ленинградцев большая радость — увеличили норму хлеба. Это всех очень воодушевило, настроение поднялось. Гордость за победы, за Родину становится еще больше...

13 июля 1942 г.
с. Борисо-Глебское

Дорогие мои родные!

Вот уже несколько дней как переселился в лагерь. Ночую в шалаше — это одно удовольствие, т. к. дожди прекратились и стоит «вёдро».

В лесу хорошо. Хвойный смолистый запах и проч[ие] прелести. Вчера был по делам в селе.

Живу хорошо. Верно, хандрю немного — уж очень мне не понутру моя должность начальника военно-технического снабжения. Снабженческого во мне ничего решительно нет, вы это знаете прекрасно. Утешает только мысль, что скоро на фронт и там уж придется не только снабжать, но и сражаться. Это куда лучше!

Ну, дорогие, крепко, крепко вас целую.

Пишите скорей и больше. Алексей.

2 сентября 1942 г.

...Сегодня уезжаем. Наконец-то, давно пора! Собрались очень быстро в один день.

...Прибыли на новое место. Вчера ехали ночью на лошадях — везде, на каждом шагу следы недавних боев. Разрушены большие красивые здания; сгоревшие машины, танки на пути. Сколько разрушений!..

10 октября 1942 г.

Дорогие мои!

...Долго мы проторчали в том месте, откуда писал вам последний раз. И, наконец, 5-го числа дали вагоны, погрузились и поехали. Там нас частенько беспокоили воздушные «гансы» — бомбили, но умеренно. А тут проехали 40 км, и, недоезжая до одной крупной станции, нас «встретили». Ох и бомбили! Мы все, конечно, с поезда и под откос, в лесок, а кругом свет от бомб! Я к этой музыке привык еще в Выборге, а потом в Ленинграде, но «мой» эшелон бомбили впервые и бомбили уж очень основательно. Верно, когда бомбят твой эшелон, это куда неприятнее, чем бомбежка города. А для многих это была первая бомбежка, и переживали ее довольно трудно. Загорелся состав, начали рваться вагоны с боеприпасами, два взлетели в воздух... Мы откатывали остальные вагоны и откатали даже четырехосный «пульман» со снарядами в то время, когда он уже загорелся. Затушили его, ну знаете, дорогие, после этого чувствовали даже моральное удовлетворение. Все стали веселые, посыпались шутки, смех... Жертвы, конечно, были...

4 января 1943 г.

С Новым годом, дорогие родные!

Шлю лучшие пожелания вам. Пусть этот Новый год принесет одно хорошее. Главное, скорый и полный разгром ненавистного врага, возможность нашей встречи! Всем желаю счастья, здоровья!

Целую всех крепко, Алексей.

4 февраля 1943 г.

...Итак, друзья, жизнь наша теперь исключительно земляночная и окопная. А какая дикая местность! Кругом,

кроме сопок, ни деревца, ни строения какого-нибудь. Но через каждые 1—1,5 км обязательно «деревня» или «село» (на карте), а в действительности, гадай, где они были! Сколько сожжено, разрушено и уничтожено! Да, дорого придется немцам за все это дело рассчитываться! Сколько фотографий у них, убитых! У одного молодого парня, футболиста, целая пачка. Все он со своей «кисой», и в поле, и в горах, и среди цветов. И чего, спрашивается, нужно было лезть сюда, принести столько горя, разорения и крови и все равно, неминуемо быть убитым...

7 апреля 1943 г.

Дорогие мои родные!

Как живете там, в далеком, далеком Омске? Позавчера ходил в «Великие развалины» — город около нас.

...Дома в ожидании ужина (пока он варился на печке) поиграли в преферанс, карты сделали на днях сами, и на мою долю выпало рисовать фигуры (тоже художник!). Рисовал я дам с фотографий Улановой, а вальта с Чабукиани. Маленький альбомчик этих моих любимых балетных артистов оказался в бумажнике. Я уже писал вам, что у нас сейчас затишье, и мы, и немцы в обороне.

14 апреля 1943 г.

...(В часть) пришли подарки из Омска с высокосортным «Южным» табаком производства... Омской табачной фабрики! Как все перемешалось, скоро не будешь удивляться, если из Омска придут ананасы или еще что-либо тропическое!

Из омских подарков мне, как коренному омичу, преподнесли кожаный портсигар для табака, из которого табак все время сыплется. Но то, что из Омска, очень приятно...

4 мая 1943 г.

...В «Красной Звезде» за 1 мая есть замечательная вещь Ильи Эренбурга — «Возвращение Прозерпины». Я ее прочел вслух в землянке, стараясь в чтение вложить как можно больше художественности...

Так вот, в наши пустынные, разрушенные и сожженные края давно, давно заглянула прекрасная, юная богиня весны — Прозерпина. Совсем же она вернется к нам, по мнению Эренбурга, тогда, когда ненавистный гитлеризм будет окончательно подавлен. И он прав, Эренбург, и нам сейчас нужно приложить все усилия, чтоб полное возвращение бедной заплаканной, но юной и прекрасной Прозерпины свершилось как можно скорей.

А пока она заглянула к нам, вырвавшись из гитлеровского подземелья... Но как много успела сделать, как щедро разбросала свои дары! Яркие, солнечные, длинные-длинные дни, теплый, ласкающий лица ветерок, оглушительные трели птиц (милые, глупые птицы, что гонит вас на фронт?!), зеленые ковры кругом, яркая зелень распускающихся, расщепленных снарядами, деревьев, и цветы, такие трогательные на обезображенной, развороченной войной земле, среди безобразных воронок!.. Кругом так хорошо, что, кажется, будешь жить долго-долго...

21 июня 1944 г.

Дорогие мои родные!

Сегодня не спалось. Было очень взвинченное настроение, вернулся «домой», когда уже рассвело, и уснуть не смог. Пишу в кавычках, т. к. «дом» — это группа сосен и шалаш под ними. Поворочавшись с бока на бок, увидел, что бесполезно, и встал: умылся до пояса, начисто выбрился, натер лицо кремом «Снежинка» (лицо после этого стало свежим и приобрело матовый оттенок) — эту прелесть

получили по карточкам в приезжем военторге, стащил у Гриши прекрасные духи (привезенные его отцом из Ленинграда еще в д. Попово), пришел чистый воротничок, одним словом — ух! Даже зубы почистил. Через час нужно бежать опять. И этот час решил посвятить письмам.

Недалеко проснулась какая-то мятежная душа скрипача и донесся «Жаворонок» Глинки, ему вторят настоящие птичьи голоса, и изредка прерывает треск разрывных мин. Это уж диссонанс! А бьет здесь крепко. Трое суток тому назад, как я пришел сюда, я обошел весь наш громадный лес, чтобы подобрать более безопасное место для машин. Расспрашивал, оказывается, везде место обстреливается. И действительно, кажется, только наше место свято (тьфу, тьфу, плюю через левое плечо, чтоб не сглазить). В нашей группе сосен не разорвался еще ни один снаряд, ни одна мина. И мы с видом видавших виды, обстрелянных, бывалых воинов ходим почти с поднятыми головами (тьфу, тьфу).

Вчера наполучал целый вагон всякого имущества: чего, чего только там нет! Заботливая Родина и Вы все снабжаете нас всем, всем, что только может потребоваться. Когда привез на место и пошел в штаб докладывать, нелепая мина разорвалась там, где сгружали, убила сапера, двух ранило, убило пару лошадей. Убитый сапер, кажется, в полку с первого дня организации, 10 мин[ут] назад мы с ним говорили, что позавчера 2 года — годовщина! Такой хороший, всеми любимый труженик, угас старичок в 50 лет. Очень жаль! А меня, как Онегина, опять судьба хранила (тьфу, тьфу). И я верю, твердо верю, что со мной ничего не случится.

Раньше это было безразлично, а теперь, когда чувствуется, скоро конец войне, очень хочется пожить!

Вчера, идя по делам в дивизионные тылы, попал на концерт, и какой концерт! Фронтвой коллектив артистов приезжал в соседнюю часть. Площадка в лесу имеет уклон к воде и образовала чудесный естественный, зритель-

Война!

ный зал. Длинные ящики из-под снарядов «Катюши» — кресла партера. Антракт затянулся на час, так как полил дождь (не спугнул никого, у всех непромокаемые плащи) и устраивали полог из брезента над сценой — две машины с открытыми бортами, и вот началось второе отделение. Я сидел и чувствовал, что в груди растет и растет теплое хорошее чувство ко всему, ко всему миру (кроме немцев, конечно)! За все три года войны я не слушал и не видел ничего более прекрасного.

Когда играла скрипка (скрипач — москвич, окончил консерваторию, это я узнал из разговора с ними после концерта), а играли они «Песню индийского гостя» и «Чардаш» Монти в сопровождении аккордеона, гитары и баяна, я чуть не расплакался...

Закончился концерт цыганской пляской в очень красивых костюмах и под цыганские напевы Сарасате. Чудесные отрывки из «Свадьбы в Малиновке», тоже в костюмах, вся картина с Яшкой-артиллеристом и тустеп.

Когда кончился концерт, все сидели как очарованные, а потом разразились аплодисментами и прочувствованными речами с той и другой стороны. Потом я пробрался к артистам и познакомился с ними, они горячо обещали приехать к нам. Но сейчас, конечно, не приедут, ибо каждую минуту можно ждать начала сильной битвы <...>

**Письмо В. Уйманова —
фронтового друга А. И. Жибурта**

11 августа 1944 г.

Здравствуй, уважаемая Танечка*!

Свой искренний привет шлю тебе, бабушке и всем твоим и незабываемого моего друга А. И. родным и знако-

* Племянница А. И. Жибурта, Т. Д. Мусонова.

мым. Опять же называл на «ты», прошу не обвинить меня в нетактичности, ибо Вас всех представляю себе такими же исключительными и близкими. Письмо твое я получил дней пять тому назад, немедленно ответить не мог. Я писал, что с Леней мы вместе служили с июня 1942 г., я в соединении, он в части по одной специальности, он подчинялся нам и был всегда несколько впереди от нас к передовой (понятие «передовая» в этой войне понимается относительно). Не только потому, что нас — ветеранов этой части, но и многое другое сдружило нас, и мы часто встречались у «нас».

...Он был человеком с душой и, как ты пишешь, любил жизнь, к тому же бывал во многих боях. Вспоминаю слова из стихотворения одного фронтовика:

«А кто ни разу не бывал в бою,
Тот жизнь так пламенно любить не может!»

...Были дни жестоких боев перед нашим прорывом укреплений линии противника. Жарко было там, где постоянно находился А. И., мы были километра на 3 дальше. Нас обстреливал противник тяжелой артиллерией. Он пришел за имуществом, которое требовалось для предстоящего наступления.

Начался очередной огневой налет, укрыться было нелегко. Мы, четыре офицера, вошли в шалаш, в эти минуты быть вместе как-то лучше, попросил у него докурить, он дал и вышел, не сказав ни слова, и ему никто ничего не сказал. Нет, нет, он сказал, что идет узнать, есть ли имущество, которое ему требуется. Вышел, очевидно, прошел метров 20 и стал кричать: «Соснин! Соснин!» (фамилию нужного ему старшины). Послышался вой приближающихся снарядов, три последних взрыва. Надо сказать, что вел он себя всюду бесстрашно. Осколком в грудь под правую руку был ранен смертельно, когда мы подбежали, он был уже мертв.

Танечка, я выполнил твою просьбу, немного описал

подробности, думаю, что если и строгий цензор не найдет здесь, что требуется зачеркнуть — дело прошлое. Идет дождь, темнеет. Обстановка такая, лучше не могу писать, если не закончить или не написать хотя бы так, тогда выберешь ли время и возможность в будущем.

Его похоронили близкие друзья, хотелось бы сделать на его могиле не только то, что обещал, но кажется так, чтобы взять его прах, внести на самую высокую гору, любовно и заботливо обработать это место, поставить памятник с надписью, чтобы наше потомство преклоняло колено и голову у могилы замечательного человека, отдавшего свою славную жизнь за Ваше будущее, за слезы наших милых и дорогих матерей, жен и детей.

Мы ушли оттуда более как за 600 км, стремительное продвижение привело нас к самой «берлоге». Опять упорные бои, день нашей славной победы недалек, хочется, очень хочется устоять до конца, пройти через адский огонь. Пленительная звезда победы светит для нас, она видна, и мы скоро пробьемся к ней. Будь и будьте здоровы, желаю Вам мужественней перенести невзгоды и горе, помните о нас.

С приветом В. Уйманов.

Публикуемые письма хранятся у Т. Д. Мусоновой, племянницы А. И. Жибурта. О Жибурте см. «Молодой сибиряк». 1974. 9 мая.

«Боевые задания выполняю на отлично»

Письма младшего политрука Павла Михайловича Гермизеева

П. М. Гермизеев родился в 1914 г. в Таре. Окончив школу, поступил на курсы при МТС. Работал механиком в Черняевской МТС, затем директором Тарского отделения «Автотракторсбыта». В армию призван 22 июня 1941 г. Воевать начал под Смоленском. Окончил курсы политруков.

Погиб 3 апреля 1942 г. в Калининской области.

4 августа 1941 г.

Дорогие родные!

Сообщаю вам, что я жив и здоров. Наш батальон действует на Смоленском направлении. Наши части продвигаются вперед, пять дней сдерживая наступление немцев. Я был несколько дней на передовой огневой линии. Один стервятник обстрелял мою машину с грузом с самолета. Но вреда никакого не причинил ни мне, ни машине. В пути все время встречаются немецкие самолеты, как заметишь их, так маскируешься сам и машину. Я часто был бит бомбой... Из нашего батальона ни одной машины враг не разбил.

Живем в лесу, питание хорошее. Начинают кое-где оставшиеся люди убирать рожь, по деревням совсем пусто. Никого нет, если в какой деревне кто есть, то остались одни старухи да дети, мужчин совсем не видно. Живем

неплохо. Но лучше бы жить дома. С приветом к вам, Павлик.

1 ноября 1941 г.

Поздравляю вас с праздником — 24-й годовщиной Великой Октябрьской революции.

Боевые задания выполняю на отлично. Приходится много работать в очень сложной обстановке. Не так давно, при выполнении боевого задания, моя колонна попала под бомбежку. Одна бомба упала в двух метрах от автомашин, груженных боеприпасами, вывела из строя две автомашины, загорелись ящики со снарядами. Но мы не растерялись, быстро горящие ящики сбросили с машины и закидали землей. Один только орудийный заряд взорвался. Таких случаев в нашей жизни бывает очень много, всего не опишешь. Вот уж когда жив и здоров вернусь домой, расскажу о многом пережитом в эти боевые дни Отечественной войны...

22 марта 1942 г.

Здравствуйте, дорогие родители!

...В настоящее время нахожусь под Ленинградом в одном из сел, ранее оккупированном немцами. За короткое пребывание здесь немец натворил многое: все почти дома изрешечены пулями и осколками снарядов, на чердаках домов понаделаны амбразуры для стрельбы, перед домами выкопаны окопы, много домов уничтожено. За все свои злодеяния немец получил по заслугам...

Жители села во время оккупации находились в лесах и соседних селах, не занятых немцами. Сейчас переходят в свои хаты, и начинает жизнь восстанавливаться.

Из Иваново я выехал 16 марта 1942 г., выпуск из школы сделан досрочно по приказу т. Сталина. Сейчас пока что нахожусь в резерве...

Принятие присяги. 1941 г.

22 марта 1942 г.

...Школу окончил, всех выпустили младшими политруками, так что могу вам сообщить, что ваш сын и брат будет сражаться в недалеком будущем с коварным врагом политруком-коммунистом и беспощадно громить его.

Письма пока что не пишете, вот уж когда зачислят в часть, сообщу точный адрес...

Желаю всего наилучшего в вашей жизни. Крепко целую. Павлик.

Публикуемые письма хранятся у Е. М. Васильевой, сестры П. М. Гермизеева.

«На мою долю выпала тяжелая обстановка»

Письмо младшего лейтенанта
Петра Викторовича Никитишина

П. В. Никитишин родился в 1923 г. в селе Ново-Сергеевка Полтавского района Омской области. В 1941 г. окончил Еремевскую среднюю школу. В армию призван 25 июня 1941 г. Окончил военное училище в Томске.

Погиб в марте 1942 г. под Ленинградом.

14 августа 1941 г.

Добрый день, дорогой отец! Передаю Вам горячо-любовный привет! Желая прожить еще долго при хороших условиях! Благодарю за Ваше письмо. Я получил его 12 августа. Ваши письма являются для меня радостью. Ибо мне кажется, после того как прочитаю, что я поговорил с Вами. Мне всегда известно о домашней обстановке, что для меня и требуется. Не сходит с ума ваше тяжелое положение. Мое положение пока хорошее. Много приходится переносить трудностей. Часто бывают тревоги. Ночные занятия. Выходим в поле за 5—7 км. Насчет питания

хорошо. Особенно всегда обед бывает хороший! — борщ, макароны, компот, хлеба дают по 200—300 грамм в одну порцию! В общем, жить можно! Как вздумаю про семью, что голодная, то на сердце становится тяжело.

Военное положение сейчас очень трудное. Немцы взяли г. Смоленск и разно издеваются над нашим народом. Вы должны знать, газеты читаете. ...Враг коварный, хитрый, вооруженный до зубов. Для разгрома немцев от нас требуется упорная борьба. Поэтому придется и мне побывать на фронте! А там как придется — останусь живым или нет. Врагу в руки не сдамся. Буду драться до последнего дыхания. Отдам все свои способности и жизнь за Родину. Чтобы вам в будущем времени не быть под гнетом фашизма и жить свободно без угнетения, как жили без эксплуатации последние 20 лет. Сейчас с нас, курсантов, как с будущих лейтенантов, крепко спрашивают и учат военному делу. Как я писал, что срок обучения дан очень короткий. За 6 месяцев мы должны проработать то, что раньше проходили за 2 года. На мою долю молодой жизни выпала тяжелая обстановка. Охота было пожить. О содержании моих писем сильно не распространяйтесь.

Папаша, вы беспокоитесь о том, что как я живу без денег! В предыдущем письме я написал ясно, что стипендия укоротилась. Сейчас в месяц приходится по 10 руб. Правда этих денег мало. Но, если я вижу, что у вас нет и негде взять, то я не требую...

Сегодня, т. е. 14 августа, я в наряде часовым! В любое время написал письмо. Через 4 часа заступаю на пост! Службу несем по 2 часа. Время сейчас 8 часов вечера, через 2 часа идем на ужин. В нашем крае бывают каждодневные дожди. Сегодня утром был мороз. Пока все. Что не ясно, пишите.

До свидания. К сему, Ваш сын.

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2. Фотокопия.

«Мне очень хочется прожить еще несколько месяцев»

Письма рядового Александра Митрофановича Столповского

А. М. Столповский родился 3 ноября 1910 г. в г. Землянске Воронежской губернии. В 1912 г. семья переехала в Омск. По окончании школы работал на кирпичном заводе. Затем учился на рабфаке сельхозинститута. В 1941 г. с отличием окончил институт, мечтал быть агрономом.

Первый бой принял под Москвой в декабре 1941 г.

Погиб 8 апреля 1945 г. в боях под Веной.

20 сентября 1941 г.

Омск

Здравствуйте, дорогие!

...Как ни странно, но здесь в армии я совершенно иной, чем в институте. Там я был отличник, здесь незаметен. Чтобы быть отличником в армии, нужно иметь особенный характер, такой характер, какого у меня нет. Это, во-первых, умение подчиняться и держать в подчинении, нужно уметь быть зависимым, а также иметь зависящих, я же не могу согласиться с тем, чтобы моя воля находилась не под моим контролем, а в чьей-то власти, как не могу я созна-

вать, что влияю на кого-нибудь. Здесь говорят: в армии не мыслят, это, конечно, не по мне — я мыслю, я не умею не мыслить.

Во-вторых, рассуждая, я не могу, видно, повиноваться и распоряжаться. Всегда и всюду прежде, чем сделать, я хочу понять, прежде, чем рассказать, объяснить, отсюда очень важный недостаток — нерасторопность, как здесь выражаются: невнимательность, но это в корне неверно.

Наконец, в-третьих, в армейских условиях могут жить и процветать люди одного склада, особого типа, а именно: грубые, нахальные. Чем больше выявляются эти свойства, тем больше почет, больше успех. Это факт неоспоримый, и наблюдать его можно всегда.

Вот все, что меня делает маленьким человеком, я не плетусь в хвосте, потому что пока дисциплинирован, получаю посредственные отметки. Я просто рядовой курсант, каких много здесь: ничем не отличающийся, ничем не выдающийся. Да и не могу я быть иным, ибо у меня нет желания учиться убивать людей. Я не могу забыть своей специальности, которую получил с трудом и желанием. И, конечно, когда-нибудь я вернусь к ней снова. Это будет когда-нибудь в будущем, а сейчас мне жаль, что пропадает время, такое дорогое. Как бы много я мог получить за эти прожитые дни и те еще, которые остались впереди. Сколько книг останется не прочитано, сколько дел не сделано, сколько знаний пропущено мимо. Вот что мне до боли в сердце жаль. Остальное тревожит мало, ибо все неприятности и трудности пережить можно, нужно лишь терпеливо и по-философски к ним относиться...

А. Столповский.

29 октября 1941 г.
Чкаловская обл.*

Дорогие! Привет издалека. Вот уже третий день я нахожусь в Чкаловской области... Я очень рад, что перевезли из грязного душного Омска с его училищем, где все с начала и до конца прогнило. Здесь я не слышу поражающего мата, не вижу любимчиков и отверженных, нет того выделяющегося блата. Словом, несмотря на ряд неудобств бытового характера, здесь значительно больше культурности, и поэтому я доволен переменой обстановки. Здесь я дышу свежим прозрачным воздухом, вижу чистое голубое небо, посеребрившие сопки, вершины которых тянутся в голубые просторы. Все это напоминает мне другое, такое же чистое небо и сухие поля с сопками из камней, где несколько лет назад я бродил свободным и независимым. Но здешние сопки весьма значительно отличаются от тех, они богаты медью и железом...

6 ноября 1941 г.

...Я ходил с винтовкой за плечами по изуродованным морозом улицам и вспоминал о вас, книгах, институте. Как чертовски жаль, что здесь нет времени, даже на то, чтобы слегка повторить немецкий язык. Я его изрядно забыл, а он очень пригодится. Вообще я не привык к такой жизни. Очень трудно было в первое время, когда организм требует работы головы и хочет ощущать ее плоды...

5 января 1942 г.

...Пишу из поезда, направляющегося в Ташкент. Меня немного царапнула пуля, и вот теперь я еду в госпиталь лечиться. Не волнуйтесь, ранение самое пустяковое: в

* Ныне Оренбургская область.

большой палец левой руки. Самое страшное, чем может это закончиться — ампутируют палец.

За три месяца, как я уехал из Омска, мне пришлось исходить и посетить много мест. В боевых действиях участвую с 28 ноября, причем, со 2 декабря по 19, когда был ранен, все время в наступлении. За это время мы заняли десятки сел, захватили огромное количество трофеев и побили массу немцев. В общем, немцы отступали быстрее, чем пришли сюда, и им здорово влетело. Теперь несколько слов о немецкой армии. Прежде всего — это бездушные разбойники, у которых все человеческие чувства умерли. Они грабят, убивают, сжигают поселки, они способны на все гадости, что приходят в их головы.

...Я часто думаю о вас. Как вы живете? Долгими ночами, сидя у окна, я вижу ваши лица и вспоминаю прошлые дни, дни, когда мы вместе переживали невзгоды жизни и встречали ее радости. Живете ли вы еще на той же квартире? Целы ли моя библиотека, мой диплом? В заключение разрешите поздравить с Новым годом, праздниками и пожелать счастливой жизни, если она только возможна.

Пока всего хорошего.

21 января 1942 г.

...Я вот уже двенадцатый день нахожусь на излечении в госпитале. Как я живу? Постараюсь ответить кратко с самого начала. 22 октября я внезапно выехал из Омска вместе с половиной состава нашего училища. Куда? Об этом никто не знал до самого прибытия на место назначения, а это случилось 28 октября. Наша команда была откомандирована для формирования в Чкаловскую обл. на ст. Кувандык. Здесь я пробыл до 15 ноября. Жили довольно хорошо: свободно... 15 ноября часть состава нашей бригады перебрасывают в г. Чкалов, а оттуда в с. Павловское, находящееся в 25 км от города. В Павловском были недолго. 20—21 ноября к нам приезжал Ворошилов, про-

верил нашу подготовленность, а 22 мы были уже снова в Чкалове, где погрузились и отправились выполнять боевое задание, а 28 приехали в Загорск. Отсюда начинается уже настоящая боевая обстановка. Правда, еще не слышно ни автоматов, ни мин, ни пушек. Их мы услышали 5 декабря. Представьте себе, все это не так страшно, как говорят и как казалось раньше. Мне даже нравилось слушать это дикое пение, и лишь становилось немножко неприятно, когда пуля ложится рядом или разрывается мина около. Но, повторяю, все это не так страшно и во многих случаях смерть или ранение можно избежать, имея на плечах только голову, осторожность и внимательность. Конечно, это не дает полной гарантии на невредимость, ибо потери не избежать даже при идеально точном выполнении всех предосторожностей.

Первые дни мы находились в обороне. Оборона — это неприятная вещь зимой. Выроешь окопы и лежишь в них иногда целые часы, а иногда и сутками, а погода с нами не считается. Ей безразлично, немец это или русский. В наступление наша часть перешла числа 7—8 декабря. С этого дня начинается победное шествие. Мы преодолеваем иногда сильное, порой слабое сопротивление немцев, продвигаемся вперед. За эти дни мне пришлось побывать всюду: в разведке, в атаке, выносил раненых из-под огня противника, даже ночь провел в ротной санчасти, ухаживал за ранеными, то есть исполнял обязанности санитаря. В военной обстановке научился всему и все виды знания необходимы. Так проходили дни и ночи, и вот наступило 19 декабря. Утром в этот день мы продвигались дальше к Волоколамску и были уже близко от него. Но дойти мне не удалось. При взятии одной деревушки я был ранен и пошел назад.

...Немцы заслуживают самой жестокой кары за те злодеяния, которые принесли людям из мирного населения, пленным, да и нам. Поэтому несколько не жаль пристрелить, заколоть или вообще уничтожить каждого немца...

8 февраля 1943 г.

Здравствуйте, дорогие!

Я писал вам последний раз 2 февраля, но отправить не успел, потому что потерял написанное письмо. Поискал, пожалел и успокоился. Однако сегодня совесть снова проснулась, и вот я взялся за перо. Ведь мы теперь находимся в глубоком тылу, хотя никуда и не уходили от фронта. Просто фронт сам ушел от нас, да так, что самое ближайшее направление находится не менее 300 км. Фрицы удирают, умирают, сдаются в плен. Мне самому с подразделением приходилось конвоировать пленных. Вы представить не можете, наверное, что гордые немцы, представители великой и чистой расы, бывшие так недавно непобедимыми, вдруг очутились в беде. Ну, а для бед немчура не приспособлена. Куда делись их гордый вид, осанка победителя и тому подобные признаки великих триумфаторов... Из разговоров с ними я делаю вывод, что они никогда не подозревали о подобном разгроме. Они вообще ничего не знали о своем положении. Истина от них скрывалась, а поражение казалось невозможным. Однако они забыли, что мы русские, а для русских нет ничего невероятного.

Можете меня, а вместе со мной и моих товарищей поздравить: теперь наша часть гвардейская. Это означает, что кое-какие заслуги перед страной мы все-таки имеем...

19 октября 1943 г.

Добрый день, родные!

...Бои идут крепкие, проклятые фрицы упорно держат каждый клочок правого берега Днепра, но это им не удастся, шаг за шагом приходится уступать место нам — хозяевам. Удивительно нахальный народ: пришли незваные на чужую землю и даже уверены были, что это их собст-

венность. Сейчас Гитлер уже согласен, мол, давайте границу по Днепру и воевать бросим. Он и здесь дураков ищет. Ведь все равно ему ничего не поможет. Ну, хватит об этом болване. Как ваша жизнь?

...Мне не нравится погода. Хмурится, дождь идет. Вот уж совсем вредное явление — дождь. Кругом мокро, сам мокрый... Да, дома бы, кажется, десять раз заболел и умер в такой обстановке. А вот мы живем. Ну, всего хорошего. Пока, крепко жму руки.

20 декабря 1943 г.

Добрый, добрый день!

Мы снова не стоим на месте. Остались давно днепровские песчаные земли позади, и одно за другим проходят украинские села с белыми, как сахар, хатами, с золотистой соломой крыш. И теперь уже не в сырых и темных землянках находим мы свой приют, а в уютных маленьких хатах. Жители встречают очень приветливо. Мне кажется, я еще нигде не видал такого простодушия и гостеприимства.

Длинными вечерами девчата спивают украинские песни для нас, и тогда становится легче на сердце, потому что забывается война, и издалека встают близкие родные лица, места. Но война не может забыться, и ночью, или рано на рассвете мы снимаемся из гостеприимного уголка, чтобы пройти несколько километров на запад. Где я? Ну, конечно, на Украине. Но Украина велика и сказать — «я на Украине», это то же самое, что и совсем не сказать. А ведь последние сообщения информбюро перечисляли все населенные пункты освобожденные...*

...А знаете, как приятно нам получить письмо. Каждое письмо — это мост в далекую жизнь, которую мы защища-

* Далее несколько строк вычеркнуто военной цензурой.

ем. Так что, пишите чаще. Я знаю, что вам трудно и некогда. Жизнь тяжела — война наложила свое клеймо и там, в далеком тылу. Но все же нам часто приходится тяжелее, потому что кроме всех других трудностей у нас есть забота, которая перед вами не стоит. Это необходимость сохранять свою жизнь, бороться за нее, ибо она очень часто ставится на карту. Неверный шаг, и все кончено, У нас говорят: солдат ошибается один раз в жизни.

Как вы живете? Достали ли дров? Часто глядя на разбитое, разломанное, разбросанное добро, я думаю о том, как странно устроено в жизни все. Здесь валяется то, что там у вас не найдешь за большие деньги. Разрушаются вещи, ценности, жизни. Даже человек! Неправда ли, как грустно сознавать эти неприятности? Жизнь просто развивалась не по тем путям, какими бы следовало идти ей. Ну, как видите, я еще жив и здоров. Желая, чтобы и вы были здоровы. Это мое самое большое желание.

Пока до свидания. Крепко жму руки.

1 февраля 1944 г.

Сегодня я решил дать знать о себе всем. Редко, когда бывает столько свободного времени, чтобы весь день писать письма.

Я живу по-прежнему. Жив и здоров. Правда, болят зубы, но это в нашей обстановке не так ощутительно, здесь думать о зубах приходится редко, чаще всего забываешь. А нужно сказать, что с зубами у меня очень скверно. Домой приеду беззубым. Придется вставлять искусственные или шамкать.

Последний раз я написал вам очень мало. Не обижайтесь за это. Я всегда помню вас, всегда с вами.

...Как странно мне здесь после Сибири. В середине января началась самая настоящая весна. По дорогам ручьи, сани приходится бросать, искать повозки. Забота. А кому? Мне. И только от того, что весна не задержалась еще

на два месяца. Знаете, а Украина мне не так уж нравится. Может быть, от того, что война? Но жить на Украине я никогда не буду. Крепко целую.

18 февраля 1944 г.

Большой и пламенный привет!

Сегодня для нас знаменательный день. Что это за день, вы узнаете из сводок Информбюро. Фрицы еще раз крепко биты. А знаете ли как им не хотелось быть битыми? Они бросали все свои силы, чтобы как-нибудь помочь своим в беде. Но... Мы научились драться и довольно неплохо, об этом говорят сами немцы: «рус хорошо воюет, пуф и капут».

Я сегодня немного рад, ибо погода напоминает нашу сибирскую. Уже третий день гудит ветер, и снег кружится по полям, и в трех шагах ничего не видно. Хорошо. А то было совсем раскисло: снег растаял, и грязь непролазная.

За меня можете не беспокоиться, как видите, жив. Я бы очень желал своего здоровья вам. И кто его знает, откуда оно только берется? Дома бы десятки раз готовился к дороге на тот свет, а вот здесь даже голова не заболит. Ну это, конечно, хорошо, я не жалею нисколько...

Пока до свидания. Привет всем от меня, а вам от моего знакомого Виктора Пирожкова...

26 апреля 1944 г.

Бессарабия

Здравствуйте!

Я сижу в небольшой хатке. Она всего, если не считать печи, два на два метра. А живут в ней человек шесть. Я сижу и смотрю, как горит огонь в низенькой печи. У меня дело: надо выпечь хлеб для солдат. Я молчу. Разве нужно говорить? Они все равно не поймут меня: язык чу-

жой, а у некоторых сыновья и отцы в румынской армии.

Как странно? Я никогда не думал быть за границей? А вот пришлось. Слушаю колокольный звон, и это приятно...

Теперь немец хочет установить государственную границу на Днестре, это значит, нам придется уйти назад. Пусть попробует.

Пока до свидания.

20 июня 1944 г.

Добрый день, дорогие!

Пишу скверно, но чернилами, я так давно ими не писал, что хочется, преодолев все трудности (плохое перо, плохая бумага, плохие чернила), замазать чернилами и бумагу, и руки.

Я живу хорошо, даже можно сказать, очень хорошо, так как еще ни разу не жил после госпиталя.

Погода стоит прекрасная. Ем свежие ягоды, черешню, собираю цветы, читаю книги, играю в шашки, словом, занимаюсь далеко не военными делами, хотя и нахожусь под самым носом у фронта. Ничего не поделаешь, уж такова жизнь, то бросает в глубокую бездну, то вознесет высоко. Бывала всякая всячина — и бездна, и высь. Ну, сейчас пишу, должно быть, с высоты... Впрочем, это шутка. Я нисколько внутренне не изменился, когда вернусь домой, вы увидите перед собой ту же персону, что видели несколько лет назад, не считая, быть может, некоторых внешних изменений, но они особенно не будут бросаться в глаза.

Когда кончится война, а теперь прошло уже больше половины ее, и я вернусь домой, мы с вами наговоримся досыта. А пока очень благодарю за ваши письма. Нина *

* Нина Митрофановна Столповская, сестра А. М. Столповского. Долгое время работала в библиотеке Омского краеведческого музея.

Командиры 362-й стрелковой дивизии за разработкой тактической задачи (дивизия формировалась в Омске в 1941 г.). Сентябрь 1942 г.

конечно, утонула в библиотечных делах, я ей очень завидую. Попади сейчас на ее место я, так меня никакими силами не вытянули бы оттуда в течение целой недели, а может быть, и больше.

Напишите мне о городе. Он сейчас, наверное, сильно изменился, приеду и не узнаю в нем пыльного и грязного

старичка Омска. Я по нему тоже очень соскучился, хотя жить там не буду. Только проведу, как старого товарища.

Как ваше здоровье? Меня оно всегда сильно беспокоит, а невозможность оказать помощь, хотя бы маленькую, бесит...

15 июля 1944 г.

Добрый день!

Дорогие мои, сообщаю, что жив.

...Немцы разучились воевать, а русские научились. Новое в нынешнем нашем наступлении — это большое количество пленных генералов. А ведь это что-то значит. Очевидно, у них пропала вся вера в хваленую немецкую силу, а наш натиск настолько силен и стремителен, что больше ничего другого придумать, как сдать в плен, немцы не могут. Как вы живете? Все ли здоровы? Когда вы не пишете, я всегда очень беспокоюсь за ваше здоровье.

Как работаешь ты, папа? Вообще, напишите мне письмо и в нем все, как все, о себе и знакомых...

7 августа 1944 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Давно никому не писал, хотя и имею много свободного времени. Живу по-старому, жизнь однообразная, день как день, как две капли воды похожи. Читать совершенно нечего. Это меня просто убивает. Так что писать, кроме жив и здоров, ничего выдающегося не имею. Ну, а заниматься описаниями красот природы нет необходимости, во-первых, здесь нет выдающегося, чтобы нужно было о том много говорить, а во-вторых, красоту возможно найти во всем.

...Мама, я ведь очень хорошо знаю, как вы живете и,

поверь, мне бывает тяжело осознавать, что я вам ничем не могу помочь. Когда у меня есть деньги, я их высылаю, но они у меня не всегда, к сожалению, есть.

Все-таки я верю, что скоро все это кончится, и тогда я буду иметь несколько больше возможностей, нежели сейчас, и в отношении применения своих знаний, а также и в материальном обеспечении, своем и вас. Ведь должна же когда-нибудь дорога привести к счастливой жизни. А то всегда получалось: идешь, идешь, кажется, дошел, а глядь, надо поворачивать назад и начинать все сначала...

1 сентября 1944 г.

Дорогие мои!

Вы, наверное, давно меня похоронили и очень беспокоитесь, ведь я так долго молчал. Простите, я немного виноват, так как жив и молчу. Решил написать вам по-маленьку, для многого не позволяет обстановка.

Мы прорвали глубоко эшелонированную оборону немцев очень быстро и почти без потерь, так что они оказались в окружении, а Румыния повернула свои штыки. Теперь добиваем врага понемногу. Командир полка не успевает забирать пленных, а мы их доставлять. Всюду на нашем пути валяются трупы вражеских солдат, разбитые машины, повозки и самое разнообразное имущество. Немцу приходит конец, но он еще жестоко сопротивляется. Такая уж у него нечистая натура, даже издыхая, хочет быть великим...

Я живу ничего, если считаться с военными условиями. Работать приходится много, как справляюсь с делами, мне об этом не говорят, но еще не ругали... Дни стоят хорошие, солнечные, созревает виноград, и я, конечно, поедаю его в изобилии. Кроме винограда здесь очень много кукурузы. Села и города красивы, они утопают в зелени фруктовых садов, но фрукты наших отечественных садов лучше и раз-

нообразнее. Вообще, нет лучше нашей страны и приветливей нашего народа. Пока кончаю. Обо мне не надо беспокоиться, со мной ничего не случится.

2 октября 1944 г.

...Мы готовимся к последнему решительному удару, которым отрубим голову израненному врагу. Когда этот удар будет, сказать не могу, но не сомневаюсь, что нанести его будем мы сильно. Вот и все на моем фронте. Мне очень хочется прожить еще несколько месяцев, а затем увидеться с вами в обстановке, ничем не напоминающую нынешнюю. Нужно прожить еще только несколько месяцев! Как немного по сравнению с 33 месяцами и все же, как мало!..

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2; Музей Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова (письма от 8 февраля, 19 октября 1943 г., 18 февраля 1944 г.).

«Если я свою жизнь отдам за родину...»

Письма младшего сержанта Егора Васильевича Мозжерина

Е. В. Мозжерин родился в 1908 г. в деревне Могильно-Сторожельск Могильно-Посельского сельского совета Большереченского района. Работал в колхозе, был бригадиром, заведующим фермой, председателем колхоза.

Участвовал в боях на КВЖД в 1929 г. Служил в кавалерии.

Погиб в сентябре 1942 г. в Харьковской области.

1941 г.*

Здравствуй, дорогая моя супруга Мария Федоровна!

Дорогие мои, побывал бы я сейчас дома... Но надо привыкать закалывать старые кости... Вот я теперь узнал, как в армии служат. За месяц больше узнал, чем за всю прошлую войну. Это все еще цветочки, ягодки все впереди... Когда я отправляться буду на фронт, то хоть маленькую записку вам напишу. Эта записка вам не в радость будет, но ничего не поделаешь, стало быть наша участь такая.

* Письмо датировано по содержанию.

10 октября 1941 г.

...Я от вас получил письмо, был очень рад, но одно меня потревожило, что вы, Маруся, болеете... не запускайте болезнь. Вы лечитесь, детей не надо оставлять сиротами. Вы жили сиротой, знаете как. А на меня надеяться, как на вешний лед. Наши годы не ушли, нам хочется пожить. Возможно, я вернусь, как говорится по пословице: «За все бог, да добры люди». Если я свою жизнь отдам за Родину, то вы с детьми будете получать то, что нам положено...

До свидания. Передайте привет соседям.

Публикуемые письма хранятся у П. В. Мозжерина, брата Е. В. Мозжерина.

«Назовите её Марией»

Письмо Марии Михайловны Сосниной

М. М. Соснина родилась в 1917 г. в Омске в семье железнодорожника. Училась в железнодорожной школе. С 1936 г. стала заниматься велоспортом в спортивном обществе «Локомотив Востока». В этом же году заняла первое место по велоспорту на Омской железной дороге. Участвуя в 1938 г. в розыгрыше первенства по велоспорту в Ленинграде, заняла третье место в велокроссе, получила первой в Омске среди женщин звание мастера спорта СССР. Чемпионка страны 1939 г. Училась в Сибирском автодорожном институте. Перед войной приглашена в Ленинградский институт им. Лесгафта.

Погибла во время блокады в Ленинграде, в ополчении.

4 октября 1941 г.

Ленинград

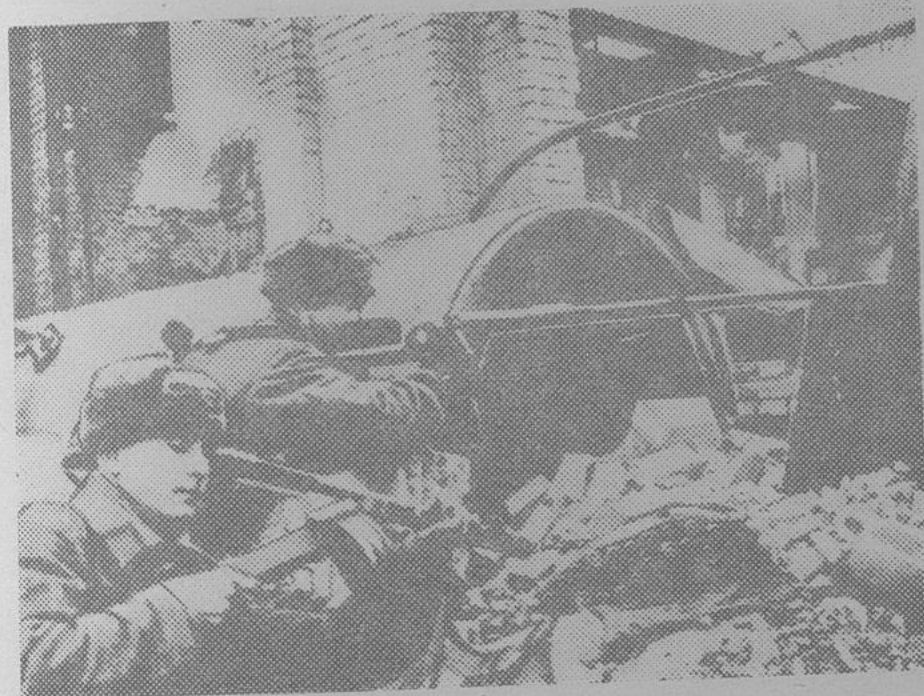
Здравствуйтесь, милые папа и мама, Андрияша и Аня, Павлик и Полина, Федя и Лидия и маленькие племяннички Адик, Галочка и Таничка!!!

О, как хочется сюда вписать еще два дорогих мне имя Вани и Васи...*, но их также нет с вами, как и меня. А все же хотелось, чтоб хоть Ваня приехал бы к вам. А нам с Василием, очевидно, не бывать скоро вместе... Как жаль... Ну ничего, тужить здорово не надо, может быть, скоро подлых гитлеровцев сгоним с нашей земли. Пишу это пись-

* Ваня и Вася — братья М. М. Сосниной.

мо, и самой не верится, что оно дойдет до вас, но, может быть, мне хоть в этом повезет. О! Нет, я хочу, чтобы это письмо вы получили, т. к. оно будет, пожалуй п[оследним]. Уж что-то слишком на сердце тяжело, и слезы накапывают, но вы не теряйте зря слез, не надо, это я расплакалась лишь потому, что захотелось увидеть вас хоть немного, но увы... Видно, это еще будет не так скоро, но ничего, мы еще дождемся, мы еще увидим хорошую жизнь. Папа, тебя я прошу только одно — не торопись пока уходить, погоди, у нас в стране есть еще много крепкой молодежи, а ты уж лучше работай на месте, теперь у вас с мамой есть и другая забота — это воспитывать внучат, а их у нас много. Федя, твое и Лидино письмо я получила, очень рада вашей дочери, уж видно будет красавицей наша Татьяна. Мама, а ты должна сильно любить эту внучку, видишь, тоже назвали Таней, мне это очень и очень понравилось. Полина, а вашу тайну с Павликом теперь я знаю, что вы ждете сына. Это хорошо, но если родится снова дочь, то теперь я могу и посоветовать ей имя, оно очень простое и, может быть, будет ей подходить, назовите ее Марией. Пусть будет у нас еще одна Мария. А если сын, то... вы сами должны догадаться. О рождении сообщите. Что-то Андрюша отстаёт, а? Обзавелся одним и успокоился, еще бы нужно ему хоть одного. А вот Ваня тот совсем отдалился от нас, ох, и обижена я на него, он все у нас с какими-то причудами. Ну ничего, лишь бы приехал домой. От Васи еще не получала после того, как вам написала последний раз в письме. Тогда он был еще на месте. Сейчас я жду от него письмо. Ну, я живу по-прежнему, как писала, только вот перемена: почти совсем переключилась на преподавание штыкового боя ополченцам города. А если, что скоро нагрянет в Ленинграде, так с винтовками и гранатами пойдем бить врага, но там не сдадимся, легче умирать будет, если убьешь двух или трех подлых фашистов, а об одном и говорить не буду, десятками будем их бить!!! Хотели уйти в морфлот, но институт

Бой на окраине Ленинграда. Ноябрь 1942 г.

не отпустил, т. к. работа наша сейчас очень нужная, поэтому придется обучать бойцов штыковому и рукопашному бою. Все мои земляки сражаются. Костя Галибин в морфлоте, что-то давно о нем не слышно. Сергей Пономарь в добровольческом отряде — тоже сражается, а Вовка Бусель..., да жалко, но ничего не поделаешь. Если сообщили, то успокойте его родных, а если нет, то молчите. Федя,

насчет совета ты правильно мне написал, но хочу, чтоб вы выбросили все мысли, что якобы вы давали совет, не вините себя, я всегда знаю, что вы мне можете сделать только хорошее и приятное, это так было и есть.

А уж, что будет со мной, увидим, как говорится: «Чему быть — тому не миновать». Так что вы на себя вину никакую не накладывайте. Ведь я все смотрела сама. А твое мнение я тоже поддерживаю. Вот теперь, очевидно, долго от вас ничего не дожидаться, очевидно, и от меня. Но моя просьба ко всем вам одна: это — жить всем вместе, дружно, любить друг друга. Я хочу, чтобы у вас не было ни одной не только крупной, но и маленькой ссоры. Мама и папа, любите сыновей, дочерей (Аню, Полину и Лиду) и всех внучат. О! Наша семья будет еще большая. А по окончании войны мы вернемся и тогда вновь заживем счастливой и радостной жизнью. Так ведь, да, папа?!!

Ну, пишите, как живете, как урожай, все-все пишите. А теперь уже все. Лидия, передай привет своей маме, Наде, бабушке. Пишите, жду. Крепко целую, ваша Мария.

Народный музей омских железнодорожников. О $\frac{2499}{д. 734}$.

«Мучит постоянная тревога за судьбу моей Родины»

Письма лейтенанта
Арсения Ефимовича Марикова

А. Е. Мариков родился в Омске. Окончил среднюю школу № 65. В 1940—1942 гг. учился в Хабаровском военном училище. Окончил его лейтенантом. Командир минометного взвода 671-го стрелкового полка 221-й стрелковой дивизии.

Погиб под Сталинградом в 1943 г.

2 ноября 1941 г.
Хабаровск

Дорогие мои, папа, мама, Валя, Миша!

Простите, что так редко пишу Вам. Это не является признаком того, что я забыл Вас, стоит ли еще несколько раз повторять о том, что Вы мне так дороги, что Вы всегда живете в моих мыслях. Сами подумайте, могу ли я забыть Вас в такое трудное, серьезное время. Вы — моя Родина, ваша судьба — судьба Родины. Родине грозит серьезная опасность — вам грозит серьезная опасность. Могу ли я, ваш сын, забыть Вас в такой момент. Родина, единственная моя Русь — моя жизнь, мое будущее, мое счастье, как мне не болеть твоими ранами, как не страдать за твою пролитую и льющуюся кровь, за твои слезы... Вам понятно мое состояние ненависти и страдания.

О чем писать? Сколько раз я брался за ручку и садился за стол, намереваясь написать Вам письмо, которое

Вы так ждете, но, начав его, я не мог кончить. Сколько в моей тетради для писем таких начал! Жив, здоров. Получил от Вас за все время несколько писем, навевающих легкую грусть, тоску о навсегда утерянном, утраченном, скоро начну воевать, близится конец моей учебы. Могу ли я надеяться на то, что останусь цел и невредим, пройдя через не один огненный год войны. Но что значит трагедия одного человека, когда совершается трагедия человечества.

Проклятье всем извергам — человечеству нужно очиститься от дурной японской, немецкой крови. Много ее нужно пролить и прольем, не зная жалости и пощады. Ненависть к врагам клокочет в груди. Но духом я бодр и здоров. Все, что ни делается нами, все к лучшему...

30—31 августа 1942 г.
Саратовская обл.

Здравствуйте, дорогие мои!

Стоят погожие удивительные дни... Конец июля... Зной колеблющийся, цветущие дали... Необъятные просторы... Волга. Как прекрасна жизнь... Как несчастна жизнь... Писем от Вас давно уже не получал. Как-то вы живете, мои дорогие? Жизнь моя течет...

«Томительно влекутся дни мои». Это, кажется, у Пушкина так сказано... Эту фразу я часто любил повторять, еще служа на ДВК... Какая-то мучительная, вдохновенная тоска, легкая грусть... Мне кажется, что она способна бы была родить многое. Мучит постоянная тревога за судьбу моей Родины... Тяжелое время... Быть или не быть? — так встал вопрос для меня... Мучительно больно понимать, что это еще до сих пор не все осознали. Некоторые до сих пор не все осознали, насколько велика опасность в настоящий момент для нашей любимой Руси, которую ничто никогда не заменит. Родина и жизнь моя, как субъекта, — понятия

тождественные, абсолютно равносильные... Больше упорства, необходимо с максимальным использованием сил и возможностей бить, колоть, рвать зубами, всем ожесточиться в пламенной ненависти к проклятым извергам. Когда я думаю о судьбе России, передо мной со всей неумолимой ясностью встает сознание, что это судьба... *
...моей маленькой Валеньки, крохотного Миши... Что можно сказать о себе.. Сейчас, когда вопрос неумолимо — быть или не быть России, всякие эгоистические чувства, заботы о себе исчезли. Но порой просыпаются голод, чувство тоски по книгам, по науке, по знаниям...

Всю ночь не спал, выходил на улицу, бродил по лесу... В темноте ночи как-то тоскливо вскрикивали паровозы... Они будили воспоминания о той поре, когда эти же тоскливые вскрики паровозов звали меня к хорошему, к знаниям.

...Надо полагать, что скоро буду там... А как будут дальше идти дела, станет ясно позднее. Пока все в порядке. Жив, здоров.

Целую и обнимаю.

Ваш плохой Арся.

Пишите, мои родные.

Музей Омского городского Дворца творчества детей и юношества.

* Далее неразборчиво.

«Скоро поедem на фронт»

Письма младшего лейтенанта
Афиногена Диановича Семенова

А. Д. Семенов родился в 1923 г. в селе Черлак. Работал в Черлакском затоне, на земмашине. Окончил Томское артиллерийское училище. Воевал на Кавказе. Был тяжело ранен. В конце 1942 г. скончался в госпитале Махачкалы, где и похоронен.

8 декабря 1941 г.
Томск

Здравствуйте, папа и мама!

Шлю я вам свой привет и желаю вам всего хорошего. В первых строках моего письма я сообщаю, что сейчас нахожусь в г. Томске, в первом Томском артиллерийском училище. Из Омска выехал 23 ноября, до Томска ехали 5 суток по железной дороге, в теплушках. На станциях сейчас много народу, поэтому у нас было несколько пересадок...

Нас в город никуда не отпускают, свободного времени тоже очень мало, всего 7 часов на сон...

Папа, в училище есть ребята из Черлака, из 10-х классов. Пишите, как вы живете, хорошо или плохо, а то я могу выслать деньги, которые у меня остались. Как здоровьем сами?..

Пишут ли вам Ваня, Тася...*

* Брат А. Д. Семенова Иван и сестра Тансия Кулакова находились в действующей армии.

Мой адрес: г. Томск, почтовый ящик за номером 120, батарея 120.

Ну, пока, до свидания. Остаюсь жив, здоров. Ваш сын Семенов А. Д.

3 февраля 1942 г.*
Томск

Здравствуйте, дорогие родители!

...Папа, я уже учусь второй месяц. 1 февраля принял присягу. Нам осталось учиться 4 месяца. В Томске все еще холодно, большинство уроков занимаемся на улице. Скоро будет тепло и заниматься будет легче. ...В первое время приходится трудно, но ничего, как-нибудь привыкну. Остаюсь жив и здоров. Пишите чаще письма... Ваш сын Семенов А. Д.

23 февраля 1942 г.
Томск

...Пока живу по-старому, хорошо, только тем плохо, что в город не отпускают, потому что в городе болеют тифом. Когда окончится карантин, тогда, может быть, схожу сфотографируюсь. Еще осталось учиться немного, половину уже проучились, а там поедem на фронт в июне месяце, а может быть, и раньше...

Папа, здесь много ребят знакомых из Черлака, Называевской, кое-когда встретимся, поговорим, но все же веселей, не то как быть одному. Ну и все, пишите чаще письма.

* Датируется по почтовому штемпелю.

Фронтвая бригада московских артистов на Южном фронте.
Поет Л. А. Русланова. Октябрь, 1941 г.

22 мая 1942 г.
Томск

Здравствуйте, дорогой зять Борис Константинович
и дорогая сестра Тася!

...У нас скоро будут выпускные зачеты, 24 мая. Предполагаем, но точно не знаем, что у нас будет выпуск 8—10 июня. В общем, скоро поедем на фронт защищать нашу Родину от немецких фашистов и надеемся, что в 1942 г. мы фашистских варваров выгоним с нашей территории...

Государственный архив Черлакского района Омской области.

«Мама! Ты за меня не беспокойся»

Письма сержанта Василия Семеновича Анохина

В. С. Анохин родился 11 мая 1923 г. в Омске. Учился в школе № 15. В апреле 1940 г. окончил Омскую школу ФЗУ в группе радиооператоров. Работал радиооператором в Нижне-Иртышском пароходстве.

В декабре 1941 г. призван в армию. Прошел курсы радиоспециалистов в Воронежской школе радиоспециалистов, эвакуированной в Новосибирск. В апреле 1942 г. направлен в действующую армию под Новоросийск. В мае 1942 г. часть, где служил Анохин, оказалась в тылу противника и стала действовать в подземном гарнизоне Аджимушкайских каменоломен под Керчью.

Умер от истощения в августе 1942 г. в Аджимушкайских каменоломнях.

3 января 1942 г.
Новосибирск

Здравствуй, мама!

Шлю свой пламенный красноармейский привет... Извещаю: я жив и здоров, учусь, за первый месяц учебы я окончил боевую и политическую подготовку на «отлично» и буду стараться и далее так продолжать, так как я должен твою просьбу выполнить.

Нам выдают теплое белье и простое белье нижнее, в общем, ходить тепло и свои теплые вещи не нужны. Ходим мы в сапогах, шинелях, шапках. Одежда вся новая.

Мама... не переводи денег, я и так обойдусь, нам каждый месяц будут выдавать 8 руб. 50 коп. В город пока не хожу, и деньги так сильно не нужны.

Мама! Обо мне не скучай. Живи, как жили мы с тобой вдвоем, кушай лучше.

Учиться мы будем недолго. Живем весело, ребята все молодежь.

Пиши, какие новости в Омске.

Твой сын Вася.

Мама! Если увидишь капитана, то передай ему большой привет, а также всем знакомым по пароходу*.

Пиши. Жду ответ.

Целую несчетно раз — твой сын Вася.

4 января 1942 г.
Новосибирск

Добрый день или вечер, дорогая моя мамочка!

Шлю свой пламенный красноармейский привет и желаю всего хорошего, а главное не скучать обо мне.

Вторично Вас извещаю, я устроился хорошо, буду повышать свой уровень знаний, но, конечно, должны знать, что сейчас у нас военное положение, школа хорошая, со мной находится товарищ — радист с парохода «Ирбит».

Прошу тебя, не скучай обо мне и кушай лучше, не думай все про меня, я чувствую себя отлично, буду писать чаще.

Пропиши, какие изменения в Омске?

Жму всем руки своей красноармейской рукой. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Целую мамочку несчетно раз.

Жду фото и ответ. Василий.

* Перед армией Анохин работал на пароходе «Красноармеец».

10 февраля 1942 г.
Новосибирск

Здравствуй, мама!

Пишу после занятий. 9 час. вечера.
Первым делом спешу известить тебя, что мною 9 февраля получено от тебя письмо и фото, за которое большое спасибо, также извещаю: жив, здоров, учусь. Время проходит быстро, уже прошло 1 месяц 10 дней, а их не видать, как прошли, но еще осталось немного учиться, занимаюсь пока хорошо.

Мама! Ты спрашиваешь, чтоб я сфотографировался, я тебе выслал фото, нас, как отличников, фотографировали. Пиши, какие новости, как насчет продуктов в Омске, где тебе выдают карточки, играет ли радио.
Целую несчетно раз. Сын Василий.

24 февраля 1942 г.
Новосибирск

Мамочка... Все-таки ты обо мне не скучай, учеба пока идет отлично, скоро кончаем и будем защищать нашу Великую Родину. Я в день праздника 23 февраля принял военную присягу, дал клятву всему народу и нашему правительству, я ее выполню с честью и достоинством.

Пока писать более нечего, остаюсь жив, здоров, того и тебе желаю, не скучай, прогоним немецких фашистов, вернемся домой.

Твой сын — Василий.

11 марта 1942 г.
Новосибирск

Здравствуй, мамочка!

Мама, разговаривал по телефону и думал, что говорю рядом, стоя с тобой. Я так обрадовался, что расстроился

и не знаю, что сказать. Но, мама, я еще тебя прошу — обо мне не скучай, я живу хорошо. Скоро школу кончаю.

23 апреля 1942 г.

Здравствуй, мама!

Спешу сообщить, еду благополучно, жив, здоров. 23 апреля вечером будем в Сталинграде, оттуда поедем на место назначения. Питаемся хорошо. Время проходит быстро — уже прошло 20 дней, как из Омска. Мама! Ты за меня не беспокойся. Живи как можно лучше, мама, пишу письмо, а поезд идет все ближе к фронту, каких-то километров 300—400 до него.

Пока до свидания. Целую, твой сын Вася. 23 апреля подъезжаю к Сталинграду.

ТЕЛЕГРАММА СРОЧНАЯ ОМСК ДОРОНИНА 70
АНОХИНОЙ АННЕ ИЗ СТАЛИНГРАДА
24/4 ПРОЕЗЖАЮ СТАЛИНГРАД ЖИВ ЗДОРОВ
ЦЕЛЮЮ

27 апреля 1942 г.
Новороссийск

Здравствуй, дорогая мамочка!

Спешу тебя известить, что 26 апреля ночью прибыл в Новороссийск, проехал благополучно, жив, здоров, еще сообщаю, что из Новороссийска следуем...* Обо мне не скучай, как-нибудь, может, пройдет хорошо. Большое спасибо за деньги. Они мнегодились. Пока писать нечего. Остаюсь жив и здоров. Крепко тебя, мамочка, целую. Передавай всем привет. На меня, мамочка, не обижайся, иду

* Вычеркнуто военной цензурой.

на фронт, гнать проклятого Гитлера с нашей земли. Целую всех, рад бы сейчас Вас всех поглядеть. К сему, Вася.

2 мая 1942 г.
Тамань

Здравствуй, мамочка!

Шлю свой пламенный красноармейский привет и желаю всего хорошего, а главное, быть здоровой. Поздравляю с прошедшим днем 1 мая. Мамочка, спешу сообщить, что прибыл на побережье Черного моря, против г. Керчи, в г. Тамань. До Тамани из Новороссийска шли пешком. Все благополучно, жив, здоров. Из этого города поедем на пароходе в Керчь и так далее. Погода стоит жаркая, настоящее лето и кругом море. Мамочка, обо мне не скучай, передавай привет всем родным и знакомым. Пиши Витичке письмо и от меня поклон, я о нем скучаю. Целую нечетно раз.

Твой сын Вася.

Куда дальше прибуду, сообщу, но не сейчас, долго не будет писем. Писать больше нечего, остаюсь жив, здоров, того тебе желаю. Всем, всем привет.

Пишу письмо на отдыхе, лежим на песке, жара.

Народный музей славы речников.

«Люди будут жить самой легкой, самой яркой и счастливой жизнью»

Письма старшего лейтенанта Германа Трофимовича Тельнова

Г. Т. Тельнов родился 21 июня 1912 г. в поселке Реж Свердловской области. В 1929 г. окончил школу. Работал учителем начальных классов. В 1934—1937 гг. служил в рядах Красной Армии на Дальнем Востоке. В сентябре 1938 г. поступил на агрономический факультет Омского сельхозинститута.

Добровольцем ушел на фронт. Учился в полковой школе Барнаула. 21 января 1942 г. в составе лыжного батальона выехал на Калининский фронт. Член ВКП(б).

19 мая 1942 г. пропал без вести в Великолукском районе Калининской области.

24 января —
9 февраля 1942 г.

Письмо сыну. Вскрыть в день вступления в пионеры в случае моей гибели.

Воля!*

Обстоятельства жизни могут сложиться так, что мне не удастся до конца выполнить свои отцовские обязанности перед тобой. Идет Отечественная война с германским фашизмом, и я еду на фронт.

Поэтому высказываю тебе мои пожелания и требования.

* В. Г. Тельнов родился 19 июня 1940 г. в Омске.

1. Уважай, люби, дорожи своей мамой. Она высоких качеств человек, много потрудилась в жизни и много пережила.

2. Люби труд, не будь белоручкой. И никогда не стыдись никакой работы: в жизни нужно уметь и пол вымыть, и заплату пришить, и железо ковать, и дом срубить — все, что потребуется. Пусть будут ловкими и умелыми руки твои.

3. Старайся как можно больше жить. Учись хорошо, много и настойчиво, но никогда не зазнавайся и не думай, что ты знаешь больше других. Зазнайка свойственно невеждам и хвастунам.

4. Будь человеком сильной воли, чтобы твои действия не расходились с тем, что намечает разум. И запомни, что воля — не данное человеку, а воспитывается им. Воспитывается очень длительно, тяжело и часто с болезненными переживаниями. Я очень хочу, чтобы ты был волевым человеком и в жизни своей старался походить на таких людей, как Чкалов В. П., Роальд Амундсен, Эдиссон, И. П. Павлов, Горький, Ленин, Сталин.

5. Будь честен, справедлив и прямолинеен. Умей отвечать за любой свой поступок.

6. Будь пионером, комсомольцем, коммунистом и таким, чтобы все твои маленькие и большие дела были подчинены одной цели — борьбе за торжество разума и труда.

Вот и все. Постарайся, Воля, быть человеком не хуже своих родителей.

Желаю тебе умной и радостной жизни.

Крепко-крепко тебя целую.

Твой папа Герман Тельнов.

14 марта 1942 г.

Дорогая Симочка, здравствуй!!!

Более месяца не писал, и ты, конечно, уже и нехорошего много передумала.

Но не моя эта вина. Я просто не имел никакой возможности тебе писать: долгое время шли и шли на запад. Нахожусь сейчас в Калининской области, в Великолукском районе. Как я живу? Хорошо, здоров. Тепло и удобно одет. Хорошо кушаю. Сплю, правда, маловато (скромно говоря), но мне и никогда не приходилось достаточно спать. А потом дело, ради которого не приходится спать, заставляет забывать о сне. Живу на учительской квартире, под боком целая комната с ценнейшими книгами, но заниматься ими могу лишь мысленно, условно...

Немцы от нас очень недалеко. Очень.

Пишите мне большущее письмо.

Привет Стольгане А. А.* и студентам нашим. Тебя целую много и крепко. — Твой минометчик Герман.

11 апреля 1942 г.

Родная моя Симочка!

День такой прекрасный, солнце так по-весеннему греет, что мысли невольно направляются в прошлое, и воспоминания заполняют меня.

Дней через восемь продолжаю. Лирическое настроение было прервано сугубо прозаическими делами...

Сегодня опечален я сильно: убило моего хорошего товарища, командира взвода Николая Розумова. Ему только 20—21 год, он, как и я, учился в институте, на механико-математическом факультете Ленинградского университета, затем был призван в армию, прошел курс усовершенствования и стал младшим лейтенантом. Это был культурный, знающий и храбрый командир.

Немцы из дзотов прикрывали огнем свое отступление. Он со своим взводом наступал на один из дзотов. Подползли метров на 80—100. Подбадривая своих молодых

* А. А. Стольгане, профессор Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова.

красноармейцев, он забыл о себе совсем и просто во весь рост ходил впереди, приказывая то одному, то другому спрятать голову, переползти в ложбинку или вынести из-под пуль раненого товарища. А затем поднял взвод в атаку, и в это время длинная очередь немецкого пулемета оборвала его жизнь.

Вот и осиротел взвод, вот и нет у меня больше хорошего товарища..., вот и нет у ленинградца М. Розумова способного, умного сына. Весь день не могу успокоиться... Остались у меня его дневники, письма от родных и знакомых и фотокарточки. Фотокарточки и кое-что из дневника пошлю его родителям домой, все не пошлешь, конечно, а надо бы...

10 апреля бригадная партийная комиссия приняла или точнее утвердила мой прием из кандидатов в члены ВКП(б). Скоро получу партийный билет, и будет он у меня всегда в левом кармане гимнастерки, против сердца.

Все, дорогие мои. Целую вас очень крепко. Как растет маленький Тельнов? Приходит в голову строфа из «Витязя в тигровой шкуре»:

Если сын, зачатый тобой,
Встретится с тобой с бородой,—
Значит, истый мужчина ты.

Целую очень крепко тебя, моя родная Симочка, и нашего озорного замарашку. Девять месяцев, как я его не видел. Большой ведь он уже теперь. Ну, пусть растет. Ваш Герман Тельнов.

12 апреля 1942 г.

Симочка, милая!

Пожалуй, напрасно я отправил тебе столь грустноватое письмо. И вчера я хотел взять его обратно с почты, но уже запоздал.

И, действительно, разве мало будет случаев, когда в бою будут гибнуть мои товарищи и близкие люди? И за-

чем это тебе описывать?! Зачем наводить на тебя грусть, заставлять думать о возможной утрате? — Незачем! И я не должен был отправлять тебе такое письмо.

Война не без жертв. Вполне может быть, что и я буду в числе их,— это понятно и мне, и тебе, и любому, всякому.

Если случится, что убьют, тогда и горевать будешь, печалиться, а прежде времени незачем, не нужно этого и вредно, работе мешает и жизни тоже.

Вот уже девять месяцев, как я не дома, и будет еще больше. Время же лучший целитель: ты постепенно привыкнешь к моему отсутствию, и ничто не изменится, если отсутствие это будет полным. Это так. И прежде времени не нужно думать о плохом: горя у человека и так много...

Что-то мой Волиночка поддельвает? Как-то он встречает свою вторую весну? Это вот меня так беспокоит, что сердце сжимается, когда я подумаю, что Вольке и молочка вдоволь нет. Эх, зарплату бы скорей получить, так и перевел бы вам тыщонки три рубликов. Хоть бы к 1 Мая выдали.

Сима, ты огородишко себе посади хоть маленький. В институт не стесняйся обращаться за чем нужно, моральное право на это имеешь полное.

Живу я неплохо и временами даже литературу почиываю. Прочел Тургенева «Андрей Колосов», «Жид», «Бретёр», «Постоялый двор».

Ночую чаще всего дома, и если спать удастся, на кровати сплю. Одним словом, живу не так уж сурово, как ты представляешь.

О тебе думаю много и часто, когда *поспокойнее*. Очень горжусь своими чувствами и отношением к тебе. Люблю я тебя вот как:

во-первых, уважаю за ум, за так называемый высокий здравый смысл; во-вторых, уверен в твоей моральной и нравственной чистоте; в-третьих, всегда чувствую, что ты меня понимаешь полностью и до конца и готова для меня

Кружковцы Омского городского Дворца пионеров за шитьем варежек для фронта. 1942 г.

сделать все, забывая даже о себе; в-четвертых, уважаю тебя, как женщину, которая может воспитать сына. И мне доставляет громадное моральное удовлетворение сознание того, что женщины кроме Симы для меня нет, что я не умею и не могу ни за кем волочиться и довольствоваться острыми ощущениями дорожной любви. Все это, как го-

ворят, мне претит. И этим, Симочка, я тоже горжусь. Все, моя дорогая. Целую тебя и Вольку.

Ваш Герман Тельнов.

24 апреля 1942 г.

Симочка, моя милая!

Живем пока в селе, которое более семи месяцев было в руках немцев. Никаких хозяев в доме, где мы располагаемся, нет... Порядок в комнате держу такой, какой бы держал, ожидая тебя к себе. О, если бы ты могла у меня хоть часок побыть!

Сима... Симочка... Симок!!!

Труднее всего вечером, когда стемнеет и нечем уже заниматься (огонь жечь нельзя), и спать еще не хочется. Думы тогда заполняют голову мою. И думаю я больше всего о вас с Волькой, о Вольке и тебе. О ком же больше?!

Эх, Сима, и жизнь будет после войны! Трудиться люди будут самозабвенно, стараясь как можно быстрее улучшить, облегчить и украсить свою жизнь. Страданий и горя за войну испытают очень многие... И свобода, прекращение войны вдохнут ныне... неизмеримые силы в этих людей. В разрушенных селах, поселках и городах закипит жизнь; напряжение жизни, труда будет невиданным. Люди в трудовом творчестве будут жить самой легкой, самой яркой и счастливой жизнью. Ведь ничто не захватывает человека так, как труд и творчество! И советские люди будут много умнее, чем до войны, немало из них испытают «крепости» фашизма. И они будут уметь узнавать и в своей среде врагов своих. Это же не секрет, что в захваченных немцами селах старшинами и полицейскими были «свои» местные люди. И немало нашлось этой сволочи на нашей земле! — Немало*.

Музей Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова; завещание сыну хранится в семье В. Г. Тельнова.

* Окончания письма не сохранилось.

«Начинаю втягиваться во фронтовую жизнь»

Письмо младшего лейтенанта Николая Петровича Скрылева

Н. П. Скрылев родился в Омске 1 сентября 1915 г. С 1935 г. работал в Нижне-Иртышском речном пароходстве техником-судоводителем, первым помощником капитана парохода «Орджоникидзе», в ремесленном училище № 7.

10 марта 1942 г. призван в действующую армию. Погиб в январе 1943 г.

[май] 1942 г.*

Здравствуй, Ага **!

Привет с фронта тебе, да сыну и нашим родным. Привет знакомым. Пишу тебе, не зная по счету которое письмо, а от тебя, наверное, не скоро получу. Жаль, конечно.

Ну все равно. Когда-нибудь получу. Живу по-старому, т. е. в землянке на расстоянии 1000 м от немцев, перестреливаемся с ними, изматывая силы и нервы. Кто кого. Покрепче морозы станут — будем выгонять их на холод... По-прежнему не умолкает канонада орудий и разрывы авиабомб.

Начинаю до того втягиваться во фронтовую жизнь, что все делаю автоматически. А я ведь здесь еще полтора месяца.

...Свободная минутка — не раздеваясь свалишься на свой матрац и засыпаешь. Ночью не до сна, проверяешь посты.

...В общем, основная жизнь кипит ночью. Ночью ходим по открытой местности, траншеями дальше, т. к. они извилисты.

...Я, наверное, тебе писал уже, что отъезжая на передовые позиции, я, всем на удивление, из Москвы захватил великолепный матрац. Из Владивостока ехал без матраца, на двух шинелях и все, здесь пришла фантазия взять матрац, в вагоне он мне сильно помог. Ну, а потом, когда с вагонов разгрузились, пришлось потаскаться мне с ним, как грешнику. Даже на 20-километровом марше нес его на себе. Зато сейчас он полностью себя окупил. Никакие жучки и букашки не лезут мне в нос и уши, когда я сплю или отдыхаю. Ну, Агния, пока все. Остаюсь жив и здоров. Как живете, пиши.

С приветом. Целую. Николай.

Народный музей славы речников.

* Точную дату письма установить не удалось.
** Письмо адресовано жене.

«Живем в окопах...»

Письма младшего лейтенанта Михаила Максимовича Фирсанова

М. М. Фирсанов родился 21 ноября 1905 г. в Таре. Работал на водном транспорте. Перед войной работал в Тобольске механиком парохода «Котельщик Елизаров». Член ВКП(б). В армии с 14 ноября 1941 г. Командир взвода 266-го арtpолка.

Погиб в августе 1943 г.

18 мая 1942 г.

Здравствуйте!

Пишу Вам каждые десять дней письмо. Пошел уже четвертый месяц, как я из Омска, а от Вас писем пока нет, и я не знаю, как Вы живете, все ли живы, здоровы ли ребята, как мама?

Поля! Ты, наверное, думаешь, что сидя в окопах, где смерть подкарауливает на каждом шагу, так я забыл про Вас? Нет, Поля, ошибаешься, если так думаешь.

Смерти я не боюсь — махнул на это дело рукой. Если судьбой определено быть убитым, то от этого не отвернешься, как ни хитри. А уж лучше об этом не думать. Я так и делаю и чувствую себя спокойно. Хотя здесь такие бои идут, что есть от чего с ума сойти. Я и думал, что сойду, пока ехал на фронт, а приехал, обстрелялся и ничего. Одно беспокоит, то, как Вы живете?

...На каком фронте я? На Украине. Освобождаем Родину от немецких гадов. Пока кончаю писать. Началась сильная бомбежка наших позиций немецкими самолетами.

...Продолжаю, был я в Донбассе, был в Ростовской области, сейчас на харьковской земле...

Ну, я живу ничего. Питание хорошее. Живем в окопах. Выбив немца из одного места, сразу же переходим на новые позиции. Деревни немец при отступлении сжигает полностью, торчат одни трубы. Жителей часть угоняет с собой, часть расстреливает, вешает и просто убивает — вернее замучивает.

Здесь на нашем фронте он отступает, сопротивляется упорно. Приходится брать с боем чуть ли не каждый метр занятой им нашей земли, но все же он откатывается назад.

Ну, пока все. Целую крепко тебя и ребят. Летят немецкие самолеты, где-то снова будут бомбить.

7 июня 1942 г.

Здравствуйте, Поля, Шура, Люся*!

Первое письмо с родины, т. е. от Вас, я получил 5 июня.

Большое спасибо, что обрадовали меня. Правда, я из него узнал только лишь то, что вы живы и здоровы. Ты, Поля, уж больно скупко пишешь. Получив от Вас письмо, я все же не знаю, как Вы живете, какой Вам дают паек. Какие есть на базаре продукты и какая цена? Хватило ли тебе дров? Все это меня интересует, а ты ничего про это не пишешь.

...Ты, Поля, спрашиваешь, как прошло у нас 1-е Мая? Немцы в этот день такую канонаду открыли, аж земля тряслась, мы тоже в долгу не остались.

А вот 12 мая мы начинали наступление — вот где был ад кромешный, вот где пролито крови.

Сейчас немного затихло, мы из окопов перешли в не-

* Письмо адресовано жене и детям.

большой украинский городишко, освобожденный от немцев.

Живем в хате вот уже трое суток. Сколько здесь пробудем, не знаю.

Нахожусь на Харьковском направлении. Ну, передавай от меня привет всем.

До свидания! Целую крепко тебя и ребят.

М. Фирсанов.

Народный музей славы речников.

«Не дадим ступить ногой в наш священный город»

Письма лейтенанта Михаила Яковлевича Похабова

М. Я. Похабов родился 10 января 1919 г. в Омске. Учился в школе им. Крупской, на вечернем отделении Омского речного техникума. Работал на водном транспорте кочегаром, масленщиком, первым помощником машиниста на пароходах. В сентябре 1939 г. призван на действительную службу, служил в Приморском крае. В феврале 1942 г. направлен на курсы командного состава в Ленинград.

Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Ленинграда».

23 января 1944 г. погиб в боях у полустанка Заозерная Ленинградской области.

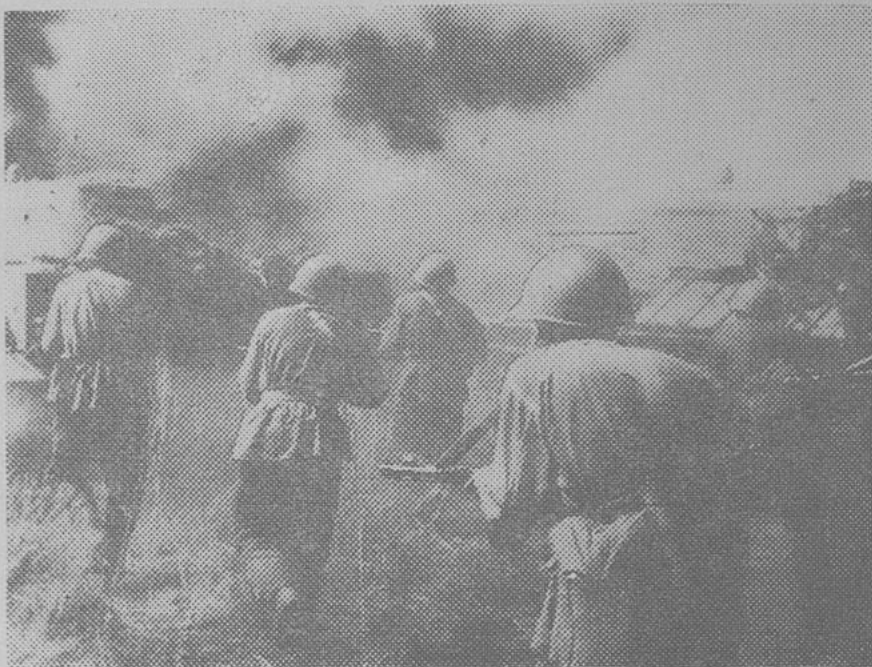
15 июля 1942 г.

Здравствуйте, папа, мама, Женя, Кока
и Верочка!

Шлю Вам горячий привет... Желаю Вам быть здоровыми, особенно Коке.

Нахожусь я пока еще там же, скоро кончаю. После чего, конечно, не знаю, куда пошлет меня Родина, но в данный момент жив и здоров.

Жизнь у нас все такая же, без изменений, но я думаю, что знаете сами из газет о нашем великом городе Ленина, который уже 11 месяцев в блокаде, но в котором жизнь не прекращается ни на минуту.

Пехота в атаке. 1942 г.

Конечно, хватило немножко, но ничего не попишешь, на то и война. Война без жертв и трудностей не бывает, а большевики все трудности переживают.

...Очень рад, что Вы посадили огород, это обеспечит вас. Моя просьба к Вам: обеспечивайте себя к зиме всем необходимым, а особенно питанием и топливом, а то мы в Ленинграде хватили на себе того и другого, холода и

голода, но духом не упали, рабочие на заводах, они получали зимой по 300 грамм хлеба и, зная, что они находятся в кольце блокады, давали за смену 2—3 нормы выработки, и подлый враг не прошел в город тогда. А теперь ему не видать нашего города-героя, как своих ушей. Мы ляжем костьми все, но не дадим ступить ногой в наш священный город подлому немецкому фашизму.

Остаюсь жив и здоров.
Ваш сын М. Похабов.

31 июля 1942 г.

Я очень рад за Вас, что вы живы и здоровы все, а это для меня самое главное, ведь Вы для меня, все вы для меня дороже всего на свете.

Я нахожусь еще в училище, скоро кончаю, а там уже буду действовать самостоятельно. А где буду, я не знаю, но знаю одно, что буду там, куда меня пошлет Родина, или же на передовую, где буду бить подлых ненавистных фашистов, или, может, и обучать молодое пополнение, т. е. резерв нашей Великой РККА.

Как Вы живете, что нового в Омске, как насчет продуктов питания, хлеба, мяса, овощей, молока?

Это у нас, в Ленинграде, когда город вот уже год находится в блокаде, с этим трудновато, но и то сейчас стало намного лучше, чем зимой, когда получали 300 грамм хлеба и то из дуранды (жмыха).

...Насчет меня прошу Вас, папочка и мамочка, не беспокойтесь, а лучше позаботьтесь о самих себе и всем Вашем семействе.

А если жив буду, то не помру. А когда разобьем фашистов, тогда и домой приеду.

Ну пока, до свидания!

Ваш сын Михаил.

Народный музей славы речников.

**«Кто побывал в этом городе,
тот всего виденного вовек
не позабудет»**

**Письма санинструктора
Ариадны Сергеевны Добросмысловой**

А. С. Добросмылова родилась 9 января 1923 г. в Кокчетаве. Окончила школу № 37 Омска.

В действующей армии с сентября 1942 г. Санинструктор 308-й стрелковой дивизии. Член КПСС с 1943 г., в партию вступила в Сталинграде. Тяжело ранена. Награждена орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда».

После войны окончила Омский педагогический институт им. А. М. Горького. Вела преподавательскую работу в институте: физкультуры и педагогическом.

В настоящее время живет в Омске.

7 сентября 1942 г.
Сталинград

Южный фронт.

Здравствуйтесь, дорогие мои омичи!

Ох, если бы вы знали, как тяжело бывает по месяцу не получать из дому никаких известий.

...Воюем на юге, природные условия весьма благоприятные, сплошные голые степи, порой выжженные, ни куста, ни деревца, вода на вес золота, земля очень твердая, и

зарываться в нее доставляет немало трудов. Но все это пустяки. Факт тот, что чувствуешь в себе невероятное количество энергии и ненависти, так что работа кипит, насколько хватает сил. Только сегодня удалось мне толком выяснить, которое число, а то совсем потеряли представление о времени, о числах, о днях и ночах, но это неудивительно, т. к. от грохота взрывов стоит шум в голове, хотя постепенно начинаем привыкать. Вообще, каждый день приносит столько интересного, столько различных впечатлений и переживаний, что я даже хотела вести дневник, но к сожалению, невозможно в настоящих условиях, теперь я, вообще, буду посылать вам только маленькие записки, что жива и здорова, об остальном сами догадаетесь..

Ваша Адя.

26 сентября 1942 г.
Сталинградский фронт

Здравствуйтесь, мои дорогие! Опять старая история: от вас ни слова. Так и не знаю почему. Я вам пишу регулярно, правда, однообразные, неинтересные письма, но других написать сейчас невозможно. Просто хочу, чтобы вы знали, что я жива и здорова, остальное — пустяки. О событиях на нашем фронте знаете из газет. Похваляюсь, что наши девушки вполне оправдали себя в этой кошмарной войне. Несколько человек уже представлены к награде, но они все говорят, что для них лучшая награда — горячая благодарность бойцов. И это действительно так. Этим искупаются все тяжести и невзгоды.

...Мамульчик, а как твое здоровье? Ох, как я по тебе соскучилась, моя дорогая, хорошая, золотко мое. Как папульчик? Все еще стройный юноша? Пишите мне ради бога. Я, честное слово, прямо не могу дожидаться. Ну, пока, целую вас всех крепко-крепко!!

Пишите-е-е!

Адя.

7 или 8 октября 1942 г.

Здравствуйте, дорогие! Кажется, есть возможность послать письмо, а то последнее время совсем не было никакой связи. От вас по-прежнему ничего не получаю, но я уж терплю...

В нашей жизни за последнее время произошло много печального. Самое тяжелое то, что мы потеряли нашего отца...* Хуже этого трудно что-нибудь представить. А вообще, если хотите иметь представление о нашей жизни, прочитайте статью Симонова «Дни и ночи» в «Правде» за 25 сентября, здорово описывает, но все-таки в действительности впечатление гораздо сильнее и интереснее. А мы до того обнюхались, что даже устроили себе баню, рискуя в случае крушения здания тикать в чем мать родила. Ну, пока все. Целую всех вас крепко-крепко.

Ваша Адя.

21 октября 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие! Наконец-то имею возможность написать вам письмо. Вчера вернулись из города в тот дубовый лес, чтобы отдохнуть, помыться, постираться. Здесь кажется скучно, до того привыкли к военной музыке, к напряженной обстановке. Последнее время работали на переправе, приходилось даже ползать по-пластунски под огнем автоматчиков, и мы смеялись, что на учениях нас силком заставляли ползти, а тут все сами сразу попадали в песок носом и ползли так, что не догнать! Теперь я побывала в таких условиях, что считаю себя настоящим фронтовиком, да вообще, кто побывал в этом городе, тот всего виденного вовек не позабудет. Воспоминаний будет на всю жизнь. В последний день нас разбомбали, и я начинаю верить в судьбу и в чудо, т. к. только

* Фамилия вычеркнута военной цензурой. Речь идет о полковнике Михалева.

чудо спасло нас, правда, завалило и оглушило несколько человек, но мы их мигом откопали, перешли на другое место и уже хохотали, когда вспоминали, как нас волной выбросило из окопа, и мы летели, как галушки из кастрюли. Зато нам достались «трофеи»: пробитая пулями банка со сгущенным молоком в 10 кг да 2 мешка пшена.

...Мамульчик, обо мне не беспокойся, я уж теперь знаю, что письма приходят раз в год по случаю... К вам, по-видимому, приходила мама Кати Сокольской. Прямо не представляю, как вы ей передадите о смерти Катюши. Она погибла всего два дня назад, до этого все время была со своим батальоном на самой передовой, ее приняли в комсомол после первых боев...

Может, кто еще будет спрашивать, так скажите, там из омских девчат погибли: Вера Шуванева, Лиля Таскаева, и Соня Скачкова. Вчера Кате пришло 11 писем из дому, мы их прочитали и сожгли. Тяжело, но тем, кто остался в тылу, еще тяжелее. Мне, например, бывает очень трудно писать какой-нибудь матери о смерти ее дочери. Мои «бойцы», слава богу, все еще живы, я на них не нарадуюсь, зову их «мои орлы»...

31 октября 1942 г.

Здравствуйте, дорогие мои! Вчера ночью мне принесли сразу кучу писем от мамочки, папика, тети Юленьки, Райки, правда еще совсем древние, писанные в начале сентября, но все равно я от радости не знала, что делать, даже руки задрожали. Ждать до света я, конечно, не могла, уничтожила пять коробок спичек, сожгла все пальцы, но письма все же прочитала и еще перечитала и прямо даже разволновалась. Дорогие мои! Вы за меня не беспокойтесь! Я, если когда и похандрю, так недолго. В основном же, у меня всегда настроение хорошее. Сейчас особенно и скучать-то некогда, т. к. работы с каждым днем больше и условия все труднее. Уже поговаривают о том, чтобы нас

из города взять, заменить мужчинами, а нас на тыловые работы. Мы возмущаемся, говорим, неужели мы не оправдали себя на этой работе? Но мне командир обещал, что меня оставят. Вчера отправили письмо товарищу Сталину. Вы его, вероятно, читали в газетах. Я, конечно, тоже подписалась, и мы целый день воображали, даже подросли от гордости... Сейчас мы позавтракали, ели только шоколад и печенье, т. к. сварить ничего нельзя. У нас большое неудобство: плохо ходить в уборную, вылезать из блиндажа, так мы пускаемся на всякие выдумки и хитрости. Ну, дорогие, пока, жду писем, целую всех вас крепко-крепко.

Адя.

2 ноября 1942 г.

Здравствуйтесь, мои дорогие! Вот уже и ноябрь. Скоро праздник, и как вспомнишь про него, так настроение поднимается. Как-то мы его встретим! Сейчас стоят чудесные осенние дни, настоящая золотая осень, дождь идет редко, в основном — ясные, солнечные дни, река прямо зеркальная, только редко поверхность ее бывает спокойна, до того истерзали ее непрерывным обстрелом, бомбежкой. У нас уже третий день обстановка накалена до предела, даже нет возможности прислать нам смену. Я приобрела себе автомат и теперь чувствую себя значительно уверенней. Сегодня я чуть не попала в переплет, побежала за водой, вдруг обстрел, меня шарахнуло об землю так, что вода пролилась, пришлось вернуться еще раз набрать воды, да драпать без задних ног, пока голова цела. Сейчас сижу и дую воду с шоколадом, сегодня утром объелась соленой рыбы, так теперь пью и пью, аж пузене тяжело стало. А шоколад нам присылают в подарках! Так мы теперь на сахар и смотреть не хотим.

Говорят, что в штаб пришли письма, но добраться до туда нелегко, приходится терпеть и ждать счастливого

случая, когда кто-нибудь принесет. Немного уже осталось времени и до моего дня рождения. Подумать только, скоро мне будет 20 лет! Уже совсем большая. Никогда не думала, что буду справлять свое двадцатилетие в огне и грохоте жестоких боев. Вы уж там меня вспомните дорогим словом в этот день. Ну, пока, дорогие, целую всех вас крепко-крепко.

Ваша Адя.

14 ноября 1942 г.

Здравствуйтесь, мои дорогие! Позавчера отправила вам письмо, сегодня пишу опять. И опять же во время работы в штабе. Теперь, пока мы стоим на месте, нас временно взяли в штаб писарями. Жизнь наша сейчас протекает совсем по типу мирного времени.

Как вы встречали праздники? По случаю праздника в полку был митинг, он надолго останется в нашей памяти. Подумайте, ведь это впервые после боев наш полк собрался в землянке, посмотрели мы друг на друга, на оставшихся в живых, а как заговорил командир полка — у многих слезы на глазах навернулись. Впрочем, мне это не передать...

16 ноября 1942 г.

Здравствуйтесь, мои дорогие!

Ура, опять получила 2 письма от папика и от Веруськи* и совсем забеспокоилась: что это с ним? Фурункулез, конечно, от истощения, недаром Веруська пишет, что от него остались кожа да кости. Только, Верусек, ты жалуешься, что он тебя не слушается и ничего не ест, а я думаю, потому не ест, что нечего. Ведь с питанием у вас

* Сестра А. С. Добросмысловой.

паршиво, куда там какие-то 400 г хлеба, когда мы 800 уплетаем и не заметим. Прямо и не знаю, что придумать. И мамик-то, вероятно, не лучше выглядит. Вот беда-то!

...Я сейчас живу пока по-прежнему, изменений в жизни нет, работаю в штабе, иногда ночами, как в данный момент. Вчера целый день писали извещения об убитых, и думаю: вот будут проклинать того, кто писал! Да еще расстраиваемся, когда читаем письма убитым девочкам, особенно одно вчера читали, мама Гали Канышевой пишет, что ждет ее не дождется, что дни и ночи о ней думает, т. к. она у нее одна дочь, что ей и солнце сейчас не так светит. А Галки уж и в живых нет... Кате Сокольской тоже идут письма. Мы их сжигаем и все не можем собраться написать, что она убита. Вот какие дела-то.

Ваша Адя.

26 ноября 1942 г.

Здравствуйтесь, мои дорогие!

...Наша жизнь сейчас полна бурной радости. 20-го ночью нас подняли по тревоге и зачитали приказ перед строем. Результаты его сказались на другой же день, они вам известны по газетам. Наши любимые «В последний час» так и сыпятся! Представляю, как вы там слушаете их по радио и как радуетесь за нас. Правда, сейчас мы не на передовой, но, откровенно говоря, нам достался самый трудный период, когда мы почти одни сдерживали натиск врага, держали оборону до подхода решающих сил. Поэтому-то мы сейчас временно и отдыхаем.

На днях я ездила за получением партдокументов, и пока начальник политотдела был на совещании, мы сидели в его землянке одни, топили печь и слушали радио. Ой, вы подумайте, Омск слушали!!! Там передавали какой-то доклад на политическую тему. Мы его с таким удовольствием и волнением слушали, что и передать нельзя.

Еще слушали Москву, Тбилиси, Новосибирск и т. д. Словом, я три часа просидела не пошевелившись, совсем забыла про окружающую обстановку и когда очнулась, так как будто после чудесного сна...

3 декабря 1942 г.

Здравствуйтесь, мои дорогие! Ну, вот и декабрь наступил, который я всегда любила больше всего. Скоро мое двадцатилетие, скоро Новый год. Что-то он нам принесет, может, в этом году увижу, наконец, вас. Я очень рада, что вы можете, до некоторой степени, получить представление о нашей жизни и наших делах. Ведь статью Вас. Гроссмана про нашу дивизию «Направление главного удара» напечатали в «Правде» за 26 ноября. До чего правдиво он все описал, все верно от слова до слова. Когда жили в городе, то не обращали ни на что внимания, теперь же, когда все прошло, начинаешь смотреть на это другими глазами, начинаешь понимать, что ведь действительно все это не так просто было. И когда читаешь, до того опять все живо встает перед глазами, будто снова это переживаешь. Трудно передать словами, какое получается сильное впечатление. Когда Катеринка читала вслух, то даже читать не могла, слезы навернулись, особенно, когда писали про нашего любимого «отца» полковника Михалева. Да, многое пришлось пережить, но зато теперь, когда нас немного, мы стали как родные, до того заботливо и внимательно относимся друг к другу... Война сближает людей, особенно такая, какая досталась на нашу долю.

...Сохраните эту статью в память о моей боевой жизни. Кстати, этот завод, который мы защищали, сейчас уже освобожден. А во время того восьмидесятичасового налета нас как раз и разбомбахало...

Сейчас нам шлют много подарков от трудящихся городов, получаем пряники, колбасу и т. д.

Сегодня день был замечательный, «мороз и солнце,

день чудесный!»! Я после наряда накупалась в бане, и теперь мы все чистенькие, наделали укладок, отдыхаем. Баню мы сами себе сделали, теперь топим ее почти каждый день, жарим свои шмотки во избежание формирования «автоматчиков», словом — рай. Нам сейчас выдали подшлемники, его как распустишь, натянешь — одни глаза остаются. Мы из них накрутили себе шапочек вроде лыжных, разных фасонов, так командиры удивляются, уж эти девчата, что-нибудь да выдумают. Смеются, что едва выбрались из-под бомб — опять укладки, пудра трофейная и т. д. Говорят: «Одно слово — девчата»... Сейчас тороплюсь на партбюро, уже Зоя пришла за мной. Пока!

Адя.

1 января 1943 г.

С новым годом, мои дорогие! С новыми победами. Ну, как вы встретили годовщину? Я ее встретила глубоким, сладким сном, утомленная после тяжелой работы. Таким образом, легла спать в 1942 г., а проснулась в 1943, спала как убитая, даже не слышала, как подкрался этот долгожданный именинник... За несколько дней в моей жизни масса изменений, после конюха я уж побывала в должности младшего писаря, принимала дела в штабе, потом вернулась в санроту, чему была бесконечно рада, ибо терпеть не могу писанину... Но в нашей жизни все так быстро, неожиданно меняется, что никогда нельзя предполагать, где будешь завтра. И вот уже на другой день мы все принялись за заготовку дров для эшелона. Мужчины пилили дрова, валили дубы, а нам дали салазки возить их и грузить на машины... Потом ночью выступили на станцию, все топали ночь напролет по морозу. Три дня и три ночи жгли костры, приплясывая вокруг них, варили кашу на кострах, ели ее на морозе, хлеб рубили топором. Потом принялись за погрузку...

Пока, дорогие, пишите! Хотя теперь долго не будет почты. А мы скоро получим медали «За оборону Сталинграда», уже подали списки. Во! Ну, все, целую вас крепко-крепко. Пишите. Адя.

11 января 1943 г.

...Мы все еще в дороге, двигаемся, не торопясь, понемножку. Постепенно начинаем возвращаться к прежней жизни, а то за несколько месяцев лесного существования мы совсем одичали. Вчера впервые увидели станцию и деревню, в которых вместо развалин, обломков — целые дома, ни одной воронки. С каким удивлением смотрели мы на штатских, гражданских, от которых совсем уже отвыкли. А как обрадовались, когда увидели электричество, мирный свет, падающий на снег из жилых комнат. Сразу повеяло чем-то родным, домашним, и мы размечтались о доме. Впрочем, о вас я и так думаю каждый день, в мыслях все время живу с вами, в письмах делюсь всякими мелочами. Сегодня замечательный зимний денек, легкий морозец... Все высыпали из вагонов, и началась кутерьма, снег глубокий, нас всех перевалили, а и мы в долгу не остались. Самого командира полка вывалили в снегу, начальника штаба и т. д. Как быстро идет время! Уже половина января, второго зимнего месяца. Так, пожалуй, мы только к весне вернемся на фронт. Если так, то надо признать, что нам повезло, т. к. работать в зимних условиях невероятно трудно. Помните, я еще перед отъездом говорила, что единственное, чего я боюсь — это морозу...

13 января 1943 г.

Посылаю вам новую песню про нашу дивизию, поется на мотив казака Голоты. «Баррикады» — это завод, который мы обороняли.

ЗА СТАЛИНГРАД

Песня 308-й дивизии

Собирались сюда мы недолго,
Под раскатами лихих канонад,
И прошли через Матушку-Волгу
На великий рубеж Сталинград.

Припев:
«Баррикады», «Баррикады».
Зубы враг сломил о вас.
Мы стояли в Сталинграде
Насмерть в этот грозный час.

Мы сказали: «Отчизна родная,
Нам неведомо слово назад!»
Стала крепостью триста восьмая
У пылающих стен «Баррикад».

Враг бросал весь огонь свой гремучий,
Собирая все силы в кулак,
Но крушил его схваткой могучей
Удалой богатырь-сибиряк.

Мы с тобой поражений не знали,
Был наш лозунг: «Ни шагу назад!»
До последнего насмерть стояли,
Но не сдали врагу Сталинград!

23 февраля 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Едем хорошо, поезд несется с быстротой молнии, через несколько часов будем в Москве. Где будем завтра — неизвестно, как всегда бывает в нашей жизни...

Ваша Адя.

28 февраля 1943 г.

...Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, если от меня опять некоторое время не будет писем. Ведь мы сейчас в таких

условиях, что не всегда возможно черкнуть даже пару слов.

...Доехали благополучно. Потом, конечно, чапали. Ох, и снегу же здесь! Прямо не знаем, что будет весной, все потонем.

Местность эта была 3 месяца оккупирована немцами. Первую ночь мы ночевали в деревне, где всего несколько домов, остальное все разрушено немцами. И продукты все как есть поели, гады, на весь колхоз осталась одна корова. Ребятишки такие, что смотреть больно, худенькие, никто не смеется, только смотрят испуганными глазами. Хозяйка, у которой мы остановились, встретила нас замечательно. Сразу нагрела нам воды, напоила чаем, а через 5 мин. мы уже устроили стирку, все перестирали. У этой хозяйки немцы убили дочку наших лет, а сын, 16-ти лет, ушел в партизаны, а потом добровольцем в Красную Армию... Хозяева много рассказывают про фрицев, говорят, что все они до одного клянут своего Гитлера на чем свет стоит...

24 марта 1943 г.

Здравствуйте, милые мои мамочка, папик,
Веруська и бабушки!

У нас вчера был праздник: годовщина нашей дивизии. После обеда был нерабочий день, был торжественный митинг, концерт и танцы. Выдавали белый хлеб и по 100 г вина.

...На митинге выступал майор Савчинский. Первым долгом он предложил почтить память павших за Сталинград снятием шапок. Представляете, какой был момент, когда оркестр заиграл траурный марш, склонились знамена, и весь полк замер с обнаженными головами. Сразу встали перед глазами образы погибших товарищей, павших в жестоких боях, девчата, которые не вернулись из

Сталинградской битвы, ведь ехало нас туда 96 чел., а вернулось 30! Недаром Ниночка Кокорина, наш маленький Чижик, которая вынесла с поля боя 76 раненых и награждена орденом Красной Звезды и у которой в Сталинграде погибла любимая подруга, не выдержала и разрыдалась. После этого у всех было грустное, подавленное настроение, уж очень потрясло нас это воспоминание. В докладе майор вспоминал о времени нашего формирования в далеком Омске, о полковнике Михалеве, словом, митинг этот нас только расстроил...

9 мая 1943 г.

Дорогие мои!

...Посылаю вам свою рожу, совершенно случайно удалось получить от фотографа, который фотографировал нас на партбилет. ...Катюша* очень жалеет, что ей не досталось лишней карточки, и мы бы тоже вам послали показать. Мы вместе фотографировались, т. к. вместе получали партбилеты. Ой, какой это был день! Катеринка прыгала, как коза, и говорит, что как положила билет в карман, так аж сердце зажгло. Ездили мы в политотдел вместе с фельдшером Богдановым. Он получал кандидатскую карточку. Вручал нам билеты подполковник Свирин**, пожал руки нам и сказал, что надеется на нас, воспитанников этой дивизии. Нам казалось, что мы с этого момента стали значительно выше и старше. На обратном пути с Катюшкой от избытка чувств орала во все горло «Гимн партии большевиков», а я декламировала клятву т. Сталину «Мы коммунисты». Катюшка и сейчас все нет-нет да и вытаскивает эту красную книжечку, не может на нее посмотреть!

* Екатерина Смирнова до войны жила в колхозе «Коминтерн» Калачинского района.

** А. М. Свирин — комиссар 308-й стрелковой дивизии.

29 мая 1943 г.

Дорогие мои, здравствуйте!

...Проходили Валькин родной город*, из одного конца в другой по центральным улицам. Вид большого города опять произвел очень сильное впечатление, напомнил Омск. Я шла по трамвайным рельсам, опустив голову, и представляла, что это я иду по Омску и сейчас, как подниму голову, увижу железный мост, ул. Ленина и т. д....

...Одна дневка была в 20 мин. ходьбы от толстовских мест... Было уже поздно, мы тронулись в путь, и пришлось удовлетвориться видом на Я. П.** с возвышенности. Чудное местечко, расположенное в зеленой долине, окруженной рощицей.

На одной из днейков нам довелось расположиться в деревне, и там мы крепко поругались с одной бабкой. Она никак не хотела пустить нас на территорию своего двора... Как пошла она нас отчитывать! Говорит: «Вон вас какую силу гонят, а все не можете немца сломить. Была бы, говорит, я помоложе, так я бы его — ух!» И с такой злобой кулаки сжала. Говорит, «у меня все сыновья на фронте, и сама бы я пошла, если бы могла...» Вообще-то такая ненависть к немцам здесь понятна, т. к. почти все деревни опустошены и разрушены, некоторые совершенно мертвы, кое-где редкие жители. Вот, гады, что натворили!

Сейчас мы расположились в 12 км от передовой в замечательном местечке... А немцы, между прочим, здесь уже пронюхали о нашем пребывании и называют нас в листовках «сталинградскими бандитами» и рисуют с ножами в руках и с медалями на груди. Нам, конечно, очень льстит такое мнение о нас со стороны фрицев.

Ваша Адя.

* Тулу.

** Ясную Поляну.

...Я жутко соскучилась по книгам. В одной деревне мы обнаружили «Евгения Онегина», так зачитали его до дыр, в каждую свободную минутку с упоением читали его вслух. Ой, забыла, ведь у нас позавчера было целое событие — кино! Приезжала агитмашина нашего фронта, показывали картину «Секретарь райкома», какая сильная вещь! Так много знакомого, виденного, а вид горящего города здорово напоминает Сталинградские дни, в общем, впечатление очень большое...

15 июля 1943 г.

Дорогие мои!

Жива, здорова, воюем. О боях знаете из газет, что крепкие, поэтому нет ни минутки свободной. Пишите, дорогие! Подробности напишу, как будет передышка. Будем драться за город гордой птицы. Целую крепко. Адя.

19 июля 1943 г.

Дорогие мои, здравствуйте!

...Как вступили 12-го в бой, так все завертелось, понеслось каким-то сумасшедшим ураганом. Били и бьем мы фрицев так, что они бегут без оглядки, занимаем одну деревню за другой, немцев берем в плен целыми полками и, не дав им передохнуть, гоним их все дальше и дальше.

В первый же день нас постигло тяжелое горе: нашу чудесную Зоюшку* и еще одну девушку Пану переехало танком. Они находились на КП, дежурили там, и их переехало вместе с майором. Хорошо еще, что они попали между гусеницами, а то бы одна лепешка осталась. Зоюшка еще хорошо отделалась, ей только голову примяло к земле, а вот у Паны отдавлена вся нижняя половина,

* З. А. Путилову, см. о ней и ее письма в наст. издании.

состояние очень тяжелое, может остаться калекой на всю жизнь... Катюшке начальник штаба подарил револьвер, и она носится, где надо и не надо, лазили с Зиной по траншеям, вылавливали оставшихся фрицев. А Чижик с Надюшкой* работали под страшным обстрелом. И вот вчера Надюшку Перельгину ранило. Ранение очень тяжелое, в грудь, навывлет, задето легкое, мы ее немедленно отвезли в медсанбат, но состояние ее почти безнадежное, почти все время находится без сознания, и мы страшно волнуемся за ее жизнь. Вечером ее уже эвакуировали из госпиталя, и теперь мы не знаем, что с ней... Пончик (Лида Подоплелова) погибла. Она была тяжело ранена, но прежде, чем сделать себе перевязку, поползла перевязывать бойцов, и потом умерла на поле боя. Ее посмертно представили к ордену Ленина. Надя Мордвинова ранена в бедро, не очень тяжело, кость цела. Надя Мингалева жива, здорова, работает на поле боя. Да, я забыла написать, что Зоюнчик наша уже вернулась, еще слабенькая. Левая половина лица у нее вся покорябана.

Вот уже 2 ночи у нас мало раненых, передышка, как в песне поется: «Сегодня у нас передышка, а завтра вернемся к боям». Наши бойцы, молодые пацанята, воюют так, что мы от них и не ожидали, задору в них — хоть отбавляй. Вчера два татарчонка привели 8 пленных, да вообще, этих пленных фрицев берем прямо десятками (мы пахали!). В общем, ребята наши молодцы, берут пример с Гуртьева, который на своей машине носится под ураганым обстрелом по самой передовой. Представляете, что значит отбить танковую атаку. Так вот, наши ребята отбивают по 3 атаки «тигров» в ночь, да еще сами переходят в контратаки и гонят фрицев. В одном из наших артполков есть верблюды, которого приобрели еще под Сталинградом. Так вот, один узбек несется на этом верблюде по дороге и кричит: «Вперед, на Запад!» Едва фрицев выши-

* Н. Перельгина — боец санроты 308-й дивизии.

бают из села, мы перебираемся туда вслед за бойцами. Интересно заходить в село, где только сегодня были фрицы! Все надписи, вывески на немецком языке. У колодца дощечка: «Только для немецких солдат». Но жителей совсем нет, немцы всех угоняют...

Немного о себе: похожи мы сейчас на каких-то чумазых чертей, черные от грязи и крови, ведь где только не приходится лазить и ползать, иногда попадешь в такую кашу, что еле выберешься! Работа наша заключается в том, что мы вывозим раненых с поля боя и эвакуируем их дальше... Ну, пока, мои любимые, целую вас бесчисленно, крепко, нежно! Ваша Адулька.

1 августа 1943 г.

Верусенчик! Посылаю вам обещанное стихотворение. Я жива, здорова.

ОРЛОВЩИНА

Я множество верст исходил по просторам,
Где каждый овражек мне мил,
По всем перелескам прошел, по которым
Тургенев с двухстволкой ходил.

Как сказа былинного мудрые строки,
Как песни пронзительной грусть,
Красу среднерусских раздолий широких
Я тут заучил наизусть.

Равнинные воды, не зная покоя,
Клокочат в огне переправ,
И Зуша сливается с гордой Окою
Средь скошенных бомбами трав.

Мне дороги реки Орловщины древней,
И Неручь, и Кмень, и Сосна,
Чем жарче обстрел, тем нежней и напевней
Славянские их имена.

О, как отразилась родная природа,
Дремучая сила отцов

В бесхитростном имени Русского Брода,
В названьи Лесных Локотцов.

Мне памятно села Орловщины древней,
Где все погорело дотла.
Но трель соловьиная в мертвой деревне,
Как сказка, чиста и светла.

И шепчутся рощ опаленных руины,
Где дуба обугленный ствол
В январскую полночь, расщепленный миной,
В июне упрямо зацвел.

И вновь серебриста и шелкает песня,
В листве рассыпается трель,
Как знак, что и травы и реки воскреснут,
Прекрасней, чем были досель.

5 августа 1943 г.

Дорогие мои, здравствуйте!

Масса всяких новостей, и хороших, и плохих. Сначала про хорошее, самая счастливая новость — жива наша Надюшка!!! Ой, подумайте только, мы чуть с ума не сошли от радости... А ведь ей домой уже послали похоронную. Представляете, что будет с ее мамой и тетями!

Вторая радостная новость — цель наша достигнута — город вчера занят нашими войсками... Сообщу тяжелую новость: для всей нашей дивизии неожиданный, страшный удар — погиб Гуртьев. Вот не везет нам! И всего 2 дня не дожил до победы, до той цели, к которой так неуклонно стремился. Ведь сколько раз смерть просто чудом обходила его, всегда он находился впереди, на самой передовой, всегда вызывал восхищение бойцов, этот высокий сухой старик стоял, не сгибаясь, под ураганным огнем, с поразительным хладнокровием наблюдая в бинокль за ходом боя и как бы не замечая грохота, рвущихся снарядов, не слыша рева пикирующих самолетов. Но вот и до него дошла очередь: осколок разорвавшейся рядом мины

попал ему в грудь, и он упал, успев только сказать в последний момент: «Ну, вот я и убит». Бойцы страшно жалеют его, говорят, что нам другого такого не найти. Хорошенько его мы будем сегодня в том городе, сражаясь за который, он погиб. Город наполовину разрушен. Ну, обо всем увиденном в городе придется рассказывать лично, т. к. много таких вещей, которые цензура не пропустит...

10 сентября 1943 г.

...Гоним немцев поганых с нашей родной земли, освобождаем села, города, тысячи людей. Ой, это надо только пережить! Когда читаешь в газетах, слышишь рассказы, то не так волнует, но когда сам увидишь все собственными глазами, то просто рыдания подкатываются к горлу. Разве можно описать встречи с освобожденными жителями? Люди выбегают нам навстречу, бросаются на шею, плачут, целуют, некоторые падают на колени. Как зайдем в деревню, нас сразу окружают со всех сторон, тащат в разные стороны, и рассказывают, рассказывают без конца со слезами и со смехом, горе пережитого смешивается с радостью освобождения... Какой-то интеллигентный старичок-учитель сказал нам: «История не видала таких зверств, какие творили эти варвары». Его спросили: «Ну, как, Степан Макарович?» Он улыбнулся: «Оживаем...»

17 сентября 1943 г.

Вот сколько времени проболталось письмо, все не было времени дописать.

...Самая тяжелая новость — ранили нашего Чижичка. Ранены у нее обе ножки...

20 октября 1943 г.

Милые мои старички!

Давненько уж вам я не писала, мои хорошие, и неприятительно мне. Новости у нас все тяжелые: Ивановна уби-

та, Катюша Смирнова тяжело ранена. Ранение в бок и в живот. Отправили ее в медсанбат почти без пульса. Врачи говорят, что очень мало надежды, что останется в живых. Да и, вообще, потеряли мы много наших друзей и товарищей, «всех добрых ребят, с кем меня на дорогах короткою дружбой сводила война».

27 октября 1943 г.

Миленькие мои!

Все кончено: Катюшка умерла. Сейчас девушки уехали за ней в медсанбат, хотим сами похоронить ее, нашу маленькую Кнопку, как звали ее в полку. Надо бы написать ее родителям, да рука не поднимается.

Ивановну похоронили прямо на передовой.

Ну, родненькие мои, будьте здоровы, не горюйте, за меня не беспокойтесь, со мной абсолютно ничего не случится. Целую вас крепко-крепко. Адя.

29 октября 1943 г.

Родненькие мои, здравствуйте!

Как вы там у меня, мои славные, милые? Скучаете, вероятно? Да? Ну, ничего. Уж теперь недолго топтаться здесь поганым фрицам. Скоро им капут. Папик, всеми твоими оправданиями (насчет моих писем)* я вполне удовлетворена и сменяю гнев на милость. Ладно уж, агитируйте там. А у нас в полку агитаторов зовут брехунами.

...Как там моя родная мамуська, мое золотко? Все еще ночи не спит? Папик, хоть бы ты за ней следил, а то она совсем себя угробит.

Я живу по-прежнему хорошо, только вот смерть Ка-

* С. Д. Добросмыслов часть писем давал в газеты для перепечатки.

тюшки оставила в сердце глубокий след. Да это и понятно: ведь она у нас первая потеря из самых моих близких друзей. Похоронили мы ее по-солдатски, сурово и просто. Вместо гроба ей служили носилки. Как-то странно было видеть нашу живую, бойкую Катюшку неподвижно лежащей на носилках. Лицо было бледное, но спокойное, только ветер шевелил стриженные волосики. Подняли мы носилки на плечи и понесли ее к могилке. Салютом ей послужил грохот наших батарей, расположенных вокруг, которые вели в этот момент огонь по врагу. Могильный холмик мы украсили венками из елок и брусники, да дощечкой, на которой я написала: «Здесь похоронена гв. сержант Смирнова Катюша, 1922 г. рожд., героически погибшая за нашу Советскую Родину 26.10.43 г. Спи спокойно, дорогая подруга, мы отомстим за твою смерть»...

...Я сейчас никому не пишу, пусть не сердятся, просто не могу после смерти Катеринки. Ну, мои родненькие, целую вас крепко-крепко и обнимаю, и прижимаю к своей груди.

Ваша Адька.

6 февраля 1944 г.
Молотов *

Дорогая мамусенька!

...Вот сейчас я сижу и пишу в таких необыкновенных условиях, что просто не верится: сижу в большой светлой комнате, за настоящим столом, вокруг меня девчачьи постели, матрасы (!), одеяла (!!). За огромным окном, чуть затынутым морозным узором, покрытые снегом аллеи, деревья, дальше — большой каменный дом. В общем, сижу я в комнате Молотовского военно-медицинского училища. Вот куда меня занесла судьба! Но и до сих пор положе-

* Ныне Пермь.

ние наше неясно, находимся между небом и землей, завтра решится наша судьба: или вернемся обратно в часть, или направят в Киевское училище. Вас, конечно, до крайности удивляет все это? Постараюсь вкратце рассказать все, что произошло в этот месяц.

...Нам был дан приказ собраться. Одна часть должна была прорвать оборону немцев, а мы должны были в случае трудного положения поддержать их и для этого подвинулись вплотную к передовой линии. А погода как назло настала самая белорусская: снег растаял, дороги развезло, дождь, лужи. А мы только что сдали сапоги, и пришлось нам чапать в валенках по лужам!!!

И гавкает, и чавкает,
И глюкает, и квакает,
И булькает, и жулькает.

Так к утру мы дошли до места назначения... На этот раз мы недолго простояли в деревне и вскоре опять тронулись, чтобы занять оборону на берегу Днепра. ...Пришли на назначенное место. Мы сначала опять остановились в деревне, причем наша улица тянулась до самого берега, и в конце улицы виднелся лес, расположенный на другом берегу: в нем немцы. Находясь в таком соседстве с фрицами, приходилось проявлять необыкновенную бдительность: на ночь удваивались караулы, спали мы всегда с заряженным оружием, а ночью строго воспрещалось выходить из дому, чтобы не послужить «языком» для фрицев. Дошло даже до того, что на ночь девушек перестали ставить в караул. Вы, вероятно, еще не знаете, какое у нас оружие? У меня, например, был карабин по имени «Борька». Я очень любила его, беспрестанно чистила, так что он всегда блестел у меня как зеркало и славился самым чистым в роте.

В этой деревушке мы простояли недолго, т. к. нас для безопасности перевели в лес, в землянки. Мы были в восторге: ведь в лесу так хорошо! Землянки были уже гото-

вы, замечательные, роскошные землянки! Мы живо навели там такой порядок, что все блестело. Нам отвели самую большую землянку на 11 чел., в ней было просторно, как в доме. Мы сами вставили окно, настелили пол, установили печку, сделали столик, лавки, обтянули все палатками, постелили постели, даже сделали шторку из марли, и стало так чистенько и уютно, что лучше всякого дома. Но, к сожалению, мне не долго пришлось в ней пожить: однажды вечером меня, Чижика и Зину вызывает начальник и говорит: «Пришел приказ выбрать двух лучших медработников и направить в военно-фельдшерское училище». Чижик сразу наотрез отказалась, заявив, что никуда не уйдет из своей части. Мы с Зинушкой сначала тоже отказывались, но начальник и слушать не захотел, приказал Валентину* написать на нас боевые характеристики, и к утру быть готовым. Нам не верилось, но утром нас разбудили по тревоге и велели немедленно собираться... Валентин довез нас до штаба дивизии, здесь мы и распрощались, причем он сказал мне: «Поезжай, учись, а после войны я тебя все равно найду, где бы ты ни была».

...До чего не хотелось нам покидать свою родную гвардейскую! И недаром. Нигде мы больше не встречали такого теплого заботливого отношения, как в своей части. Наши злоключения начались с того момента, как застрявшая в снегу машина высадила нас в 3-х км от места. Особенно поразила меня одна особенность: в нашей части на девушек смотрели именно как на девушек, с уважением, заботой, давая нам многие поблажки, но никогда не оскорбляя никакими способами. Когда же нам пришлось скитаться по разным местам, то пришлось столкнуться с такими мнениями о «военных девушках», что они были до слез обидны, многие, вообще, не считали нас девушками, обзывали «эрзац-девушками» и прочими незаслуженными прозвищами. Одни заявляют нам, что «после войны вас

* В. И. Данилову.

никто замуж не возьмет», другие говорят: «вы уже не сможете быть ни женой, ни матерью». Вообще, наслушались мы таких противных вещей, каких никогда не слышали среди своих. Один лейтенант, например, нагло заявил, что в армии девушка не может оставаться честной, а становится какой-то потаскушкой, как он уже убедился на примере своей части. Вы просто представить себе не можете, до чего обидно было слушать такие вещи! Я просто возненавидела их всех до глубины души, девчата наши еще огрызались, а я просто смотрела на всех волком и с такой злобой, что могла бы, кажется, покусать их. В общем, я чуть-чуть не рычала. На этом месте сбора нам пришлось пробыть 5 дней, которые показались нам пятью годами казни...

4 февраля прибыли в Молотов. Тут «сюрприз»: училище закрывается, никого не принимают. Ребят отправили на пересыльный пункт, а нам, как девушкам, сделали снисхождение и разрешили вернуться в свою часть...

9 июня 1944 г.

Милые мои!

...В будущих боях мы постараемся не подкачать, не опозорить звание гвардейцев и на деле выполнить клятву гвардейцев. Я вам, кажется, не описывала, как мы давали клятву гвардейцев, когда нам вручали гвардейское знамя? Ох, и торжественно было, когда весь полк опустился на колени перед знаменем, и в воздухе прогремели слова «Клянемся Родине, клянемся Сталину». Ой, прямо сердце замирало. Ну, теперь, конечно, выполним любую задачу, как бы тяжела она ни была. Тем более, что в «Законах Гвардии» сказано: «Там, где обороняется гвардия — врагу не пройти. Там, где гвардия наступает — враг не устоит». Вот, понятно?

Бой в Сталинграде. 1942 г.

Еще новость: в политотделе открылась выставка «Боевой путь нашей дивизии». Больше всего народу привлекает устроенный на поляне макет Сталинграда. У него люди простаивают часами, оживленно беседуя, вспоминая прошлое, то и дело слышатся возгласы: «Вон там то-то было, а там то-то». Есть тут и тот овраг («лог смерти»), где стоял наш медпункт, и весь путь по берегу Волги, где мы таскали раненых, и то место, где нас прижали к берегу фрицы, и мы готовились к бою, и тот остров, где нас разбомбило. Очень интересно! Тут же на большой поляне играет оркестр, и мы по вечерам ходим туда на танцы.

Знаешь, папик, от твоего Пастернака хочется грызть капусту. Что-то он моей печенке не особенно по вкусу пришелся. Может, дальше почувствую в нем вкус. А на Блока он, действительно, здорово смахивает, только тот симпатичнее, присылай больше, а то отстану от культурной жизни...

Ой, уже почти совсем рассвело, сейчас лягу спать, а то в 5 часов подъем.

Ну, пока, спокойной ночи, мои родные, целую вас крепко, крепко. Ваша Адя («Швейк»).

29 июня 1944 г.

Милые мои!

Я жива, здорова, весела и т. д. Нет ни минутки свободной, наступаем, гоним фрицев, сводки знаете... Сегодня ночью была такая заваруха, что даже санроте пришлось отбивать атаку немцев...

1 июля 1944 г.

...Пользуясь остановкой на привале, пишу Вам маленькое письмецо, чтобы Вы не беспокоились. У нас пока все в порядке, наступаем, получили благодарность от т. Сталина, фрицы здорово огрызаются, а те, которых мы окру-

жили, все время пытаются прорваться, поэтому приходится все время быть настороже, то и дело натываемся на фрицев, которые рыскают по лесам, прячутся, организуем на них облавы, вылавливаем и сотнями берем в плен...

17 июля 1944 г.

Милые мои!

Меня немножко царапнуло осколком, сейчас лежу в полевом госпитале, будут эвакуировать дальше... Рана у меня совершенно пустяковая, не задеты ни кости, ни артерии, просто вырвало кусочек мяса у левой коленки. Самочувствие у меня прекрасное, рана ни капельки не болит. ...Ранило меня под Волковыском...

7 августа 1944 г.

...Ну, теперь подробно опишу вам свое путешествие. Как я вам писала, с поля боя меня вытащили девчата. До сих пор не могу вспомнить об этом без волнения и благодарности. Милая моя Тонюшка*, каково-то ей было одной ползти со мной по ржаному полю почти полтора километра, когда у нас у обеих в глазах мутилось от жажды, а во фляжках, как назло, не было ни капли воды, а солнце палило так нещадно, а она кроме меня тащила и мою сумку, и ремень, все сняв с меня для того, чтобы мне было легче. Никогда, никогда я не забуду этого, и как бы ни было тяжело в этот момент, все-таки эти минуты сохранятся в моей памяти, как одни из самых радостных и светлых в моей жизни. Потому что никакие трудности становятся не страшны, когда видишь к себе такое отношение. Вот, например, и дальше встречались разные трудности, в одном месте нас поместили в огромный сарай, и,

* А. Тихонова.

конечно, мое положение было не из приятных, когда лежали прямо на соломе, и я одна находилась среди 60 мужчин раненых, и кругом находились одни только мужчины. Но на счастье нашелся один хороший санитар, добрый заботливый мужчина, он с таким вниманием и даже ласковой относился ко мне, что я, лежа на соломе в сарае, чувствовала себя в тысячу раз лучше, чем на белой койке в Деречине, где отношение к раненым было невнимательное и грубое.

Дальше до Могилева нас везли на санитарных машинах... Нам было очень весело ехать, потому что с нами ехали 4 легкораненых фрица, и ребята (тоже легкораненые) всю дорогу так разыгрывали их, что мы умирали со смеху. Звали их Йозеф, Вилли, Карл и Ганс, но мы для легкости всех их называли просто фрицами. Одного фрица мы тут же запрягли подавать нам воду, поправлять подушки и т. д., что он выполнял с величайшей готовностью... А хлопцы наши пустятся с ними в разговоры, особенно на политические темы, так в машине сплошной хохот стоит.

...Ну, что еще сказать вам, мои милые? Мамуленька, моя милая, как ты себя чувствуешь, золотко мое ненаглядное?.. Пишите мне скорее-скорее и больше-больше по адресу: Челябинская обл., г. Троицк, ЭГ 5805.

Ваша Адька.

Публикуемые письма хранятся у А. С. Даниловой (Добросмысловой).

«Комбайнерке из Кормиловки»

Письмо политрука А. Терехина из действующей армии

17 сентября 1942 г.*

Ты ведешь комбайн по широким просторам хлебодорной Кормиловки. Тяжелые колосья падают на транспортер, и бункер наполняется золотистым зерном. Раньше у этого штурвала стоял Михаил Григорьевич Гундарев. Помнишь, наверное, этого молодого, задорного комбайнера, прославленного стахановца уборки. Имя Гундарева было известно далеко за пределами района. 1214 га хлебов убрал на сцепе двух комбайнов. Омский областной Совет депутатов трудящихся премировал Гундарева деньгами и патефоном. Наркомзем Союза ССР вручил герою труда нагрудный знак «Мастер комбайновой уборки».

Сейчас Михаил Гундарев на нашем участке фронта. Четырнадцать месяцев он бьет немецко-фашистскую свору, посягнувшую на нашу честь и свободу. Четыреста с лишним беспокойных дней и ночей! Но крепка и негибаема воля советского человека.

Как-то зашел у нас разговор о богатом урожае нынешнего года, об уборке.

— Уберем немца с нашей территории, тогда опять к штурвалу встану, — заметил Михаил.

И надо сказать, что «убирает» он фрицев мастерски, по-стахановски. 11 сентября сравнивается год, как Гунда-

рев ходит в разведку. Не раз попадал в горячую перепалку, но из всех схваток выходил победителем.

Однажды группа разведчиков углубилась на три с лишним километра в расположение врага. Немцы чувствовали [себя] в безопасности. Семь разведчиков открыли дружный огонь по роте гитлеровцев. Гундарев разрядил одну обойму за другой и уничтожил много фашистов. Группа без потерь отошла к своим.

Отважный разведчик действовал и за стрелка, в атаках был всегда впереди. Подвиги героя труда и стахановца фронта оценены нашим правительством — Михаил Гундарев награжден орденом Красной Звезды.

Старший политрук А. Терехин.

Газ. «Большевистское слово» (Кормиловский район). 1942. 17 сентября.

* Дата опубликования.

«Он не вернулся...»

Письма лейтенанта Владимира Третьяка

В. Третьяк родился 16 августа 1922 г. в алтайском селе Маралиха. В 1933 г. семья переехала в Тару, а затем в Омск. Окончил школу № 18. В 1942 г. окончил Харьковское бронетанковое училище. Член ВКП(б). Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

Погиб 29 января 1944 г. под Новгородом.

21 сентября 1942 г.

Здравствуйте!

...Я нахожусь сейчас севернее своего старого места — в районе Синявино. События на нашем участке вам, наверное, по газетам известны. Цель наша — прорваться к Ленинграду и снять с него блокаду. И мы действуем — даем фрицу жару. В связи с этим работы хватает.

Писал письма Борису*. Ответа пока нет. Пишет ли он вам?

Живу я по-прежнему хорошо. Работой и людьми доволен, да, кажется, и обо мне плохих мнений нет. Ну вот, пока и все о себе. Жив, здоров.

Ваш сын Владимир.

* Брат В. Третьяка, пропавший без вести.

20 ноября 1942 г.

Здравствуйте!

Давненько я уже не писал. Думаю, что ругаете за это. Правда, писать-то особо не о чем. Только сообщаю о себе: я по-прежнему жив и здоров.

Нахожусь там же, где и раньше, т. е. в районе М. Вишеры. Наносим серьезные удары фашисту, так что ему тут жарко приходится.

25-ю годовщину Октября провел в усиленной работе. Правда, седьмого отдохнул немного, а восьмого — снова за работу.

К празднику мы получили подарки — посылки от наших шефов из г. Боровичи. Они привезли их сами и гостили в праздник у нас. В посылках много теплых вещей и, вообще, приятных подарков. А к тому же нам уже выдали зимнее обмундирование — шубы, шапки, валенки, меховые телогрейки, свитера, теплые носки, рукавицы и др. На зиму я всем обеспечен.

У нас уже морозит: до 15 градусов. Но снега пока еще мало. Да это и лучше для нас и для боевых машин — земля тверже.

Ну вот, пока и все. С приветом. Целую всех.

Ваш сын Владимир.

5 мая 1943 г.

Здравствуйте!

...Работа моя идет хорошо. 4 апреля 1943 г., в день годовщины нашей части, я был награжден медалью «За боевые заслуги». Так что, вы можете меня поздравить. Она красуется у меня на груди.

Кроме того, 1 мая мне объявлена благодарность час-

ти, ее я добился тоже своим добросовестным трудом на благо Родины.

Далее. Я принят в кандидаты ВКП(б) и горжусь этим. Надеюсь, что высокое звание коммуниста я оправдаю с честью.

В общем, дела мои пока идут хорошо, а в дальнейшем, надеюсь, будут еще лучше.

Пишет ли вам Борис? Где он?

Пишите мне чаще. Целую всех.

21 сентября 1943 г.

...Благодарю маму и всех остальных за то, что отмечаете день моего рождения и заботитесь обо мне. Самому, правда, этот день, 4 сентября, отметить особенно не удалось — лишь горячей работой, которая была у меня. Вчера мне вручили медаль «За оборону Ленинграда», так что можете меня поздравить со второй медалью. Вчера же я был принят в ряды членов ВКП(б), и с этим событием поздравьте меня.

Вот пока и все. Крепко целую всех.

1944 г.

Письмо А. С. Прокопенко родным В. Третьяка

Здравствуйте, Анастасия Федоровна и все остальные родные и близкие моего лучшего товарища по учебе и службе Владимира Третьяка.

Разрешите передать вам боевой фронтовой привет и массу наилучших пожеланий.

Анастасия Федоровна! Вчера мне показали Ваше письмо, которое Вы адресуете боевым товарищам Владимира. Я прочел его и решил, что лучшего товарища у него не

было, чем я,— они были и их было немало, но их сейчас нет...

Мы с ним вместе поступили в училище в г. Харькове, вместе его кончали и вместе с ним меня направили на фронт, где больше, чем 1,5 года, вместе воевали.

В январскую операцию под великим древним русским Новгородом мы с ним вместе вели наступление, гнали фашистских захватчиков с нашей священной земли. 29 января 1944 г. под деревней Скачели Лужского района Ленинградской области Владимир вел боевую машину на врага. Вражеский снаряд попал в машину, и она загорелась. Но несмотря на это, она продолжала двигаться на врага, и только в последнюю минуту Владимир со своими товарищами выскочил из танка. В это время вражеская пуля сразила замечательного воина, вашего сына Владимира.

Анастасия Федоровна! Ваш сын пал смертью героя за свободу и независимость нашей Родины. Заверяю вас, что за смерть Владимира, моего брата, за злодеяния фашистов я буду мстить до последнего дыхания.

Желаю вам всего наилучшего.

С приветом к вам друг Владимира Прокопенко Алексей Семенович.

Газ. «Омская правда». 1965. 10 мая.

«Отдайте жизнь, но Родину и честь не отдавайте никому»

Письма майора Ивана Степановича Боярова

И. С. Бояров уроженец Минска. Закончил Полоцкий строительный техникум. В 1935 г. по распределению приехал в село Колосовка. Работал секретарем РК ВЛКСМ, заведующим отделом пропаганды РК ВКП(б). Участник боев с белофиннами. В 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Воевал на Волховском фронте.

Погиб 26 января 1944 г. под Тосно Ленинградской области.

Одна из школ и улица Тосно носит имя И. С. Боярова. В 1974 г. Колосовской детской библиотеке присвоено имя И. С. Боярова.

10 октября 1942 г.

Здравствуй, милая моя Таня!!!

Здравствуй, милый и дорогой мой Валерик!!!

Привет Вам от меня. Целую крепко, моя дорогая семья.

Таня! Я написал тебе, чтобы ты сына познакомила с моими родителями или родственниками после освобождения Белоруссии от фашистской мрази и вообще, после окончательного разгрома гитлеровской банды Красной Армией, это не значит, что я не вернусь с победой к тебе и сыну... На войне такие случаи неизбежны, на то и война. Ты должна понять и знать, что я зря свою жизнь немцам не отдам, и если что, то за собой потащу десятки фашистов... Ты запомни вот эти слова «Отдайте жизнь, но Родину и честь не отдавайте никому», так говорил Багратион. Вот с таким девизом я на фронте. ...Так что ты будь спокойна, работай лучше для фронта и воспитывай сына... Твой Ваня.

12 января 1943 г.

...Сегодня, 12 января 1943 г., иду в бой за Ленинград, за Родину, за любимого Сталина. И сегодня поганые фрицы еще почувствуют удар Красной Армии. То, что я сегодня видел, что делала наша артиллерия и милая всем бойцам «Катюша», я еще не видел за все годы войны, находясь на фронте. Будь уверена, победа будет за нами, снимем блокаду с города Ленина. Обо мне не беспокойся, я буду драться, как подобает члену партии Ленина — Сталина. Будьте здоровы...

18 января 1943 г.

Здравствуй, дорогой мой и милый сынок Валерик!!!

...Пишу тебе это маленькое письмо перед вступлением в бой за город Ленинград. Обо мне не беспокойся, дорогой мой мальчик. Мой тебе отцовский наказ: слушайся во всем маму, хорошо учись, будь вежлив и культурен, жди меня с победой домой...

10 апреля 1943 г.

Здравствуй, мой родной Валерик!!!

...Поздравляю тебя с пролетарским праздником 1 Мая. Желаю всего хорошего тебе в жизни. Будь послушным вежливым мальчиком, слушайся маму во всем. Пиши мне чаще письма... Обо мне, сынок, не скучай, будь весел, расти мужественным и преданным патриотом своей Родины. Жди меня, я приеду к тебе с победой, мой родной... Твой папа.

26 октября 1943 г.

...Приближается наш великий праздник, 26-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции,

так разрешите поздравить Вас с праздником... Вчера смотрел кино «Во имя Родины», очень хорошая картина.

...Сегодня первый день, как замерзла земля и вода, осень настоящая, значит, скоро зима, а, следовательно, и все ее последствия для немцев. Обо мне не беспокойтесь, живите, как вам лучше.

...Хочу свое письмо закончить так:

И осень вот над русскими полями,
Ты писем ждешь, недели торопя,
Их много с фронтовыми штемпелями
Скопилось за два года у тебя.

Пусть у писем далека дорога,
Но мне от мыслей хорошо моих,
Ведь эти письма я руками трогал,
И ты, читая, будешь трогать их.

Твой Ваня.

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2 (копии); письма хранятся в семье И. С. Боярова.

«Гвардейцы не унывают»

Письма рядового Алексея Афанасьевича Соболева

А. А. Соболев родился в 1924 г. в селе Тевриз. Окончил в Тевризе 10 классов. В 1942 г. призван в армию. В конце февраля 1943 г. направлен на Юго-Западный фронт.
Погиб 10 августа 1943 г.

14 октября 1942 г.

Омск

Здравствуй, миленькая маменька!

Во-первых, сообщаю, что с сегодняшнего дня я буду жить в городе Омске, т. к. наша рота вчера перешла из лагеря на зимние квартиры.

...Сегодня мы целый день не занимались, а набивали матрацы, подушки, заправляли койки и вообще наводили порядок. В дальнейшем будем заниматься по назначению. Здесь хорошо тем, что тепло, а то в лагере я за полмесяца только 2 раза раздевался... Я послал тебе миллион миллионов спасибо за то, что ты позаботилась положить мне теплые носки и рукавицы, без них бы я не знаю, что и делал. Сейчас я каюсь, что отослал домой в посылке свитер. Погода сейчас холодная, а там мы стояли в карауле по ночам по 2 часа (через 4 часа — два часа стоять, а в дозоре всю ночь ходить надо), так мороз так проби-рал, что ай да ну...

Живя здесь, я стал какой-то неуравновешенный...

Привет всем...

И прежде всего — крепкий поцелуй тебе, моя милая несчастная старушка, великая мученица, дорогая мамочка, и вам, дорогие Витя и Шура, и дорогой папочка!

Ваш сын и брат Алексей.

21 декабря 1942 г.

Омск

Мои дорогие!!!

С Новым годом!

С новым счастьем!!!

Счастливо прожить вам его, дорогие!!!

Послезавтра — день моего рождения. Исполнится 18 лет. Пожелайте мне счастья, родные...

8 января 1943 г.

Омск

...жизнь моя идет по-прежнему — одевают, кормят. Приходится подумывать о выпуске — подгонять материал, повторять матчасть оружия, чтобы встретить гос. экзамены подготовленным...

...Я буду командир-специалист, а не просто пехотинец-общевойсковик. По-старому (по-теперешнему) таскал бы черные петлицы с трубами, а по-новому — не знаю, что буду таскать, так как форма погонов еще неизвестна для меня...

февраль 1943 г.

...Не писал я вам потому, что ничего не знал о своей судьбе. Дело в том, что 9 февраля 1943 г. у нас взяли обмундирование (суконное) и выдали стеженные брюки и фуфайки и сказали приготовиться к отъезду. Но дня через два сказали, что не поедет и даже выдали снова просты-

Бойцы 308-й дивизии ведут бои в районе завода «Баррикады» на правом берегу Волги у Сталинграда.

ни и одеяло. Потом снова отобрали и так манежили нас до 23 февраля 1943 г., а 23 в 10 ч. вечера назначили отъезд, но и опять не уехали, а пришли на вокзал только 24 числа в 2 [часа] дня. Ночью, 24 февраля, мы выехали из Омска на Петропавловск и дальше — в распоряжение Командующего Юго-Западным фронтом. Звания нам не присвоили...

24 апреля 1943 г.

...Последнее письмо я посылал вам из Мичуринска. После Мичуринска снова ездил в Москву, а оттуда поехал

на Вязьму, то есть туда, где только что освободилась земля русская. Желдорога там разбита, и мы пошли пешком. Это было 29 марта. Сейчас я под ...*, километрах в 5—8 от фронта (передовой). Живем ничего. Устроили себе дома, учимся, строим дот. Дороги здесь прескверные. Но гвардейцы не унывают. А я и есть, к вашему сведению, гвардии красноармеец (Соболев) или просто гвардеец-миниметчик...

15 июня 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа,
Шура и Витя!**

...Наконец-то я получил от Вас долгожданные письма — сразу два. Этот день — 10 июня был для меня большим праздником...

Я радуюсь, что папа пришел домой (сейчас у вас, наверное, рыбы любой вволю?), рад, что картофеля много — это все отлично, но вот, что Туз бросил учиться — это очень плохо. Как не стыдно, папа, тебе было сманивать ребенка с ученья, куда это годно? Какой тебе под старость помощник из недоучки? В общем, погубили наповину человека. Знаешь, Туз, мне теперь все равно: что я окончил 10 классов, что ни одного бы не кончил, но ты *дурак*, ибо с тобой того не будет, что со мной, и там тебе не быть, где я был и где буду. К настоящему времени из меня уже выковался настоящий солдат, такой, о каких рассказывал мой батя, мне уже приходилось многое перенести — и голод, и холод, и изнурительные ночные походы, и траншей покопал до черта... Сейчас я лежу в лесу —

* Вычеркнуто военной цензурой.

** Шура и Витя — сестра и брат А. А. Соболева.

в густом смоленском сосняке; отошел в сторону и нашел чуть не совсем спелую ягодку земляники, скоро поспеет совсем.

...Погода здесь сейчас замечательная, уже больше недели стоит жара...

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2. Копия. (Подлинники хранятся в семье родственников А. А. Соболева в Тевризе.)

«Сталинград был советским, таким и будет»

Письма младшего лейтенанта Михаила Ивановича Сафонова

М. И. Сафонов родился в 1918 г. в Омске. Учился в школе № 15 им. Карла Либкнехта, затем в Омском железнодорожном училище. В ноябре 1939 г. призван в Красную Армию. Член ВКП(б) с 1942 г.
Погиб 3 декабря 1942 г. под Сталинградом.

Не позднее 7 ноября 1942 г.*

Добрый день!

Дорогая сестра Маня и дорогая племянница Лидочка! Во-первых, шлю большевистский фронтовой привет и пожелание наилучших успехов на трудовом фронте и в жизни.

Мария! Вот уже месяц, как я нахожусь на фронте, уничтожаю двуногих гитлеровских зверей беспощадно, где они только появляются мне на глаза. За этот период боев я уничтожил своим взводом около 200 фрицев, повозки с грузом и др.

К 25 годовщине Октября я обязуюсь еще больше уничтожить фрицев, так я дал слово на партийном собрании и как коммунист выполняю свой долг перед Родиной и буду уничтожать до тех пор, пока рука держит оружие, а глаза видят врага.

Ну, пару слов о себе. Живу я отлично. Командный состав чту, живем отлично, дружно, сплоченно. Наш взвод в роте на первом месте по уничтожению фрицев.

* Письмо датировано по содержанию.

Маня, ты будь уверена, что немцам-собакам не видать нашего Сталинграда, как своих ушей.

Сталинград был советским — таким и будет. Общая наша задача, чтобы быстрее разгромить фашистов-людоедов и освободить наших братьев, сестер, матерей, отцов из-под немецких оккупантов. И приказ нашего любимого наркома т. Сталина выполним в срок, и год 1942 будет окончательным, разгромим, уничтожим гитлеровский фашизм! Привет всем родным и знакомым. Целую крепко, крепко, твой брат М. Сафонов.

Октябрь 1942 г.*

Привет с фронта!

Дорогие родители командира Сафонова Михаила Ивановича. Примите фронтовой привет от бойцов и командиров нашего подразделения!

Дорогие родители, поздравляем Вас с 25 годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции, с пожеланием успехов в вашей жизни и работе на трудовом фронте.

Дорогие родители, когда враг, истекая кровью, рвется в глубь нашей Родины, Родина призывает своих защитников к отпору, чтобы каждый защитник, невзирая на смерть, отстоял свой рубеж, отбросив и разгромив врага.

Помня об опасности, нависшей над Родиной, бойцы, командиры и политработники переламывают силы противника.

Именно таким воином является Ваш сын. Несмотря ни на какие трудности, он в жарких боях выходит победителем.

Вы, дорогие родители, можете гордиться своим сыном,

* Письмо датировано по содержанию.

он оправдал ваше доверие. За хорошее воспитание защитника Родины благодарим Вас.

За период боев с 27 августа по 6 сентября уничтожил со своим подразделением 350 фрицев, 6 станковых пулеметов, и повозки, и 1 минометную батарею противника.

Кроме того Ваш сын ходит на охоту за фрицами, где он лично уничтожил из винтовки 100 фрицев. Ваш сын — известный снайпер в полку. Он имеет ряд благодарностей от командования и награды, представлен к воинскому званию. Обязательство, взятое им к празднику, выполнено с честью и перевыполнено.

Ваш сын предан нашей Родине и как коммунист, все слова, сказанные им, подкрепляются делом. Его знает не только наше подразделение.

Здоровье Вашего сына отличное.

Пишите нам по адресу: 60 полевая почта. Часть 411. Гончарову Адаму Порфеновичу.

Народный музей омских железнодорожников. О $\frac{3515}{д. 406}$.

«Наша жизнь будет счастливой»

Письма старшего лейтенанта Михаила Семеновича Зубанова

М. С. Зубанов родился 25 декабря 1923 г. Жил в совхозе «Коммунист» Черлакского района.

В декабре 1942 г. призван в армию. Окончил Омское пехотное училище. Командовал батальоном на 1-м Белорусском фронте. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней.

Погиб 25 апреля 1945 г. под городом Липень.

13 декабря 1942 г.
Омск

Омск — последний раз.

Ну-с, здравствуйте!

Дорогие мои, завтра еду на фронт — воевать. Вы будьте здоровы. Желаю Вам счастья в жизни. Ждите меня, не верьте никому — я жив и вернусь к вам, но не скоро.

Так человек вступает в новую жизнь. Я иду вперед к давно намеченной цели. Что ждет — сказать очень трудно. Но ждет одно великое дело нашего народа. За что не жаль и умереть. Я был однажды на кладбище и так задумался. Много людей здесь схоронено, и о некоторых уже забыли! Жизнь стерла их из человеческой памяти.

А о нас?! О нас человечество никогда не забудет. Нам, людям этой эпохи, воздвигнут такой памятник, который не сотрут века и тысячелетия. Русь будет нас помнить! Вот, мама; и все! Больше уж долго увидеться не придется. Будь здорова, жди меня!

Хоть и не скоро, но я все-таки буду у тебя снова!

Ну, что еще написать?

Я хочу только одного, чтобы вы жили мирно и счастливо!

Посылаю справу тебе.

Ну, пока.

Михаил.

30 июня 1943 г.

Здравствуйте, дорогие!

Много дней и ночей прошло с того времени, как Вы последний раз были со мной. Еще пройдет очень и очень много времени до тех пор, пока мы увидимся снова. Да, как хочется снова Вас увидеть. Поговорить и помечтать. Но хочется это сделать тогда, когда все будет тихо и мирно. Когда уже не будешь мечтать о том, что вот, быть может, последняя встреча. А дальше?..

Нет, так я не хочу и при всей моей любви к Вам и при всем стремлении увидеть Вас.

О нет! Не к такой встрече стремится моя душа. Я думаю о ней, лелею ее счастье, нежно и бережно храню в глубине души своей воспоминания и мечты о ней. Я знаю, что впереди еще много трудностей, что путь к этой встрече очень и очень трудный и покрыт опасностями. Знаю также, что счастливое будущее лежит через горы трупов фрицев и что этот путь будет покрыт большими жертвами нашего народа. Но что может удержать благородный порыв юного сердца? Если я пройду этот трудный путь и радость будущих дней осенит мое сердце, то я буду твердо знать, что эту жизнь я завоевал себе.

Если же я паду жертвой на пути к счастью нашего народа, то он, наш Русский Великий Народ, никогда вовеки веков не забудет сынов своих! Он будет счастливо жить и всегда будет вспоминать нас. В будущее своего народа я

верю и знаю, что счастье русских людей мы отстоим! И отстоим с честью.

Сейчас тихо. Изредка разразится воздушный бой, но всегда фрицы бегут, поджав хвосты, от наших. Где-нибудь в беспорядке бросят бомбы, они разорвутся на нашей земле. Который раз Вы читаете «ничего, скоро мы победим», но это затишье перед великой бурей, которая принесет нам радость Победы! Фриц силен, но мы сейчас еще сильнее. И скоро-скоро будет этому конец!

Ну пишите скорей, как Вы там живете. Я жду.

Ваш Миша.

2 октября 1943 г.

Здравствуй, дорогая Таня!

...Стало какое-то настроение, и решил написать тебе письмо о том, о чем думаю иной порой я. Вот вчера была такая дождливая с ветром погода. Все рвалось и выло. Молния и гром. У нас, в Сибири, таких вещей не бывает. И вот в это время, когда на улице завывал осенний ветер и как из ведра лил дождь, откуда-то издали слышались уханья раскатов грома — я сидел один в землянке. Горела коптилка, и в печке потрескивали сухие сучья. А мысли бродили где-то далеко-далеко, по тихим уголкам тыла, где проходила золотая пора юных дней. Много я передумал за это время. А сколько еще передумаю за долгие ночи, когда одна лишь луна смотрит в глаза, часто-часто вспомнишь родную семью, в которой вырос. Да, как соскучился по Вас, как рвется все мое к Вам, но Вы так далеко. Еще длинный путь впереди, чтоб прийти снова к вам. А сколько пройдено, сколь испытано! Как глянешь на пройденный путь с тех пор, как я ушел из Омска, то иной раз кажется, что это и не я шел по нему. Трудно было, но это уже позади, теперь еще много трудностей впереди.

Сейчас, когда я пишу это письмо, у нас очень хорошая погода. Высоко в небе летят журавли. Стройными рядами они летят на юг. Пройдет пора суровых зимних испытаний — они снова вернуться к нам и вместе с собой принесут нам радость весны, теплых и счастливых дней. А сейчас улетают...

Ну пока. Целую.

Твой брат.

3 октября 1943 г.

Здравствуй, дорогая мама!

...Твое письмо до глубины души потрясло меня. Ты так его, как-то особенно написала, что все строчки его и сейчас в голове у меня: «Мы ждем тебя...» Это так и звенит в ушах. Да, дорогая моя, как, действительно, хочется вернуться домой. Я это только сейчас почувствовал так остро, так особенно ярко. До этого я как-то не так особенно придавал этому значение. А сейчас... Все это в голове и так и не уходит от мысли: «Домой...» Но жизнь здесь, мама, очень интересная. Здесь надо воевать. Когда я был в боях, я только иной порой думал о том, о чем вот пишу сейчас. А во время боя об этом не думаешь. Особенно тогда, когда жаркий кровопролитный бой. Я помню только один раз в бою, когда нас троих со всех сторон окружили немцы, и казалось, что все уже кончено, я вспомнил тебя...* Много друзей, замечательных ребят оставили мы на поле брани. И они сейчас стоят в голове. И мы их никогда не забудем. Мстили за них и будем мстить, покуда жив хоть один немец. Они призывают нас к мести. Они были такие юные, как и я, у них были такие же матери, которые их безусловно ждали так же, как ты ждешь меня. И вот за слезы этих матерей, за их смерть я должен бить врага, бить

* Несколько слов вычеркнуто военной цензурой.

его, пока он жив, хотя б один. Кончим. Разобьем, буду счастлив. Жди домой. Заживем новой жизнью, не так, как жили до войны, по-другому... Ну, моя родная, будь здорова.

6 октября 1943 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Прими привет моего сердца и массу наилучших пожеланий. Дорогая мама, вчера вечером получил от тебя два письма и, самое главное, фотокарточку. Дорогая мама, ты обижаешься на меня, что давно не получала от меня письма, но ты зря обижаешься: ты пишешь, что уже месяц не получала от меня писем, а прошло всего 7 дней. Это уж, дорогая мама, тебе так длинно кажутся дни, и поэтому 7 дней тебе кажутся месяцами. Мама, ну вот за фотокарточку тебе большое спасибо, она у меня лежит на груди в левом кармане — будем вместе воевать!

Дорогая мама, можешь меня поздравить — присвоено звание старшего лейтенанта и награжден орденом Отечественной войны II ст.

Ну, остальное пока все идет по-старому.

Ну, дорогая мама, благодарю за письма. Пиши больше. Привет всем от меня. Крепко жму руку!

Твой сын.

1 декабря 1943 г.

Моя дорогая мама, здравствуй!

Прими большой привет и самые наилучшие пожелания в твоей жизни. Получил твое письмо, правда, очень тревожного содержания, но хочу тебя убедить в том, чтобы ты немного спокойней переносила эту тяжелую жизнь, которая сейчас тебя окружает. Верю тебе, дорогая мама,

что тебе тяжело, трудно. Но, дорогая мама, потерпи, еще немного осталось. Скоро буду я около тебя, и жизнь наша будет не такой, какая она сейчас. Мы будем жить не так. Наша жизнь будет веселой и счастливой, потому что я люблю тебя. Помню все твои заботы обо мне. Помню все трудности, с которыми ты поднимала нас в жизнь, и все это увеличивает любовь к тебе, моя дорогая мама... Возьми, например, Тоську. Разве она счастливее, не жизнь это — слезы. Ей тяжело жить. Она не в силах сделать что-нибудь хорошее, счастливое, она живет не своей жизнью, трудно говорить и обвинять человека в безумстве. Так что я прошу тебя, потерпи, чуть-чуть наберись немного терпения. Скоро будет счастливый день. Я вернусь к тебе, и мы с тобой заживем на славу. Счастье будущего — вот удел моей настоящей жизни. А будущее никогда не должно быть без тебя. Мы с тобой вместе будем делить радость нашей жизни. И скоро уже конец. Я приду к тебе. О, если б ты могла себе представить, как соскучилась душа по материнской ласке. Давно уже (прошел еще один год), как я видел тебя и ты могла меня ласкать как сына. А сейчас кругом суровая война, и ты далеко, но когда мне особенно трудно, ты со мной тогда. Вот когда приеду, я много кое-чего расскажу тебе. Правда, еще много нужно испытать. Но ничего, ты со мной, мне легче. Заканчиваю писать и прошу тебя, взгляни вперед — и тебе будет легче. Живу я по-старому. С нетерпением жду твоих весточек.

Целую крепко-крепко.

Твой сын.

Попроси Тоню, чтобы выслала немного бумаги. Писать не на чем.

Здравствуй, мама!*

Как бы я был рад получить небольшую весточку от вас. Как вы живете, что делаете, я думаю неустанно, ежечас-

* Письмо не датировано.

Смерть налезукам захватчикам!
Прощай и передай товарищу!

СТАЛИНГРАДЕЦ!
БУДЬ СТОЙКИМ, КАК
МАТВЕЙ ПУТИЛОВ

Он был рядовым связистом и часто находился там, где вражескими снарядами и минами карежились провода, где разрывающиеся бомбы непрерывно разрывали связь-нерв Сталинградской обороны. Сегодня на линии вражеской миной ему раздробило руку. Теряя сознание, он поднёс концы проводов в рот и крепко зажал провод зубами. Восстановив связь, он умер с проволокой в зубах!

ОТМСТИМ ЗА МАТВЕЯ!

Листовка, выпущенная бойцами 308-й Гвардейской стрелковой дивизии в память о своем товарище Путилове М.

но и ежеминутно о вас. Какие думы были в голове, какие замечательные картины рисует голова. Сидишь иной порой и задумаешься, какая великая радость будет, когда я снова вернусь к вам. Как счастливо и радостно можно будет жить тогда снова. Будем строить новую жизнь, счастливую, и на опыте старой, уже прожитой, будем делать так, как это лучше и как счастливей. Я рад, что хотя могу мечтать и думать. Могу вообразить и представлять. Как это хорошо!

Дорогие мои, пишите чаще и больше — я жду ваших писем. Жду изо дня на день. Будьте же настолько великодушны и пишите, пишите неустанно и без счета времени. Мое терпеливое ожидание должно увенчаться радостью.

Ну, пишите, я жду.

Ваш Михаил.

11 марта 1945 г.
Германия

МАМА! ЖИВ-ЗДОРОВ! ЦЕЛЮЮ. МИША.

16 марта 1945 г.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, МАМА!
ЖИВ-ЗДОРОВ. ПОЛУЧИЛ ОТ ВАС ПИСЬМО. НО
ПИСАТЬ НЕКОГДА — НЕ ВЗЫЩИТЕ.
ГЕРМАНИЯ.

МИХАИЛ.

22 марта 1945 г.
Германия

Здравствуй, моя мама!

Но, по-моему, тебя меньше всего интересует, что я пишу, а больше всего интересует, что оно написано 22.03.45.

Ведь, правда, так? Вполне понимаю твое материнское беспокойство. Твои ожидания. Но я думаю — моя мамаша не должна иметь горя из-за того, что я на войне. Я знаю — ты ждешь, переживаешь, каждую минуту охаешь — но горя здесь нет. Ведь я на войне. Не за что-нибудь, а за тебя, за то, чтоб над тобой, и вообще над русскими, не издевались так, как я видел в оккупированных местностях. Буду жив — приеду, тогда расскажу. Об этом очень трудно писать.

А сейчас могу тебе дать маленькую гарантию в том, что в течение нескольких дней буду отдыхать и поэтому буду к своей радости цел и невредим.

Целую и обнимаю вас всех.

Ваш Михаил.

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2. Фотокопия. (Подлинники хранятся в семье М. С. Зубанова.)

«Вперед, за наше Лукоморье!»

Отклики-письма бойцов на статью Л. Мартынова «Лукоморье»

Статья Леонида Мартынова «Лукоморье» была напечатана 16 сентября 1942 г. в газете «Красная звезда». В том же году Омским книжным издательством была издана брошюра «Вперед, за наше Лукоморье», куда вошли статья Л. Мартынова и отклики бойцов-сибиряков на нее.

1942 г.*

В небольшой землянке мы собрались, чтобы прослушать статью «Лукоморье».

Среди нас красноармейцы-украинцы, на чьей земле временно хозяйничает озверелый враг, красноармейцы родом с Кавказа, где идут ожесточенные бои. Но больше всего среди нас омичей — жителей Лукоморья.

Сейчас мы еще сильнее чувствуем любовь к земле нашей, которую мы здесь защищаем. Она для нас такая же родная и близкая, как и зауральское Лукоморье.

И еще роднее стали нам места нашего Лукоморья. Ценнее стали для нас богатства нашей Омской области, ближе и роднее стал для нас народ, населяющий зауральское Лукоморье. Наши сердца наполнились чувством гордости за героические дела наших отцов, матерей, детей, самоотверженно работающих на полях, в лесах и у станков.

Мы чувствуем ваше участие в общем нашем деле — разгроме ненавистного врага!

Мы заверяем всех жителей замечательного Лукоморья,

* Дата опубликования.

что будем до последнего вздоха защищать свою родную землю, ее богатства, свой народ!

Мы приложим все усилия для того, чтобы разгромить гитлеровские полчища, — выполнить приказ своего любимого полководца товарища Сталина!

По поручению санроты подписали:
Елена Андреева,
Н. Кайдалов,
Журавлев.

...Упал снаряд. Нас засыпало землей... Не успели мы отряхнуться, как к нам принесли почту, газеты. И вот радость: «Лукоморье». Я слышу родные голоса... Снова я увидел мою сереброокую Сибирь. Увидел моих сибиряков. Увидел мои города. Увидел мой Енисей, мой Иртыш, мой навсегда родной Абакан...

Этого не забыть!

Чем сильнее гул орудий, чем сильнее схватки с противным врагом, тем яснее я в мыслях вижу мою Сибирь. Ее хлеб дает силы моим окопным друзьям. Ее руда тоннами летит на головы врагов. Ее леса мы ощущаем, сжимая глянцевитое цевье автомата. Вот она, могучая Сибирь. Мы видим ее здесь, под Ленинградом, ломающую железную блокаду немцев.

Статья напомнила о сибиряках — любимцах Петра Первого. Петр Первый жив. Бойцы ленинградского фронта видят город, стеною вставший на берегах Невы. Этот город стоит не затем, чтобы грязный тевтон разрушил его. Дух Петра воплощен здесь в каждом камне. Мы, сибиряки, снова пришли... Пришли сибиряки. Не быть черной блокаде. Рвутся снаряды. Это Сибирь обрушилась на головы немцев. Сибирь пришла, чтобы победить. Она победит!

Младший лейтенант Георгий Суворов.

«Вперед, за наше Лукоморье!» Омск, ОГИЗ, 1942. С. 29, 30.

«В час грозной опасности»

**Письмо бойцам, командирам и политработникам
частей Омского гарнизона от бойцов,
командиров и политработников
308-й Сибирской
стрелковой дивизии под командованием
генерал-майора Л. Н. Гуртьева**

5 января 1943 г.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Мы получили Ваше письмо, за что искренне благодарим.

Мы горды тем, что нам выпала великая честь сражаться за Родину у стен героического Сталинграда и выполнить боевой приказ т. Сталина.

В час грозной опасности, когда в жестокой кровопролитной битве с врагом решалась судьба Родины, воины-сибиряки стояли насмерть, не отдали врагу ни одной пяди сталинградской земли, грудью своей закрыли мать-Волгу и до конца выстояли на направлении главного удара противника.

Бои за Сталинград явились для нас подлинной школой мастерства. Здесь, в грохоте непрерывных и ожесточенных боев, в дыму пожарищ, мы научились бить врага не числом, а умением. Не сотни, а десятки и одиночки бесстрашных и умелых сибиряков обращали в бегство фашистские батальоны и роты, жгли немецкие танки, вздымали на воздух немецкие блиндажи и опорные пункты.

Молодой сибиряк, старший сержант, комсомолец Василий Болтенко остался один у противотанкового орудия и сумел отбить несколько вражеских атак с танками и пехотой. Храбрый командир противотанкового орудия действовал за весь оружейный расчет и уничтожил шесть немецких танков и до роты солдат и офицеров.

Орден Отечественной войны II ст. украшает грудь воина-сибиряка Василия Болтенко.

Десять бойцов-саперов в течение трех дней держали оборону на одном из участков дивизии под руководством сибиряка Ильи Брысина. Саперы дрались, как истинные богатыри. Даже раненые, они не уходили из боя, а продолжали драться с ненавистным врагом. Раненый в плечо сапер Костюченко зубами срывал кольца с гранат и бросал их в фашистских мерзавцев. Саперы отбили несколько фашистских атак и уничтожили свыше 80 немецких солдат и офицеров.

Командиры нашей дивизии своим мастерством и бесстрашием в бою увлекали бойцов и личной храбростью учили, как нужно бить врага и уничтожать его технику.

Старший лейтенант Игорь МИРОХИН, бывший воспитанник и командир Омского пехотного училища имени Фрунзе в первом же бою сбил из бронебойки фашистский самолет. Это был первый выстрел командира-сибиряка Мирохина. Отбивая немецкую танковую атаку, Игорь Мирохин из той же бронебойки поджег 4 немецких танка и вместе с другими командирами и бойцами остановил и повернул вспять 30 немецких танков. Правительство отметило подвиг отважного сибиряка высшей наградой — орденом Ленина.

Мы можем назвать десятки и десятки почетных имен, которые являются гордостью дивизии. Все они простые русские люди — сыны и дочери родной Сибири, дети одной матери — Родины.

Священным и нерушимым лозунгом нашим в боях за Сталинград было: «Ни шагу назад!», «Стоять насмерть!»

И сибиряки стояли, как гранитный утес. Ни огонь, ни раскаленный металл, который тоннами обрушивал враг на нашу оборону, ни адский грохот сотен артиллерийских и минометных батарей — ничто не могло поколебать упорства и неслыханной стойкости сибиряков...

Так дрались Ваши земляки за Сталинград, за родную Сибирь, за Родину.

Дорогие товарищи!

Мы чувствуем ежечасно на себе дыхание Родины, материнскую тревогу за судьбы своего народа и идем в бой с готовностью победить врага, умереть, но выстоять до конца.

Мы знаем, что в далекой и близкой сердцу Сибири омичи, новосибирцы, барнаульцы неустанно трудятся на нас в колхозах и на заводах, надеются и верят в нашу победу над врагом.

Это еще больше придавало энергии и силы воинам-сибирякам, каждый из нас в тяжелые сталинградские ночи и дни всегда чувствовал за своей спиной братскую руку многомиллионного и неутомимого советского тыла.

Мы шлем трудящимся города Омска, колхозникам и колхозницам Омской области пламенный, боевой красноармейский привет.

Мы благодарим за любовь и ласку, за внимание и заботу наших дорогих земляков. Мы благодарим от всей души матерей-сибирячек, которые родили и вырастили таких замечательных сынов и дочерей, как славные герои нашей дивизии.

Сотни наших бойцов, командиров и политработников награждены орденами и медалями Советского Союза. Среди них ваши земляки, друзья, братья, сестры, отцы — бойцы и командиры, трудящиеся города Омска и Омской области: Игорь Мирохин, Василий Болтенко, старший лейтенант дважды награжденный Николай Андреев, сандружинница Лида Подоплелова, санинструктор Лиза Разумовская и Лида Казанцева.

Командир 308-й стрелковой дивизии Л. Н. Гуртьев (сидит третий слева) с группой офицеров дивизии

Дорогие наши земляки, бойцы, командиры и политработники частей Омского гарнизона!

...Там, где несокрушимой стеной стоял сибиряк, враг не прошел. Там, где стояли Ваши земляки — омичи, новосибирцы, барнаульцы — там ручьями лилась кровь гитлеровских людоедов. Там, где стояла 308-я дивизия во главе с генерал-майором сибиряком Гуртьевым, тысячи фашистских солдат и офицеров навсегда сложили свои головы.

В боях за Сталинград мы истребили свыше 21 тыс. немецких солдат и офицеров, сожгли 140 танков, уничтожили десятки артиллерийских, минометных батарей и огромное количество различной вражеской техники, обращенной против славного Сталинграда.

Дорогие земляки! Мы заверяем Вас, что и впредь не посрамим гвардейской доблести и славы воинов-сибиряков. Мы будем также умело, мужественно и храбро бить и уничтожать гитлеровских мерзавцев, будем свято хранить свои боевые традиции и истреблять фашистских захватчиков до тех пор, пока не очистим нашу священную землю от гнусной коричневой чумы, пока не отомстим проклятому фашизму за кровь наших людей, за горе и слезы наших жен, матерей, за сирот, за города и села, превращенные Гитлером в пепелище.

Мы желаем Вам, дорогие товарищи, также успешно и благотворно работать над подготовкой для фронта боевых сибирских резервов. Пусть в стенах училищ и школ, в частях и подразделениях Омского гарнизона выковываются славные бойцы, командиры и политработники — будущие герои великой и священной битвы за счастье любимой Родины.

Товарищи земляки — трудящиеся Омска и Омской области, продолжайте нести свою боевую вахту на заводах, фабриках, на колхозных полях. Каждый час Вашего благодарного труда в глубоком тылу превращается на фронте в тонны грохочущего металла, разящего насмерть ненавистного врага. Трудитесь, родные земляки, а сибиряк-фронтовик никогда не останется в долгу перед Вашим героическим трудом.

Близится час роковой расплаты над немецко-фашистскими извергами. Мы снова готовы на смертный бой с проклятым врагом.

Да здравствует наша боевая дружба и братская любовь народов советской страны!

Смерть немецким оккупантам!
Письмо подписали:

Командир дивизии, генерал-майор Гуртьев.
Заместитель командира дивизии по политической части подполковник Свирин.

Начальник штаба дивизии полковник Тарасов.
Командиры частей: майор Кушнарев, майор Чамов,
майор Фугенфиров, капитан Митрофанов,
подполковник Смирнов, капитан Иванов.

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—7.

«Только прошу обо мне не плакать»

Письма лейтенанта Михаила Гавриловича Замятина

М. Г. Замятин родился 18 декабря 1918 г. В 1938 г. окончил Омский речной техникум. По окончании работал третьим помощником машиниста на пароходе «Карл Либкнехт», секретарь комсомольской ячейки судна. В декабре 1938 г. призван в ряды Красной Армии. Окончил в мае 1941 г. Орловское бронетанковое училище. Член ВКП(б).

6 августа 1943 г. погиб на Курской дуге.

12 января 1943 г.
Горький

Здравствуйте!

Шлю я вам свой привет и желаю Вам доброго здоровья. Я жив и здоров.

Я сейчас нахожусь в резерве, живем в городе*...

И вот вчера получилась маленькая неприятность. Я работал механиком участка, и при ремонте машины ковочной не выдержал трос и мне поцарапало лицо, сейчас ничего не делаю и вот пишу письмо Вам — дня через три выйду опять на завод.

Знаете, как трудно добраться до фронта. Это не пехота, а танковые части — народу много, а машин не хватает. Я, наверное, на фронт попаду в апреле, и то бы хорошо было, а то я боюсь, просижу всю войну и не побываю там.

* Далее строка вычеркнута военной цензурой.

Писать больше нечего, обо мне не беспокойтесь, живите и старайтесь беречь здоровье.

Пока до свидания. Крепко всех целую.

Ваш сын Миша З.

Р. С. Посылаю вам фото. Привет моим друзьям. Меня не посылают на фронт лишь потому, что я механик и сейчас работаю на ремонте паровых молотов, а «птенцы», которых я учил, уже все там.

1 августа 1943 г.

Здравствуйте!

Папа, мама, Сережа, Галочка!

Шлю вам боевой привет и желаю доброго здоровья. Я жив и здоров и невредим. Дорогие мои, простите, что я долго не писал. Вы бы, если сейчас посмотрели на меня, наверное, не узнали, потому что я оброс бородой за эти бои и немного пробила седина волос, очень уж бои жаркие были. Если бы Вы увидели его танк «тигр», то, наверное, сказали бы, что его нечем и бить, но их мы бьем здорово. Я сейчас вот сижу в каких-нибудь 400 метрах от фрицев, а ночью чуть было в свой лагерь, т. е. к себе не забрали, но обошлось хорошо — помогли гранаты. Завтра, наверное, будет жаркий бой: он пойдет в атаку со своими танками. Вот если буду жив и здоров, то обязательно напишу Вам письмо. Только прошу обо мне не плакать, ведь я не первый и не последний. Родина требует, чтобы мы были героями, и мы все будем.

Писать кончаю, очень большой начался арт. огонь.

До свидания, целую, Ваш сын Михаил.

Народный музей славы речников.

«Война далеко еще не окончена»

Письма старшего лейтенанта Николая Алексеевича Бенеша

Н. А. Бенеш родился в 1923 г. в селе Красное Венгеровского района Новосибирской области. В 1932 г. семья переехала в Омск. После окончания семи классов учился в школе ФЗУ, получил специальность токаря по металлу. Работал на Омском паровозо-вагоноремонтном заводе. В декабре 1942 г. окончил Омское пехотное училище. Первый бой принял в марте 1943 г. на Центральном фронте командиром минометного взвода. Член ВКП(б).

За успешное форсирование Днепра Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден медалью «За отвагу».

Погиб в боях за Львов 24 июля 1944 г. Одна из улиц Омска носит имя Николая Бенеша.

27 февраля 1943 г.
Свердловск

...Днем смотрю из вагона на незнакомые места, на уральскую природу. Ведь Вы ездили здесь, знаете, почему я смотрю на нее. А дальше, говорят, еще будет красивее.

Здесь, в Свердловске, уже начинают попадаться такие

составы вагонов, которые уже были в переделке — на фронте.

Николай.

12 марта 1943 г.
Резерв под Москвой,
дачи

Здравствуйте, дорогие мама, Володя!* Как вы живете, все ли у Вас в порядке дома?

Во-первых, сообщаю, что жив, здоров.

Меняю уже третье место. Был в Москве, потом в резерве одном, сейчас в другом. Здесь хорошо очень кормят и вообще хорошо. Нахожусь недалеко от Москвы. В одной бывшей даче. Место очень красивое. В Москве был 2 раза. Ночью посмотрел кое-что. Был в метро. Вот бы Володю сюда. Подивился бы немало. Больше всего, конечно, ему понравились бы лестницы и электрички в метро.

Погоны еще не надел. Сегодня придется надеть. Деньги у меня есть, рублей 800 осталось. За меня не беспокойтесь. Если писем долго не будет, все в порядке. С письмами очень плохо. Писать этого нельзя. ...Приехал ли Валентин**? С ним расстались в Москве. Да он сам все расскажет.

Ваш сын Николай.

15 марта 1943 г.
Резерв под Москвой,
дачи

Здравствуйте, дорогие мама, Володя!

Как живете? Все ли у вас в порядке?.. Скоро поеду жить ближе к фронту на формирование, а потом на фронт.

* Владимир Алексеевич, брат Н. А. Бенеша.

** Валентин Алексеевич, брат Н. А. Бенеша.

Живу пока хорошо. Кормят хорошо, дают табак, папиросы, и т. д. Как там у Вас в Омске? Мама, берегите свое здоровье. Скоро, может быть, приеду. Вообще, войны пока не видно. Не видел ни одного немецкого самолета... Москва очень затемнена... Два раза видел небольшие разрушения. Вообще, Москва представляется не такой, какой я думал ее увидеть.

Писем часто не ждите. Писать очень трудно.

До свидания. Николай.

3 апреля 1943 г.

...Жизнь наша идет все больше на колесах. Объездил всю Смоленщину, был под Смоленском. Проходил мимо городов и сел, бывших у немцев. Очень много насмотрелся. Был в небольших перестрелках. Пока все благополучно, думаю и дальше так будет.

За меня не беспокойтесь, я уже закалился. Побывал в дыму и огне, так что уже все у меня зачерствело. ...Нахожусь в гвардейском полку. Имею звание гвардии лейтенанта. Валентин скажет, каким надо быть. В общем, стоим грудью за наше будущее, за скорое возвращение (только с победой, конечно) домой.

Мама, берегите себя и Володю. На работу, если это возможно, не поступайте. Скоро Вам пойдут деньги. Буду высылать. Мама, где находится папка? Я все смотрю, может, увижу?

До свидания. Ваш сын Николай.

17 июля 1943 г.

Курская обл.

Мама, я вам писал о своем положении. Я в настоящее время нахожусь в госпитале, недалеко от Курска. Сегодня повезут дальше за Курск. Самочувствие хорошее. Рана не болит. Скоро буду выписываться. Ранен осколком мины в нижнюю часть подбородка и правое ухо. Сейчас все в по-

рядке, заживает. Скоро опять пойду в бой, добывать немца нужно. И как можно скорей, и тогда домой, отдохнуть, погулять и т. д. За меня не беспокойтесь, со мной ничего не случится. Если еще ранит, смотря как, конечно, то постараюсь прибыть в Омск, в госпиталь...

1 августа 1943 г.

...Да, Валя, не хотел об этом писать. Не знаю, пришло ли домой извещение о моей смерти или нет, но его послали из части, считая меня погибшим. Но я живой, пишу письмо. Никто не думал, что я жив. Спасся просто чудом. Бились 3 дня за населенный пункт. Я был окружен немцами. Меня и одного красноармейца обезоружили и на второй день нас хотели расстрелять. Часть наша отошла. Стоял у стенки одной из хат деревни, за которую мы бились 3 дня, перед двумя немецкими автоматчиками, которые хотели меня расстрелять. Я бросился на них, они открыли огонь, но ни одна пуля не задела меня. Я выхватил автомат и убил одного и в упор другого. Красноармеец был ранен в руку. Я схватил его за руку, и бежали. Я не знаю до сих пор, как это вышло. Когда очнулся и немножко отошел, удивился. Вот так... Много переживаешь случаев. Можно рассказать, но описывать их как-то неудобно.

Да ты сам, наверное, в газетах читал о наших боях под ст. Поньри, как «тигры» шли на нас, но мы не бежали, гибли под гусеницами, но ни один не посмотрел назад. Валя, как бы ты сообщил об этом маме, ведь она поди убивается.

Валя, я представлен к награде.

6 октября 1943 г.

...Все время в боях. Ни одного дня на месте. Гоним фрица. О нас вы слушаете по радио, читаете в газетах о взятии нами городов и сел. Как воюем... можно расска-

зять, но не писать. Как дрались за Днепр, на левом берегу было положение такое же точно как в Сталинграде. Сидели на самом берегу, а немец кричал: «Рус, буль, буль, Днепр». Мама, еще вы об этом услышите и читать будете в газетах, так же точно и про меня.

Можете меня поздравить со званием Героя Советского Союза (скоро об этом будет в газетах). Пока еще воюю, но скоро отзовут в Москву получать орден и т. д. Может тогда и приеду к Вам погостить. Только о том будет видно. Будем учиться дальше в какой-либо академии военной!

Получил от Валентина письмо. Очень и очень был рад. Как хорошо он пишет. Только он все недоволен, что находится в тылу. Ничего, еще на всех хватит повоевать, да не раз. Пусть не торопится пока.

Сейчас стоим перед одним городом, пока идет артперестрелка. Очевидно, завтра с рассветом будем брать штурмом.

Немец залег в нем крепко, не хочет отдать. Но нет таких частей немецких, которые нас сумели бы задержать.

Где мы появимся, там бежит немец, ну об этом ладно. Вот отвоюем, приеду домой и все расскажу. ...На моем счету только 28 фрицев и 3 офицера, уложенных из автомата и пистолета.

Трое суток был у немцев в окружении с десятью оставшимися целыми солдатами.

Что было, если бы вы знали! Немцы сами нас называли героями. Пускали на нас...* «фердинандов», но ничего не могли сделать.

Четверо суток ничего не кушали и не пили, а на пятые сами немцы принесли и бросили нам 3 булки хлеба и 2 банки консервов, да фляжку воды, а ночью с ними разговаривали, т. к. они были от нас в метрах 50—40.

Ну опять я влез со своими такими разговорами.

* Одно слово неразборчиво.

Заготовьте вина и закуски, я на Новый год приеду.
Ваш сын Николай.

15 декабря 1943 г.

Конотоп,
госпиталь

Мама, я понимаю вашу радость за меня, но ведь иначе и быть у нас не может, на это я ваш сын.
Ваше завещание помню.

Ранен был под Брусиловым в 2 часа дня*, при отражении танковой атаки немцев.

Осколок попал в правую щеку, прошел через все лицо и остался около левого глаза. Все лицо страшно опухло. Снаряд разорвался очень близко, и волной разрыва ударило сильно в лицо и голову. Говорить совершенно не мог и немного не слышал. Бесперывно шла кровь из носа и рта.

Вот размер осколка**. Это чистый его размер. Я его берегу.

Ну, как добрался до госпиталя в г. Конотоп, не буду писать. В госпитале было очень плохо, ничего не кушал, температура, головная боль. Это продолжалось дней 7—8. А потом на меня сильно повлияла одна девушка — сестра, которая не отходила от меня ни днем, ни ночью. Заставляла через силу кушать. Стало лучше, лицо стало опадать, температура падать. В общем, стал возвращаться к жизни. Только под осколком был нарыв, опухоль. Весь забинтован, только один глаз — правый был виден. Через полтора месяца сделали операцию, разрезали, вытащили осколок, и дней через десять я ходил без повязки. Сейчас всё зажило. Раны затянулись и почти незаметно.

Еще один осколок обнаружили еще с июльских боев под бородой, но он не мешает и вынимать его пока не буду. Ваш сын Николай.

* 8 октября 1943 г.

** В письме — рисунок осколка.

2 января 1944 г.
Конотоп,
госпиталь.

Здравствуйтесь, дорогие мама, Валя, Володя, баба!
...От вас ничего не получаю очень давно.
...Здоровье хорошее. Сделали операцию, все в порядке. Осколок залетел в правую щеку, а из левой вытащили. Заметно не очень...

К нам в госпиталь приходили ученики, горожане, было много подарков и т. д. Меня так просто завалили (как Героя Советского Союза), разволновался очень. Всю ночь не мог уснуть. Но ничего, не долг тот час, когда мы будем дома. Скоро окончательно победим немца...

Герой Сов. Союза гвар. лейт. Н. Бенеш.

Р. С. Мама, в госпиталь, пожалуй, больше не попаду.

17 февраля 1944 г.
Конотоп

Пишу последнее письмо из Конотопа. Завтра еду в Москву лечиться и заодно получу Звезду. Из Москвы поеду в часть. ...Хочу приехать в Омск, приеду, вероятно, не один...*

23 февраля 1944 г.

Привет из столицы нашей Родины г. Москвы!

Мама! Вчера приехали в Москву. Все в порядке. Доехали хорошо. Сейчас пойду в город по своим делам. Дня через два буду в Кремле получать орден Ленина и Золотую Звезду. Как тревожно бьется сердце!! Увижу М. И. Калининна! Нет радости описать вам!.. Привет от Катечки! Мама! Если бы знали ее!! Ну пока. Целую, ваш сын Николай. Герой Сов. Союза. гв. ст. лейтенант Н. Бенеш.

* Регистрация брака с Екатериной Федоровной Циной состоялась 3 февраля 1944 г.

30 марта 1944 г.
Москва,
госпиталь

...Вчера была комиссия, обнаружила перелом кости в левой стороне верхней челюсти, где прошел осколок, говорят, надо делать операцию еще. Много было из-за этого шума. Категорически отказываюсь. Ничего пока не выходит. Сделали снимок. Сегодня будет известно, что есть у меня там. Завтра к профессору на заключение.

Придется бежать, черт возьми! Иначе еще на месяц заляжешь, как ни больше. Даже страшно подумать, уже четвертый месяц в госпитале. Моя часть уже в Карпатах дерется, а я здесь валяюсь, ничего не делаю. Даже стыдно за самого себя.

...Осколок был возле носа слева, там обнаружили перелом. Посылаю вам фото, увидите мое ранение.

Николай.

3 апреля 1944 г.
Москва

...Лечение закончилось сегодня, так что через день-два еду на фронт, на Тернополь. Не беспокойтесь.

21 апреля 1944 г.
Житомир

Извините, что долго не писал. Все в дороге, некогда. В Харькове на вокзале встретил земляков-омичей. Как было радостно!! Закурил табачку (хотя табак не курю). И так приятно было!!! Они рассказывали мне об Омске, я просто не знал, что делать! Проводили до самого вагона, очень гордились, что у них есть такой земляк. Поклялись, что будут сами такие же (едут первый раз на фронт).

Омич Ю. А. Межун и начальник танко-технического училища генерал В. И. Иванушкин у танка «Т-34». 1963 г.
В годы войны Межун на свои сбережения купил танк и передал его Западному фронту.

В Киеве был на похоронах нашего генерала Ватутина* — нес его ордена.

Николай.

* Н. Ф. Ватутин умер от ран 15 апреля 1944 г. Похоронен в Киеве, где ему поставлен памятник.

5 мая 1944 г.
Житомир

Здравствуйте, дорогие мама, папа, Валя,
Володя, Майя и все!

Шлю фронтовой гвардейский привет и желаю всего наилучшего в вашей жизни и здоровья!

...По прибытии в часть немного заболел. Сейчас уже 5 суток в медсанбате. Сейчас поправляюсь. Скоро поеду в полк. Боев почти нет. Тихо. Только артиллеристам нет покоя. Уже наскучило очень долго сидеть в обороне. С некоторым терпением ждем приказа на наступление, чтобы окончательно добить немца. Места здесь красивые, Днепр, сады фруктовые, просто прелесть. Мамочка! Пишите скорей письма и чаще. Ждите. Хочется так увидеть Вас! Посмотреть Омск. Эх! Где же родные места! Чем занимается Владимир? Валя как работает? Как здоровье бабы, тети Веры, Юрочки? Мне его тоже сильно хочется увидеть. Ну, ничего, скоро, скоро.

Ну пока, до свидания. Пишите. Ждите. Вам привет. Целую. Ваш сын Николай.

13 мая 1944 г.
Каменец-Подольский

Нахожусь в своей части на берегу Днестра, по ту сторону немец. Я снова вступил во фронтовую семью. Здоровье отличное. Воевать можно. Не беспокойтесь.

...Война далеко еще не кончена, потому еще надо воевать, до полного окончания. Поэтому прошу, не беспокойтесь.

Николай.

24 июня 1944 г.

...Как радостно становится, когда придет почтальон, и я вижу конверт, на котором узнаю, что это от Вас, мамочка! Вы обижаетесь, что я вам давно не пишу, не знаю, почему вы не получаете от меня письма. Я почти каждый день пишу Вам.

...Мама! За меня не беспокойтесь так сильно. Ничего со мной не случится. Добьем гада, вернусь здоровым, как и уходил, только с некоторыми украшениями на груди.

...Мамочка! Живу хорошо. Здоров совершенно.

Природа здесь хорошая. Село, где нахожусь, все утопает в зелени. Правда, немец побил снарядами много домов, но это еще больше заставляет ненавидеть его. Скоро добьем его окончательно и с победой вернемся домой.

...Володя пусть еще не торопится, еще успеет*. Хватит горя всякого. Когда пойдет на самостоятельную жизнь, много пота выйдет. В его возрасте, может быть, ему война представляется легкой, интересной, как в кинокартинах. Пусть так не думает.

До свидания. Николай.

Народный музей омских железнодорожников. В $\frac{561}{д. 341}$.

* Вл. А. Бенеш учился в Омском военном училище им. М. В. Фрунзе.

«Готовимся к отправке на фронт»

Письма лейтенанта Анатолия Михайловича Гермизеева

А. М. Гермизеев родился в 1924 г. в Таре. Окончив 7 классов, работал в Тарском Доме колхозника. В армию призван 2 октября 1942 г.
Погиб 28 марта 1944 г.

20 марта 1943 г.

Дорогие родные!

...С курсантским приветом ваш сын и брат Анатолий. Учеба моя проходит хорошо. Ходили на отрядные ученья, были сутки в поле, ночевали в окопах, холодновато было, но ничего, осилили. Учиться приходится трудновато, но ничего не подделаешь, дело военное, люди нужны. Сейчас живем в лагерях... Нам, курсантам, дали погоны на шинель и гамнастерку. Погоны красивые, обойма золотая, просвет красный.

Лена, пиши чаще письма, а то скучно.
Остаюсь жив, здоров...

24 октября 1943 г.

...Готовимся к отправке на фронт... Со мной из Тары никого нет...

Пишите, как вы живете, ...как живут в Ложниковой, по сколько досталось на трудовой день.

Остаюсь жив, здоров. Анатолий.

Публикуемые письма хранятся в семье сестры А. М. Гермизеева Е. М. Васильевой.

Рубеж Василия Митрофанова

Письмо друзей В. И. Митрофанова в газету

В. И. Митрофанов до войны жил в Таврическом районе. Сержант.
Погиб в апреле 1943 г.

23 мая 1943 г.*

Дорогие товарищи сибиряки! Мы сражались рядом с молодым героем, известным вам Васей Митрофановым. Он гордился тем, что защищал Ленинград, и часто говорил нам: «Кончится война, приеду в Ленинград, буду гулять по его проспектам, и каждый дом будет говорить мне: «Здравствуй, мой защитник».

Недавно рота продвинулась вперед и окопалась на отвоеванном рубеже. Митрофанов подобрал на поле испорченный станковый пулемет, отремонтировал его, пошел к командиру и получил разрешение выдвинуться на 100 м вперед.

Огневая точка была оборудована, стала бельмом на глазу у немцев. В первую же ночь после короткой артподготовки группа немецких автоматчиков, выйдя из леса, атаковала рубеж Василия Митрофанова. Митрофанов открыл огонь из автомата, по его команде начали разить врага и остальные бойцы. Его друг Григорьев бил немцев из пулемета.

Несколько раз немцы повторяли попытки захватить рубеж, но всякий раз отделение Василия Митрофанова их

* Дата опубликования письма.

отгоняло. Тогда фашисты решили любой ценой продвигаться вперед и расправиться со смельчаками. В полдень 12 апреля в контратаку была брошена усиленная рота пьяных фашистов. Немцы шли во весь рост, на ходу стреляя из автоматов. Их наступление поддерживалось сильным минометным огнем. Сержант Митрофанов и его бойцы сопротивлялись героически. Они перебили много немцев. Но вот погибли два бойца, Митрофанов был тяжело ранен, но продолжал стрелять из пулемета, пока не потерял сознание.

Немцы захватили его, они зверски истязали храбреца. Некоторое время спустя мы стремительным ударом сбили немцев с рубежа. У огневой точки мы увидели страшную картину: наш Василий лежал в луже крови. Немцы отрубили ему обе ноги, изувечили лицо.

Мы похоронили его и дали клятву: рубеж, на котором сражался Василий Митрофанов, будет неприступной крепостью!

Командир нашей части отдал приказ, в котором герой занесен в почетный список части. Рубеж, на котором сражался комсомолец Василий Митрофанов, назван его именем. Здесь установлена доска с надписью: «Здесь бесстрашно громил немцев и героически отдал свою жизнь молодой воин-комсомолец, сержант Василий Иванович Митрофанов». Герой представлен к высокой правительственной награде.

Славные наши друзья-сибиряки! Пусть высокий пример Василия Митрофанова всегда будет перед вами. Мы мстим за него в бою, мстите и вы своим трудом.

С комсомольским приветом — комсорг Дудин, комсомольцы Жулин, П. Головин, М. Петрухин, М. Айгунов, А. Семин, старший лейтенант Я. Громов.

Газ. «Омская правда». 1943. 23 мая; см. также газ. «Омская правда». 1943. 31 июля («Памяти героя-омича». Отклики на смерть В. И. Митрофанова).

«Я пишу последнее, быть может...»

Письма младшего сержанта Виталия Васильевича Багаева

В. В. Багаев родился 5 мая 1921 г. в Омске. В 1937 г. окончил 8 классов школы № 21. В августе 1938 г. пошел работать в пароходство. Масленщик теплохода «А. Микоян». 28 октября 1940 г. призван в Красную Армию. С 1942 г. в действующей армии. 21 августа 1943 г. погиб при освобождении Донбасса.

4 апреля 1943 г.

Добрый час!

...Посылаю горячий гвардейский привет с полей сражений.

Несколько дней жил в Сальске и особенно у меня осталось в памяти, как жил я у одной хозяйшки. Было нас трое, для нас она не жалела ничего: мы у нее были как сыновья. И когда мы стали уезжать, так она провожала нас со слезами, как родная мать.

Ты вспомни, мама, когда я уходил еще в кадровую, ты пришла в военкомат провожать меня, а я тебя старался почему-то повернуть домой. Хочется еще раз взглянуть на Вас после трехгодичной паузы, на Вас и на моего голубка Лешу. Но нет, нельзя. Я должен вместе со всеми добить взбесившегося зверя. Если долго не будет писем от меня, то Вы выберите время сходить по одному адресу: Омск, Ленинск, Рабочая слободка, ул. 3-я Военная, дом № 55 Жоров Давыд Трофимович.

Остаюсь Ваш сын Виталий.

16 августа 1943 г.

Я пишу последнее, быть может,
Из всего написанного мной.
Вспомнил все, что видел,
все, что прожил,
Все, что видел на земле родной...

Здравствуйте, дорогие!

Шлю Вам гвардейский привет от всего экипажа. Ну что могу написать Вам? Конечно, здоровье нормальное и чувствую себя великолепно, сейчас свободная минута, а следующее [письмо] не знаю, придется написать или нет, а если нет, тогда друзья напишут. На этом кончаю, привет вам, родным и знакомым.

Остаюсь Ваш сын Виталий.

Народный музей славы речников.

«Если вам сообщили о моей гибели...»

Письма сержанта Василия Ивановича Климова

В. И. Климов родился в 1923 г. в селе Павлоградка.
Погиб 3 февраля 1944 г.

24 июля 1943 г.

Здравствуйте, многоуважаемые мои дорогие родители!
Живу я очень хорошо, сейчас работаю, или, вернее, занимаю должность воздушного стрелка, вместе со своим товарищем — летчиком летаем на штурмовике и уже несколько раз вылетали на передовую, результаты отличные: уничтожали по 9—12 танков в один вылет, не считая еще автомашин с грузами, а этого добра он [немец — Г. Ц.] много напер на передовую, хотел, видимо, наступать и попытался было, но ничего не вышло. Также я сам отражал атаки немецких самолетов по две, по три сразу, которые хотели сбить нас, но ничего не вышло. Я им как дал перцу, так они теперь боятся. Был у меня такой случай. Когда мы получили боевое задание и отправились

штурмовать на передовую, на нас напало три немецких истребителя «Мессершмит-109». Один справа, второй слева и третий снизу, я, конечно, не растерялся, привстав за пулеметом, дал короткую очередь по одному из них, он куда-то нырнул вниз, и вдруг у меня отказал пулемет, я его тогда так прямо навожу на второй самолет, но уже не стреляет, а немец, видимо, увидел, что я на него направил пулемет, и сразу раз книзу и ушел ко второму товарищу, и тот его сразу сбил, а я этим временем исправлял пулемет, быстро его исправив, дал по третьему длинную очередь, тот сделал крутой разворот и пошел по направлению к лесу, а мы все пришли домой невредимы, правда, принесли несколько пробоин на крыльях своего самолета. Пока об этом писать кончаю, может быть, вас это и не интересует, то простите, я больше писать вам такие случаи не буду...

Питание получаю очень хорошее, вино, хлеб белый, компот, пироги, мед и что хочешь, не говоря уже о супе, каше и т. д. В общем, я живу очень хорошо, только одно плохо, что не вижу вас и не знаю, как живете вы...

18 октября 1943 г.

Здравствуйте, дорогие родители!

...Живу пока и сам не знаю как, и не плохо, и не хорошо, кочую с места на место. Так что и я сейчас направился на фронт драться с врагом, но уже не на самолете, как раньше... С другом нас представили к правительственной награде. Наш самолет был сбит, друг мой сгорел вместе с самолетом, а я обратно в часть свою не попал. Ну, а сейчас с винтовкою в руках отправляюсь добивать немецкого зверя. Я на них имею очень большое зло, что они, гады, делают с людьми, с селами, деревнями и городами, действительно, двуногие звери. Я был свидетелем, как они разграбили с. Богодарово Барвенковского района. Там у

меня были две знакомые девушки, которые меня поддерживали питанием. Так я заходил в их дом после того, когда там побывали немцы. Окна все выбили, шкаф, комод, зеркало, стулья, столы, все побили, поломали. Машинку ножную побили, а в погребе кринки с молоком и сметаной, что попили, а больше разлили, разбили, все перемешали, подушки повыпустили. А, когда отступали, половину села сожгли. А жителей повыгнали из домов в степь и некоторых перебили, особенно тех, кто открыто не хотел уходить к югу, в тыл. А этих двух знакомых девушек так и не знаю, какая их постигла участь, но фото их у меня сохранилось. Я в это село заходил, так их не оказалось... Так что иду сейчас мстить за эти проделки...

Желаю наилучших успехов в вашей жизни.

Все. Василий.

4 ноября 1943 г.

Здравствуй, Ольга Прокофьевна!

С горячим приветом к тебе твой сын Василий. Я, т. е. Василий Иванович, которого считали погибшим, остался жив, вернулся в свою часть и буду с новой силой и большой ненавистью к врагу громить его. 24 августа 1943 г. я со своим товарищем отправился на выполнение боевого задания. Но наш самолет был сбит немцами, и я выбросился на парашюте, а товарищ сгорел вместе с машиной. Но после короткого сопротивления меня взяли в плен, побыв 2 дня в лагере и дня 3 на работе, я сбежал и 13 сентября 1943 г. снова вернулся к своим. А 30 октября 1943 г. прибыл обратно в свою старую часть и сейчас приступил к дальнейшей работе на боевой машине и буду до конца громить ненавистного врага. О всей своей пережитой жизни опишу когда-нибудь, в следующем письме. А сейчас заверяю Вас в том, что я остался жив, и если

Бойцы 364-й дивизии у полевой кухни.

вам сообщили о моей гибели, то это сейчас можно опровергнуть этим моим письмом.

С горячим приветом — Василий...

1 января 1944 г.

Здравствуйте, многоуважаемые мои дорогие родители. Живу на старом месте и на старой же работе. Живу хорошо, одет, обут, сыт, так что все хорошо, но одно, вспомню про семью, так не знаю, куда и девался бы. Ну, ничего, скоро война кончится, пойдет мирное строительство, буду жив — вернусь, увидимся и все, что есть не в порядке — пойдет полным порядком.

А сейчас пока нужно добивать гадов-фрицев, которые мечутся из стороны в сторону и не знают, что делать. Здоровье мое тоже ничего, только левая нога, как перемена погоды, так хоть плачь, ломит невозможно, но это, наверное, потому, что в нее угодило три осколка и маленькое получилось растяжение, когда прыгал на парашюте с очень низкой высоты, то она попала в стропы и шибко дернуло ее к правому плечу, а так все хорошо. Новый год встретил тоже хорошо, не знаю, как вы. Пока все. От вас писем давно не получал...

Здравствуйте, дорогие родители!*

С пламенным красноармейским приветом к вам Ворохобин Сергей Николаевич. Ваш сын Вася, а мой первый товарищ, не товарищ, а братишка, погиб. 3 января полетели на боевое задание и были подбиты, не желая сдаться живыми в плен фашистским мерзавцам, они на своем горящем самолете врезались в танки. Этим самым они еще уничтожили гитлеровцев. Вася погиб, как патриот Роди-

---

* Письмо не датировано.

ны. Он боролся за счастье наших детей, за нашу любимую Родину-мать. Их не забудет Родина, они будут жить в наших сердцах.

Извините вы меня, я не могу вас называть по имени, так как я не знаю ваше отчество, я вас буду очень благодарить, если вы мне вышлете фото Васи. Он все хотел сфотографироваться, но не мог выбрать время, я решил попросить у вас. Ведь мы с ним вместе прибыли в армию, спали друг с другом, кушали из одной чашки. Да, Васи больше нет. И пусть фашисты помнят, что за смерть мы тоже отвечаем смертью. Смерть моего любимого друга еще больше возбудила ненависть к коварному врагу. Мы победим, ибо это подсказывает сама обстановка. Скоро зацветет, забурлит новая жизнь, и мы будем вспоминать о друзьях, рассказывать о их подвигах.

18 мая 1944 г.

Здравствуйтесь, Ольга Прокофьевна!

С боевым приветом к вам Ворохобин Сергей Николаевич. Вы просите описать подробную гибель Василия. Это очень большая история, но я напишу только одно, что он погиб, как верный сын Родины, он до конца своей короткой жизни был предан своей Родине. Вы сумели правильно воспитать в нем любовь к Родине...

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2.

«Приеду на скором — «Берлин — Омск»

Письма старшего лейтенанта
Николая Нестеренко

Н. Нестеренко до войны жил в селе Сбродное Таврического района.
Погиб в 1945 г.

Письмо от сына Николая!*

Здравствуйтесь, мама и сестры Шура и Валя.

Передаю вам свой пламенный гвардейский фронтовой привет. И хочу сообщить, что я жив и здоров. Нахожусь на своем боевом посту по освобождению и защите своей любимой Родины.

В данное время, вот уже с месяц или больше, набираюсь сил и знаний, чтобы еще раз крепче и вернее было бить фашистскую свору, влезшую на нашу территорию и испортившую нам нашу счастливую жизнь.

Я от вас письма получаю часто и за это вас благодарю. И прошу вас передать от меня всем родным и колхозникам Сбродного привет. Сейчас я знаю, что у вас там приходится трудно, потому что вы выполняете тоже большое дело — это посевная, а от крепости тыла зависит и крепость фронта.

Но ничего, уже скоро, вместе вы трудом, а мы оружием покончим с этим делом. Еще один такой удар, как зимой, и можем снова продолжать свои намеченные до войны планы.

* Письмо не датировано.

Мама, обо мне не беспокойтесь, все будет в порядке, а если нет, то знаю за что — «за наше счастье».

Мама, с месяц я вам выслал аттестат на 800 руб., получите в райвоенкомате на 6 месяцев.

Пишите, как живете и как живут все, не скрывайте, я знаю — трудно, но от нас это, в частности, не зависит, потому что мы не хотели войны, но нас заставили эти фашистские сволочи, но что зависит от нас, то, будьте надежны, не подведем!

1 августа 1943 г.

Здравствуйтесь, мама, Шура, Валя!

Привет с фронта от вашего сына и брата Николая. Мама и сестры, я вам сообщаю, что я жив и здоров и что нахожусь на фронте, отдых кончился, учеба тоже, а сейчас за дело. Письмо пишу вам в траншее, наверху стрельба, земля спасает. Но это уже стрельба — ерунда, привыкли... и надо же! за отдых соскучились по всему этому.

Потому что хорошо знаем, что кроме нас самих никто не будет кончать нам войну. Передайте мой привет всем родным и знакомым... Привет вам от моих товарищей, гвардейцев!

До свидания.

Валя — Шура!!

Обо мне не беспокойтесь, пишите письма. Все опишите, меня все интересует, соскучился по всему, по вам и всем родным и знакомым и даже по двору и по своей местности. Здесь не страшно, потому что когда не боишься, то тебя боятся. Как есть «смелого пуля боится, смелого штык не берет», по этому принципу жить лучше и более надежней.

Пока все. До свидания. Николай.

11 июля 1944 г.

Здравствуйтесь, мама, Шура и Валя!

Передаю вам свой привет и сообщаю, что я нахожусь на фронте. Жив и здоров и остальное все хорошо. В настоящее время находимся в наступлении, с 23 июня все время продвигаемся вперед, уже сотни километров освободили от немцев, участвовали во взятии нескольких городов, но каких, пока писать нельзя, потом расскажу. Интересно сейчас посмотреть вам, какие колонны немецких машин с вооружением и другой техникой остаются в белорусских лесах и сколько немцев здесь, живых и мертвых, осталось у нас, их в окруженной группировке уничтожают и берут в плен, как мух. Так что скоро то время, когда будем бить немцев в самой Германии.

...Вообще, живу хорошо, настроение наступательное...

24 июля 1944 г.

Передаю вам свой пламенный привет и сообщаю, что я жив и здоров, настроение — лучшего не может быть, потому что сейчас самое хорошее время в нашей солдатской жизни. Вы тоже знаете, что мы бьем немца, как никогда не били в истории войны. Мы пишем огнем и свинцом, любовью к Родине, к вам новую боевую историю и закончим скоро. Закончим, да очень скоро! Погода здесь, как будто у нас есть представители с небесной канцелярии, отличная, только для нашего наступления, народ освобождаем, уже который освобождали в 1939 году. До германской границы, т. е. до самой германской территории, как говорится, нам шаг шагнуть, именно шаг, на который нам потребуются наши военные сутки. С 23 июня за 20 дней около 600 км отшагали. Сейчас пока встали передохнуть, хотя и не устали, но кое-кто отстал. Вот насчет боевых дел. За всем остальным следите в газетах, там все ясно сказано.

...Я за Оршу, т. е. за взятие и, вообще, за боевые дела получил орден Красной Звезды.

Пока все. До свидания.

Ваш Николай.

8 октября 1944 г.

Здравствуйтесь, мамаша!
Сестра Валечка и бабушка!

Передаю вам свой пламенный привет. Сообщаю, что я жив и здоров. Настроение — лучшего не может быть, потому что наступаем успешно, примерно за 9 или 10 октября посмотрите в сводку Информбюро и увидите, какой фронт пошел в наступление 6 октября. О мелких и отдельных боях писать не приходится и лишним будет, так что достаточно о нашем общем деле.

Кончается Литва и день-два Германия начнется, пойдем дальше. Это только у нас, а некоторые уже давно на границе и дальше.

...А остальное все узнаете потом, когда приеду на скором — «Берлин — Омск», а там я обязательно буду, если что в жизни не помешает. В Берлин нужно!

Передавайте всем, кого я знаю, привет.

До свидания. Ваш Николай.

1 ноября 1944 г.

Здравствуйтесь, тетя Сима, Шура и Шурочка!

...Настроение самое наилучшее, воюю в Пруссии, т. е. уже, как сказал т. Сталин, «в берлоге».

Когда заходишь в какой н[аселенный] п[ункт], то видишь не своих людей — белоруссов, смоляков, разоренных и измученных войной и немцами, а самих немцев-пруссков. Уже видишь разрушенными и сожженными не Вязьму,

За нашу Советскую Родину

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА

Пронькин

Александр Михайлович

Указом ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Сталинграда»
вручена „9“ *октябрь* 1947 г.

Ф № 39245

Шербаккульский Райвоенком Оленков В.

Капитан Марат (Маран)

Удостоверение о награждении омица А. М. Пронькина медалью «За оборону Сталинграда»

Смоленск, Оршу, Минск, а немецкий город. На пожары от жертв войны не обращаешь внимания, в подвале, в ямах, в степи, в лесу,— без дома, без хозяйства не наши русские матери и семьи останутся, а те матери, которые народили этих проклятых бандитов с большой дороги. Ненависть — это одна из причин наших сил. Я вот пишу это письмо в комнате, вышел из боевой обстановки почти сутки назад, а если меня увидели, вы бы подумали, что я только что с кем-либо подрался, или еще хуже, не могу даже вспоминать...

Немцы сейчас яростно сопротивляются, стараются всем, чем можно, задержать наше наступление, ставят перед нами свои возможные силы, но воевать, мне кажется, легче морально, а это важно так же, как оружие, а насчет оружия обижаться на тылы не приходится.

Вот такая моя жизнь — война. Подробности этой жизни можете видеть в газетах, в журналах, может, кто был, что и расскажет, но рассказам особо не верьте, бывает, кто не слышал выстрелов, а наговорит, что тут хуже всякого фантастического ада...

С приветом к вам Николай.

6 ноября 1944 г.

Здравствуйте, тетя Сима, Шура и Шурочка!

Жив и здоров, завтра буду встречать праздник, но условия не совсем приличные, т. е. придется встретить вместе с самой обыкновенной войной, на передовой.

...Я хочу вам пояснить один вопрос, здоровье я свое берегу, насколько возможно, но знаете, я родился почти вместе с Советской властью, знаю только один строй, воспитывался в духе большевизма, сам коммунист, ношу эту драгоценную красную книжечку, партия и правительство дало мне офицерские погоны, а поэтому я должен воевать до последней капли крови, до последнего дыхания. А там

как судьба, так и будет, зря тоже себя не подставляю под пулю или снаряд.

Можете меня поздравить со второй правительственной наградой (со вторым орденом). Воюю в Пруссии. Писать почти нечего, все однообразно — война. Многого есть, что раньше и не снилось, но если будет возможным, то расскажу. Пишите письма и описывайте все, меня все интересует. Сейчас нужно мириться, вы не одни, война многих сделала своими жертвами.

До свидания. Ваш Николай.

До свидания, Шурочка!

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2.

«Экипаж танка «Боевая подруга» к бою готов!»

Письмо сержанта Марии Васильевны Октябрьской

М. В. Октябрьская до войны работала телеграфисткой. После гибели на фронте мужа, собрав личные сбережения, обратилась к Верховному Главнокомандующему с просьбой построить на ее деньги танк «Боевая подруга» и направить ее на этом танке водителем на фронт.

22 сентября 1943 г.*

Я русская женщина, как и все советские люди, я безгранично люблю свою Родину, ее широкие просторы, ее мужественных сынов и дочерей.

Я ненавижу врага, злобного, коварного, топчущего своим кованым сапогом все, что близко и дорого сердцу русского человека.

Я поклялась громить своей рукой фашистских мерзавцев, давить их гусеницами своего танка, уничтожать их своей машиной.

Первого марта я получила ответ т. Сталина на мою просьбу о направлении меня на фронт, в качестве водителя танка «Боевая подруга». Это был счастливейший день в моей жизни. Я вновь и вновь перечитываю слова приветствия вождя:

«Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

* Дата опубликования письма.

Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет.
И. Сталин».

Экипаж нашего танка подобрался боевой. Командир танка — Петр Иванович Чеботько, участник Отечественной войны, сражался восемнадцать месяцев под Москвой, Воронежем и Сталинградом. За свои боевые заслуги награжден орденом.

Командиром батальона назначен Геннадий Иосифович. Ясно. Этот молодой 20-летний патриот горит желанием скорее попасть в бой.

Михаил Константинович Галкин — стрелок-пулеметчик.

Наш экипаж усиленно готовится к отправке на фронт. Командир систематически ведет с нами тактические занятия, передает нам свой боевой опыт. И можно с уверенностью сказать, что экипаж танка «Боевая подруга» к бою готов!

Вскоре я возьму в свои руки руль боевой машины и поведу ее на врага. Я отомщу не только за смерть любимого мужа, но и за смерть и муки всех советских людей, загубленных фашистами, за стоны матерей, за детские слезы, за мою обгаренную кровью Родину!

Газ. «Омская правда». 1943. 22 сентября.

«Жди меня!»

Письма старшего лейтенанта Федора Исааковича Стерженченко

Ф. И. Стерженченко до войны работал в Агарской и Тарской начальных школах преподавателем истории, завучем, в Тарском окружном ВЛКСМ. 7 июля 1941 г. решением райкома ВКП(б) утвержден редактором районной (Тарской) газеты «Ленинский путь».

Добившись снятия брони, ушел на фронт. Учился в военном училище.

Погиб 9 июня 1944 г.

26 октября 1943 г.

Здравствуйте, родные Маша и Ляля!

Пользуюсь случаем, чтобы еще одно письмо написать вам отсюда. Выезжаю завтра. Итак, учеба здесь закончена, сдал все на отлично. Правда, надо бы еще поучиться хотя бы с месяц, но ничего не сделаешь, люди нужны. Если нигде до фронта не придется, то доучусь на фронте или где-нибудь на практике.

Милая Маша и Лялька! Обо мне не беспокойтесь. Берегите себя. Я подготовил себя ко всяким трудностям, которые меня ожидают. Чувствую себя прекрасно. Но хотелось бы повидать вас...

А вчера, Маша, получил от тебя письмо и газету. Как хорошо, перед самым отъездом! Спасибо, милая! О газете писать не буду, только от всей души скажу: газета хорошая, понравилась. Молодец ты все-таки, Машенька...* Ма-

* Мария Кузьминична Стерженченко сменила мужа на посту редактора районной газеты.

шенька, как-нибудь крепись, жди меня, приеду — будешь отдыхать.

Без конца рад, что доченька научилась выговаривать «р». А насчет того, что она готовится к встрече, то скажи ей, что немножко еще рано.

Милая моя доченька! Скучаю я о тебе.

Машенька, на этом кончаю. Жди мой адрес. Сейчас готовлюсь к отъезду — знаешь, дел много, расчеты, сборы и т. д.

Будьте здоровы и счастливы, мои родные. Вас крепко любящий

Ваш Федя.

11 мая 1944 г.

Здравствуйте, мои любимые соколы Машенька и Ляличка! Ну, принимайте мой боевой и сердечный привет и лучшие пожелания. Сообщаю, что жив и здоров, как всегда. С большим нетерпением жду от вас писем, но знаю, что еще рано. Ведь далеко я уехал. И никогда не покидает беспокойство о вас. Сейчас ночь, темно. Сажу в своем блиндаже. Светит тускло огонек. Кое-где падают капли чистой воды. Но ночь здесь не тихая... Вспоминаю о вас. Мысли напоминают обо всем. Вот и ты, Маша, с Лялей, наверное, сидите и вспоминаете обо мне, говорите, беспокоитесь, дочка много раз повторяет «папа». От этих мыслей мне становится очень радостно, хорошо. И кажется, что сквозь тот тусклый свет я вижу вас, как видел год назад.

Крепко верю в тебя, милая моя Машенька. Это дает мне новые силы. Как хочется вас с дочкой обнять, расцеловать.

Сегодня организовали баню, конечно, не та баня, как бывало дома. Но все-таки, баня, вымылся, белье чистое надел. Порядок в артиллерии, такая наша поговорка.

Машенька, дорогая! Пиши. Ты понимаешь, что это зна-

чит для меня. И ты, Ляличка, пиши папе. Это для меня очень дорого.

Ну, до свидания, мои хорошие, милые друзья. Обнимаю и целую много раз. Привет вам.

Ваш Федя.

6 июля 1944 г.

Родные мои Машенька и Ляличка!

...Пишу почти на ходу. Непрерывно идем вперед, преследуем немцев. Вот сейчас вошли в одну деревню. Дома еще горят, кое-где появляются люди. Жалкая картина. Гитлеровские мерзавцы не успевают забрать все свои пожитки. На дорогах стоят неподвижно вражеские обгорелые и подбитые машины и танки. В них мы видим гусей, кур, домашние вещи. Все это отобрано у населения. Мерзавцы!..

Дорогие мои! Я здоров, бодр. Скучаю о вас. Пишите, мои милые. Ваши письма мне очень нужны. Они дают мне много. Большая радость, когда догоняет письмо из дома. Будьте здоровы и счастливы, мои дорогие друзья. Я иду вперед...

Ваш Федя.

Здравствуйтесь, мои милые, хорошие Машенька и Ляличка!* Примите от меня самый сердечный привет и самые душевные пожелания. Сегодня вынул платок, который вы мне еще в прошлом году прислали в конверте и который я так бережно храню, ваши фото и долго, долго думал о вас. Такие хорошие, приятные воспоминания!

* Письмо не датировано.

Живу я по-прежнему хорошо, шумной фронтовой жизнью. Немцу жару даем, себя обидеть не даем. Вчера мне вручили значок гвардии. Сейчас я гвардеец. Это еще больше меня обязывает беззаветно служить Родине. Высокое звание гвардейца оправдаю на деле.

Дни бегут быстро. В свободные минуты думаю о вас, пиликаю на баяне, беседую со своими бойцами. И так идет время. С нетерпением ждем решающих ударов. Всех немцев и их технику смешаем с землей.

Дорогие мои! Пишите о себе чаще. Лялечка, родная моя доченька! Как ты живешь, мой птенчик? Пиши мне тоже вместе с мамочкой. Скоро уже жду от вас писем! Скорее бы...

Пока все. Целую много, много раз миленькую Машеньку и родную Ляличку. Еще раз целую.

Ваш Федя.

Здравствуй, незнакомая Мария Кузьминична!*

От гв. лейтенанта Терзяна Арсена Аветисовича. 9 июля 1944 года, в 15-00, выполняя долг перед Родиной, беспощадно громя своим орудием фашистских извергов, которые не раз чувствовали огонь советского артиллериста... на героическом посту погиб ваш муж, гв. старший лейтенант Стерженченко Федор Исаакович. Тов. Стерженченко был одним из дисциплинированных офицеров Красной Армии, чьи заслуги были отмечены в приказах командования...

Сегодня в наших рядах не стало тов. Стерженченко. Перед могилой собравшиеся его боевые товарищи дали клятву беспощадно, не щадя своей жизни, громить и уничтожать фашистских извергов...

* Письмо не датировано.

Ваш муж, мой боевой товарищ похоронен — Виленская обл., по железной дор[оге] Молодечно — Лида 26-й км, дер. Шатыли, южнее 100 м на опушке леса.

Наше подразделение передает Вам боевой привет и клянется беспощадно отомстить за своего боевого товарища.

Терзян А. А.

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2.

«Мы еще увидимся»

Письма рядового Арона Яковлевича Любавина

А. Я. Любавин родился 22 апреля 1922 г. Окончил школу № 37 Омска. С начала Отечественной войны работал на заводе им. Козицкого. В 1942 г. ушел на фронт. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

Погиб 5 апреля 1945 г.

10 января 1944 г.

Здравствуйте, родные!

...Папочка, ...ты пишешь, что мамочка волнуется, когда не получает моих писем. Но вы должны понять, что бывают такие положения, что нет ни одной свободной минуты, ни днем, ни ночью. А если выберешь часок, то думаешь только о сне и больше ни о чем. Дорогой папочка, я хочу попросить совета в одном вопросе. Дело в том, что мне очень часто предлагают ехать учиться в школу лейтенантов. Я могу подать заявление в химическое и артиллерийское училище. Другие меня не привлекают. Я об этом часто задумываюсь. Ведь после войны я, вероятно, должен буду служить в армии не менее 1—2-х лет, а это значит, что я приеду из армии 23—24-х лет. Если поступлю учиться, у меня пройдет еще 4—5 лет, в течение которых буду сидеть на вашей шее. Окончив школу, я после войны могу подать заявление в военно-химическую академию

и вообще все время буду материально обеспечен и смогу помогать вам в ваши преклонные годы.

...Буду поступать, так как этого хотите вы. Привет всем, всем. Целую крепко, Арон.

22 апреля 1944 г.

Одесса

Дорогие мои!

Дорогие, в каждую свободную минуту, которая бывает у меня, я пишу вам письма.

...Что нового у нас в городе? Я представляю его себе большим, разросшимся центром, или он остался таким, каким и был? Одесса — это прекрасный город. Весь собранный в одно целое, большие красивые дома, театр — второй в мире, а самое главное — это море. Порт разрушен, так же, как и вокзал, и все заводы. Но рабочие уже восстанавливают свои предприятия, и скоро город будет опять жить прежней трудовой жизнью...

10 мая 1944 г.

Дорогая сестра!

Чувствую непреодолимое желание поделиться с кем-нибудь своими чувствами, мыслями, хотя знаю, что твое письмо я скоро не получу, да и вообще, кто знает, что может случиться... Это как бы предисловие.

Что меня побудило написать тебе именно сегодня, в этот теплый летний вечер? Ты ведь знаешь меня, мой характер. Вот сегодня именно такой вечер. Скучно и грустно. Да, знаешь, сестренка, я очень много думаю над поступками тех девушек, которые в период временной оккупации города отдались румынам, немцам за деньги, хлеб, тряпки, «красивую жизнь», как они выражались. Правда, есть небольшое исключение, это те, которые ценой своего тела

Офицеры 364-й Сибирской Тосненской стрелковой дивизии в Берлине. 2 мая 1945 г.

спасли свою жизнь, жизнь еще многих людей. Но таких единицы. Теперь те же ласки нам. Противно. Противно. Ты знаешь меня, я никогда не был особенно целомудрен, но это не есть человеческое, это что-то животное. Хватит об этом. Не особенно приятная тема. Между прочим, советую тебе выйти замуж. Ты уже не маленькая девочка. Годы идут, пора строить свою жизнь. Все, кому я пока-

зывает твою карточку, говорят, что ты очень красивая. Вот, дрожайшая сестрица, начинал письмо совершенно в другом духе. Но ничего, это значит, что у меня настроение стало лучше. Представь себе такую картинку: твой рыжий брат сидит за письменным столом, курит дрянную румынскую папиросу (у румын нет хороших) и пишет письмо. Полная идиллия...

Р. С. Сохрани мои письма. Может быть, удастся их прочесть и мне. Когда получишь адрес, напиши большое письмо только о себе. Будь здорова. Целую. Арон.

7 июня 1944 г.

Одесса

Дорогие мои!

...После большого перерыва я опять имею возможность написать вам. Недавно прибыл с задания, сфотографировался, сегодня получил карточки и посылаю вам одну. У меня все в порядке. Здоровье хорошее. Новостей мало...

Привет всем. Пишите обо всех новостях.

Ваш Арон.

Товарищи цензоры!

К Вам, дорогие друзья, большая просьба. Постарайтесь не повредить карточку. После трехлетнего пребывания на фронте, я первый раз имел возможность послать родителям карточку. Уважающий Вас Любавин.

11 июля 1944 г.

Здравствуйтесь, дорогие мои!

...Новостей у меня нет. От фронта недалеко. Дорогие, успехи на белорусских фронтах дают надежду на то, что, может быть, будут какие-нибудь известия о Леночке*.

Я надеюсь, что она жива и в скором времени вы все сможете увидеть ее. Мне так хочется увидеть всех вас. Сидеть с вами за столом и вспоминать прошедшие годы. Но это время наступит, мы еще увидимся...

Заметки из газеты корреспондента Е. Шиповской о гибели А. Любавина

Арон Любавин пришел к нам рядовым солдатом, когда мы стояли в обороне. Посмотреть на него — никто бы не сказал, что парень окажется бравым в бою. Роста небольшого, некрупен телом, рыжеват. А начались бои — в первые же дни отличился. Все время шел впереди наступающих.

Шел бой в лесу. Пулеметным огнем ранило командира взвода. Бойцы под огнем залегли. Тогда Любавин принял командование взводом. Отдав команду, он первым пополз к вражескому пулемету. Добравшись, забросал пулеметчиков гранатами — открыл путь своим стрелкам...

5 апреля он вел в бой взвод. Перед самыми домами враг встретил подразделение сильным обстрелом. Бойцы начали залегать, а, между тем, это было гибельным и для исхода боя, и для людей. Тов. Любавин, уже раненный в ногу, поднялся во весь рост, закричал «ура», побежал вперед. За ним — все бойцы.

Но не добежал воин. Тяжело ранило его гранатой. Сестра перевязала его, потащила из огня, но не успела довести и до санвзвода. Потеряли мы своего славного гвардейца...

Публикуемые письма хранятся у брата А. Я. Любавина, Л. Ф. Фишмана.

* Е. В. Лазарева, сестра А. Любавина. Работала на строительстве Минского автозавода. Казнена гитлеровцами в Минске в 1944 г.

Последнее письмо

Письмо Александра Горскина

А. Горскин родился в 1924 г. в Любинском районе.
Погиб в 1944 г.

24 января 1944 г.

Письмо от известного вашего сына Горскина А. Г. В первых строках моего письма я сообщаю, что жизнь моя изменилась. Писем больше не пишете. Писать больше не о чем, остаюсь пока жив, того и вам желаю и посылаю свой боевой красноармейский привет.

Прощайте, мама, Яков, Ефим, Мария, Тихон.

Александр.

Народный музей омских железнодорожников. О $\frac{832}{д. 690}$.

«Смерть не страшна»

Письмо лейтенанта Анатолия Мироновича Сироткина

А. М. Сироткин родился в 1918 г. До войны жил в Омске.

Умер от ран 8 июля 1944 г. Похоронен у деревни Сальмигэс в Карелии.

8 февраля 1944 г.

Здравствуйте, милые мои мамочка, Тоничка, Шурочка, Вовочка, Лидочка, Томочка и Ленечка!*

Ваши письма получил, а, именно, мамочкино и Тоничкино с фото. От всего сердца сердечно благодарю. Милая Тоничка, какая ты хорошенькая, мои товарищи, глядя на тебя, просто влюбились, ха, ха, ха. Это, милая, шутя, не обижайся. Еще раз благодарю за письма и за фотокарточку.

...Завтра на рассвете иду в бой. Готов к нему хорошо. Буду бить сволочей по-чапаевски. Надеюсь, что не найдется такой пули, которая могла бы меня сразить. Храброго пуля боится. Любимые мои слова одной песни всегда помогали и помогают мне в бою:

* Сестра А. М. Сироткина, племянники и племянницы.

«Смерть не страшна,
С ней не раз мы встречались в бою.
Вот и сейчас надо мною она кружится,
Темная ночь, вы, любимые, знаю, не спите,
И поэтому, знаю, со мной ничего не случится».

На этом кончаю письмо. Пожелайте мне удачи, а я постараюсь ее добыть сам в ожесточенном бою. Как только освобожусь, хоть записочку, но напишу о результатах. Вы же сильно не беспокойтесь. Пишите о себе чаще.

Пока, до скорого свидания. Крепко, крепко вас всех целую, особенно милую, дорогую мне мамочку.

Жду ответа. Ваш сын, брат и дядя.

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2.

«Я вспоминаю вас всех»

Письма старшего лейтенанта Анатолия Гавриловича Песикова

А. Г. Песиков родился 5 ноября 1924 г. В 1941 г. окончил школу № 21 г. Омска. Работал на судоремонтном заводе учеником токаря, токарем. 30 июля 1942 г. призван в Красную Армию. Окончил 2-е Омское пехотное училище, в звании лейтенанта направлен в действующую армию. Воевал на Западном, Ленинградском, 2-м Белорусском фронтах. Кандидат в члены ВКП(б).

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Александра Невского, Красного Знамени.

Погиб 4 января 1945 г. в Польше.

13 февраля 1944 г.

Здравствуй, дорогая моя мама!

Прими привет от родного сына, который только и живет мыслью и думкой о том, если бы мои дорогие старики жили хорошо и не знали ни горя, ни забот.

Это для меня основное. Насчет денег — не жалейте их, их я вам всегда вышлю, ибо здесь они мне не нужны, а вам они там пригодятся. Ибо в тылу, в городе они лучше пригодятся, чем мне в траншеях.

Тысячу «спасибо» вам, Мама и Папа, за наше воспитание, за все те заботы, которые вы проявляли, и грош цена

тому сыну, который не будет думать и заботиться о своих родителях.

Обо мне не беспокойтесь, я жив, здоров. Целую. Любящий вас А. Песиков.

5 июня 1944 г.

Здравствуйте, дорогие мои!!!

Шлю к вам свой самый большой привет и желаю счастья в вашей жизни.

Получил сегодня ваше письмо и вот сейчас пишу вам ответ. Сейчас свободная минута. Пишу, а у меня вы все сейчас перед глазами. Я вспоминаю вас всех. И свою жизнь в этом милом доме. Вспоминаю лавочку, где друзья юности сидели частенько, разговаривали, и темы тех разговоров. Если бы сейчас встретились те друзья, то разговор был бы совершенно другой. Ибо теперь собеседники уже не те молодые ребята, сейчас это будут обстрелянные, понюхавшие пороха люди. Теперь у меня лично мозги работают совершенно по-иному. Война — это суровая школа, и она очень быстро перевоспитывает человека.

Ну пока. Крепко целую. Анатолий.

Народный музей славы речников.

«Бои еще не закончены»

**Письмо бойцов, сержантов и офицеров
364-й Тосненской стрелковой дивизии рабочим,
работницам, инженерам, техникам и служащим
Сибзавода Омска**

22 марта 1944 г.

Дорогие товарищи!

Вам, нашим славным землякам — труженикам нашего могучего советского тыла, мы, бойцы, сержанты и офицеры части, полевая почта 57851, шлем вам через наших представителей наш боевой, фронтовой красноармейский привет и желаем новых производственных успехов в вашем героическом, созидательном труде для дела победы над немецко-фашистскими захватчиками. Вашим самоотверженным трудом во славу Родины гордимся мы, войны...

Ваши трудовые подвиги по защите Родины войдут в историю так же, как героические боевые дела воинов на фронте. О вашем стахановском труде мы часто читаем в нашей печати и восхищаемся вашей работой, которую вы совершаете в цехах вашего завода. Бойцы, сержанты и офицеры подразделения с особым интересом следят за работой стахановцев социалистического труда и шлют им свой пламенный привет.

Ваша самоотверженная работа на заводе воодушевляет бойцов и командиров нашей части на новые подвиги с немецкими захватчиками. Наши сердца горят лютотой ненавистью к немецко-фашистским захватчикам за поругание нашей земли, за сожженные и разрушенные города и села, за обездоленных, убитых горем людей, за наших советских людей, которые погибли от рук палачей. За то,

что видели мы при продвижении вперед на запад, очищая нашу советскую землю от гитлеровской нечисти.

Выполняя приказ т. Сталина № 16, бойцы, сержанты, офицеры еще выше совершенствуют свое боевое мастерство, мужественно и стойко дерутся с врагом, отдают все силы и не щадят жизней для защиты Родины. Это ваши земляки-омичи: сержант Кузнецов Иван Михайлович, бывший бухгалтер Корженовского сельпо Дзержинского района, сейчас отважный воин, кавалер ордена «Славы» III ст. Во время наступательных боев за населенный пункт Н. под ураганным огнем противника проложил линию связи на передовой наблюдательный пункт и в процессе боя устранил более двух десятков порывов на линии. Своей самоотверженной работой способствовал выполнению боевой задачи. Сержант Нефедов Иван Никитович, бывший работник почтового отделения ст. Омск, сейчас это отважный наводчик, от огня его орудия десятки фрицев получили положенный надел советской земли и сейчас удобряют нашу землю. За свои боевые дела награжден медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда».

Любовью и уважением пользуется в подразделении разведчик Порываев Федор Федотович — бывший шофер колхоза д. Сафоновки. Товарищ Порываев всегда находится на передовом наблюдательном пункте и ведет бдительное наблюдение за врагом. Однажды группа немецких солдат пыталась остановить отважного разведчика с группой бойцов, но у немцев ничего не вышло. Дружным огнем встретили наши бойцы фашистских вояк, в этом коротком бою т. Порываев лично истребил семерых бандитов. За смелые и решительные действия грудь отважного сибиряка украшают медали «За отвагу» и «За оборону Ленинграда».

И таких товарищей у нас десятки.

Дорогие земляки!

Бойцы, сержанты и офицеры нашего подразделения с боями в течение зимних наступательных боев прошли

сотни километров. Этим самым окончательно сняли блокаду с города Ленинграда и отогнали немецкие полчища далеко от стен великого города. Большинство немецких бандитов нашли себе могилы в болотах под Ленинградом.

Заканчивая письмо, мы обращаемся к вам с просьбой: иметь с нами письменную связь. Сообщали бы о своих производственных успехах, о своих лучших стахановцах и стахановках. Мы в свою очередь будем сообщать вам о наших боевых успехах, о наших лучших бойцах, сержантах и офицерах.

Уважаемые товарищи, рабочие и работницы, инженеры и техники, бои еще не закончены, нам вместе с вами предстоит еще проделать многое. Еще под врагом остается наша Прибалтика, большая часть Белоруссии, и мы призываем усилить производительность труда, а мы здесь на фронте будем с каждым днем усиливать натиск по врагу и приближать час окончательной победы.

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует могучий советский тыл!

Да здравствует Великий Сталин!

По поручению бойцов, сержантов и офицеров подписали:

майор Наумов;

майор Радченко;

старшина Калашников.

ЦДНПО. Ф. 411. Оп. 6. Д. 477.

«Я давно уже понял, что война не игрушка»

Письма сержанта Анатолия Михайловича Углова

А. М. Углов родился в 1926 г. в поселке Ольгино Москаленского района Омской области. В июле 1942 г. окончил ФЗУ № 5 Омска, направлен на работу на Сибзавод, но убежал на фронт. Воевать начал под Ленинградом. Служил в военно-десантных войсках. Окончил курсы водителей танков.

Награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны II степени (посмертно).

Погиб 15 января 1945 г. в Польше.

8 апреля 1944 г.

Здравствуй, мама и сестренка Зина.

Я жив и здоров. Мама, ты думала, что меня нет в живых, потому что не было ни одного письма. А получилось это так. Был я в блокаде под Ленинградом, меня там ранило в правую ногу, лежал в госпитале, но это все ерунда, после этого был в танковом училище, оттуда меня направили в парашютно-десантные войска, где я сотворил 5 прыжков с самолета. Мама, хоть пришлось мне поболтаться в воздухе и полетать на самолете. После чего я слетал в тыл врагу. Оттуда вышел цел и невредим. В тылу мы поработали на славу, так что после этого им тошно было. Сейчас я нахожусь в тылу, готовлюсь опять к последующим боям с озверелым фашизмом.

Мама, как вы живете, как Зина, учится или работает, кто из ребят дома, кто в армии, и вообще из моих школьных товарищей, как их протекает жизнь? Сейчас, наверное, у вас совсем нет из ребят никого, все на фронте...

Мама, ты, наверное, меня не узнаешь на фотокарточке, С приветом ваш сын Анатолий Углов.

26 мая 1944 г.

Здравствуй, Зина!

...Посмотрел много хороших кинофильмов, которые на меня произвели впечатление, вот как фильм «Радуга», совершенно все правильно. Когда я был в тылу у врага, то насмотрелся на все это, и теперь одна мысль: мстить и мстить проклятым фашистам. Зина, ах если б встретиться с тобой, все б рассказал про все, что я на своей шкуре увидел. Зина, очень прошу, вышли фото свое, мои товарищи очень просят, как получим от кого письмо, так мы его прочтем и начинаем вспоминать про свой родной край, Мы живем дружной семьей, как братья все равно...

Передавай привет от моих товарищей своим подругам.

26 мая 1944 г.

Здравствуй, мама!

...Сейчас я нахожусь на отдыхе, живу пока хорошо и того вам желаю. Мама, знаешь, за это все время я так привык ко всему трудному и все тяжести фронтовой жизни перенес, хоть и поцарапало ногу, но это все пустяк. Сейчас хотел бы вас увидеть и посмотреть, как вы живете. Ведь два года я вас не видел и, наверное, сейчас не узнаю.

Как там живет тетя Поля, тетя Наташа, бабушка, как там Анатолий, все, наверное, бегают и занимаются детством. Я б сейчас тоже, наверное, побегал, но нет, этого уж больше не будет, сейчас и мысли уже не такие. Мама, я хотел бы увидеть сейчас вас хоть на фото...

3 июля 1944 г.*

...Я жив, здоров. Мама, писем от вас я не получал уже давно, но не виню в этом, потому что у нас никто не получал.

Живу я на фронте, ночью у нас передышка, а днем мы снова в бой. Может, вы слыхали о «свирских дивизиях», узнаете все подробности в газетах.

Я сейчас думаю, как бы попасть домой, но это пустые мысли. Мама, не обижайся, писать некогда. Передавай привет всем родным и близким.

С приветом ваш сын Анатолий.

август 1944 г.

...Сейчас, наверное, ягод много. Да, вспомню сейчас то время, детство, все вроде было вчера, но быстро прошло время, которое я никогда, никогда не забуду. Мама, ты только слез не проливай, ведь надо освободить нашу землю от немецко-фашистских чертей. Посмотришь на их власть, на их управление, так и скажешь, не жить таким человекообразам на земном шаре. Мы этого скоро добьемся.

Живу пока хорошо. Обычно у нас все живут дружно и в бою еще дружнее бьем врагов. Сегодня и вчера был праздник, к нам приехали артисты, а вчера было кино «Новые похождения бравого солдата Швейка»...

* Датируется по почтовому штемпелю.

2 августа 1944 г.

Как получишь из дома письмо, то и вспомнишь все домашнее. Несколько раз перечитаем, а то и наизусть заучим.

...Живу я, как и все люди живут на фронте, жизнь боевая: то снаряд прилетит, то бомбочка, но это все глупости, чепуха. Мы уже много прошли по освобожденной территории. Сейчас новая трудная задача предстоит, но мы со своим экипажем готовы ее выполнить. Да поскорей добить бы этих выродков, тогда бы зажили на славу...

20 августа 1944 г.

Мама, обидно то, что я не знаю, как вы живете, или вы не пишете, или, черт побери эту цензуру, не пропускают. Их бы в бой пустить, так бы узнали, а то рвут письмо из принципа. У нас был жаркий бой, но все равно мы ему шею сломали, скоро в море будут купаться...

10 января 1945 г.

...Зина, ты обижаешься, что я тебе не все подробно пишу, да как тебе все подробно опишешь, да и писать времени не хватает, бывает, возьмешься писать письмо, а тут команда «моторы», и, что ж, приходится кончать. О себе — пока жив, здоров, нахожусь сейчас в Польше, далеко от своей Сибири, до этого находился в Прибалтике, которую освобождал от фрицев. Знаешь, какой я злой на немцев, они у меня сожгли машину и убили моих товарищей. Да, Зина, ведь я уж давно понял, что война не игрушка...
С приветом, твой брат Толя.

Народный музей Сибзавода им. Борцов революции.

«В этом виновата только одна война»

Письма рядового Вениамина Борисовича Витенсона

В. Б. Витенсон родился 14 сентября 1921 г. в Омске. В 1940 году окончил школу № 37, затем поступил на завод им. Ворошилова (№ 174). В июне 1943 г. ушел добровольцем на фронт.

3 сентября 1944 года погиб в Литве. Похоронен в местечке Генуксей Шлутского района.

9 июня 1944 г.

Дорогие родные!

Простите, что не писал, был в дороге. Я жив и здоров. Как вы все? Спешу писать, т. к. занят. Как дома? Что имеее от Жени?* Как она воюет? Сейчас в дороге. Как приятно ехать, когда слышишь хорошие вести, скорей бы этого гада уничтожить.

Но писать некогда. Пишите чаще. Целую.

* Сестра В. Б. Витенсона, Евгения Борисовна Витенсон была на фронте с 1943 г. Служила в должности старшего врача 1034 артиллерийского полка.

Июль 1944 г.*

Дорогие, сегодня получил от тебя, папка, письмо, да еще от Жени, был очень рад, так как пересылку «писем» ведем только с фрицем. Ох, и даем мы ему жизни.

Он удирает здорово, даже иногда мы его не можем догнать. Я здоров, живем неплохо, только бы вы писали чаще. Вы, наверное, уже узнали хорошую весть о взятии Витебска. Скорей бы эту сволочь выгнать. Я все смотрю Женю или Есю, не встречу ли я их. Особенно Женю... Очень рад, что Женя награждена. Но этого мало, надо добиваться большего. Я надеюсь приехать домой только со славой, а если придется жизнь отдать, так отдать ее так, чтобы вы, мои родные, знали, что ваш сын погиб на защите своей Родины.

Но будьте здоровы, целую.

8 августа 1944 г.

Мои дорогие! Спешу вам сообщить, что я жив и здоров. Гоним эту сволочь все дальше на запад, все дальше к морю. Вы уже меня, наверное, похоронили, так как долго не писал. Не писал, потому что был в маленьком окружении, выйдя из окружения, попал не в свою часть, поэтому у меня новый адрес. Полевая почта 62806, и если из той части придет порохонная, то не считайте действительной.

Ну, а как вы мои дорогие «старички»? Девки, наверное, все повыходили замуж. Если не вышли, то пусть ждут всех, скоро вернемся, потому что мистеру фрицу уж некуда тятать.

Сейчас пишу и слушаю радио, наше советское, его далеко слышно, какая хорошая музыка. Ну, как остальные, как бабушка и дедушка? Дядя Гриша и тетя Муся, в общем,

* Письмо датировано по содержанию.

всех перечислять не буду потому, что у меня их так много, что придется целую библию писать. Как дело с овощами, наверное, уже едите помидоры, да здесь, к моему горю, только нет помидор, зато есть яблоки. Ну, будьте здоровы. Пишите чаще. Ваш сын.

30 августа 1944 г.

Привет с фронта!

Сообщаю вам, что я жив и здоров. Дорогие, вы, наверное, были в ужасе, получив похоронную из моей воинской части, но я, покамест, жив и помирать не собираюсь.

В этом виновата только одна война.

Мои дорогие, прошу вас, пишите чаще, так как письма — это самое интересное, самое родное, самое близкое. Чем больше писем, тем больше мечтаешь о возвращении домой. Пишите.

ГАОО. Ф. 1077. Оп. 2.

«Гвардия наступает — враг не устоит!»

Письмо майора М. Ингор в редакцию
газеты «Омская правда»

22 июня 1944 г.*

Тысячи километров по бескрайним донским степям, по улицам разрушенных и сожженных русских городов Сталинграда и Орла, по брянским и клетнянским лесам прошли мы с жестокими боями за годы войны.

Мы навсегда запомнили десятки рек и озер, сотни деревень, каких нет на географической карте. Никогда не забудутся они, ибо мы с боями отнимали их у проклятого немца. И чем дальше мы отдаляемся от Омска, тем ближе, тем родней становится для нас любимый сибирский город, который стоит на берегу многоводного Иртыша.

Легендарный Иртыш — родной брат красавицы Волги. В жаркие и холодные осенние дни защищали мы Волгу-Матушку и тем защищали родной Иртыш. Мы стояли на смерть на направлении главного удара немецко-фашистских войск. Здесь нами командовал Леонтий Николаевич Гуртьев — депутат Омского областного Совета, наш любимый отец, герой и генерал.

300 тыс. немецких, румынских, итальянских и прочих мерзавцев истребили участники Сталинградского побоища, 21 тыс. уничтожена гуртьевцами.

* Дата опубликования письма.

Демобилизованные воины-сибиряки на Омском вокзале. 1945 г.

В архиве истории нашей дивизии любовно хранятся поздравительные письма. Вот письмо Омского обкома партии и облисполкома. Трудящиеся города и области поздравляют полковника Гуртьева, как одного из главных помощников командующего легендарной Сталинградской армией генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова. Вот второе

письмо, омичи поздравляют своего депутата и его дивизию с присвоением ему воинского звания генерал-майора.

Иртыш — родной брат русской реки Оки. На ней стоит город Орел — наш родной советский город, который мы должны были отнять у врага. Перед лицом дивизии генерал поклялся Родине: мы войдем в Орел! Утром 5 августа Орел будет взят! В эти незабываемые дни генерал Гуртьев был всюду, где были его воины. Солдаты видели его на наблюдательном пункте и в боевых порядках пехоты. Он лично корректировал огонь артиллеристов и минометчиков. Он подымал боевой дух, торопил своих воинов — скорее освободить измученный, исстрадавшийся город.

3 августа на боевом посту, на своем наблюдательном пункте погиб наш генерал. Над гробом отца мы еще раз поклялись — возьмем город! И клятву солдатскую свою сдержали. Мы похоронили генерала в освобожденном Орле и еще раз поклялись над его могилой — гвардейское знамя взвьется над нами!

Сегодня под развернутым гвардейским знаменем мы твердо и уверенно шагаем по белорусской земле, которую освобождаем от немецко-фашистских захватчиков.

...Разный климат в Сибири и в Белоруссии. Когда в Белоруссии тепло — в Сибири мороз. Но для нас, советских людей, патриотов родины, белорусский Днепр стал таким же родным и близким, как сибирский Иртыш, ибо Днепр — родной брат Иртыша!

За три года войны мы выросли и окрепли, накопили богатый боевой опыт. Мы научились еще крепче, сильнее любить и ненавидеть.

У нашей землянки собрались омичи. Они пришли сюда провожать Наташу Панайт — девушку с боевым орденом и двумя медалями, которая уезжает в краткосрочный отпуск в Омск. Омичи-фронтовики просят передать письма и сотни горячих фронтовых, гвардейских приветов бойцам героического советского тыла.

Примите привет и наилучшие пожелания, Людмила

Павловна Долгих из д. Сергеевка Солдатского района! Вы можете гордиться своим другом Василием Болтенко — первым кавалером ордена Отечественной войны в нашей дивизии. Из рядового солдата он вырос до гвардии лейтенанта. Его любят и уважают бойцы, как смелого и заботливого командира.

Примите привет, Андрей Иванович Чернявский из деревни Катышки Голышмановского района! Вы можете гордиться своей дочерью, нашей боевой подругой, орденосцем гвардии сержантом Марией Чернявской, которая проявила себя в боях, как бесстрашная медицинская сестра.

Прими привет, любимый город!

Фронт желает тебе новых и новых успехов в труде, науке, искусстве.

Жди нас с победой!

Гвардия наступает — враг не устоит!

Гвардии майор М. Ингор.

Газ. «Омская правда». 1944. 22 июня. (Письмо было передано в редакцию газеты сержантом медицинской службы Наташей Панаит.)

«Когда же увидимся?»

Письмо фронтового разведчика Виктора Терентьевича Сергиенко

В. Т. Сергиенко родился в 1921 г. Окончил гидрофак Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова. В действующей армии с 1942 г. Фронтовой разведчик. Боевой путь начал под Сталинградом. Воевал под Харьковом, в Полтавской области, Приднестровье, Карпатах. Член ВКП(б) с 1943 г.

Погиб 27 августа 1944 г.

Один из героев книги К. Болдина «Так это было» (Ярославль, 1963).

1 июля 1944 г.

Дорогая Наташа!

Бесконечно рад твоему письму и целиком разделяю твои мысли. У меня, кажется, чаще встает вопрос: «Когда же увидимся?» Остается только ждать, ждать. Ну, за эти годы ждать научились. Ты пишешь, что мы никак не можем наладить переписку? Но ведь я не виноват, что летаю как метеор. Мне и самому это надоело. Из-за этого я, например, и награду до сих пор не могу получить. Ты сама подумай, о чем я могу много писать, когда жизнь однообразна, сера и никаких изменений. А к тому же и настроение часто бывает скверное. Ты прости меня, дорогая, но я по тебе скучаю все сильнее и сильнее. Только ты хоть не сиди затворницей, а если есть возможность, то развлекайся, хорошо? Передавай своим большой привет.

Крепко целую. Витя.

5 сентября 1944 г.

Привет из Венгрии!
Здравствуй, Наташа!

Правда, я Вас даже и не знаю, но все же надо писать Вам, как близкому товарищу Виктора Терентьевича Сергиенко. Я даже не знаю, кем он Вам доводится. Но, в общем, Виктор Терентьевич убит в боях за Советскую Родину в Карпатах, в Польше. Может быть, Вы знаете адрес его родителей, сообщите им, и сообщите мне их адрес, я пришлю фотокарточки. Пока до свидания. Его товарищ Бойко Александр.

Народный музей славы речников.

«Путь прошел большой»

Письмо лейтенанта Александра Михайловича Пескова

А. М. Песков родился в Омске 28 июня 1914 г.

В 1930 г. окончил профтехшколу. Учился в филиале Томского железнодорожного института. Работал на ТЭЦ, в паровозоремонтном депо ст. Омск, на строительстве паровозоремонтного завода. В 1936—1939 гг. служил в Красной Армии. В 1938 г. участвовал в боях в районе озера Хасан. Награжден за бои орденом Красной Звезды. После демобилизации работал в Управлении Омской железной дороги в должности старшего инженера Дорстроя. В 1939 г. избирался депутатом горсовета. В 1940 г. направлен на учебу в Железнодорожную академию им. Сталина в Москве. После ее расформирования направлен в Кишинев главным механиком строительного треста.

С началом Великой Отечественной войны отозван в Омск, работал на строительстве шинного завода. В 1942 г. направлен на курсы политруков. Воевать начал под Сталинградом.

31 января 1945 г. погиб в Восточной Пруссии.

2 августа 1944 г.

Путь — Пруссия.
Здравствуй, Лель!

Имею минутку времени — спешу черкнуть тебе.
Путь прошел большой, еще больший впереди. Желай успеха!

И благослови на священную месть против гадов на их собственной территории.

Да, Лельчик! Не тот фриц, не то время. Драпает он от «всей души» и всех городов, оставляя массу трупов, пленных и техники. Верь, что недалек, совсем недалек тот день, когда гадина будет добита в своем логове.

А недалек тот день, когда мы опять будем вместе.

Начнем жить так, как все это время мечтали.

Крепись и терпи, Лель!

Знаю, тяжело, но пусть тебе придает бодрость и силы сознание и вера в скорую Победу.

Береги сынов, себя.

Целую всех крепко-крепко.

Юрка! Помни, что ты сын танкиста, слушайся маму и помни твоего батьку.

Привет всем.

Народный музей омских железнодорожников. О $\frac{5773}{д. 153}$.

«Он бил наверняка!»

Письма старшего сержанта Якова Васильевича Мельникова

Я. В. Мельников родился в 1921 г. в селе Черлак. В 1939 г. окончил курсы при Омской областной конторе «Восток-Заготзерно». Артиллерист, командир отделения.

Погиб в апреле 1945 г. в Восточной Германии.

2 октября 1944 г.

Привет с фронта!

Здравствуй, дорогая сестра Шура.

...Ответ на письмо я даю не сразу, потому что не было времени. Тебе известно, что сейчас происходит на фронте. Сегодня вот выпала свободная минута. Были бои. 29 августа я был ранен в левую ногу, пуля прошла насквозь, но кость не задела. Сейчас лечусь при своей части, в госпиталь не пошел. Шура, что нового у вас? Передавай привет всем родным и знакомым.

С приветом Яша.

30 марта 1945 г.

Здравствуй, сестренка Зина!
С боевым приветом к тебе Яша.

...Можешь поздравить меня с правительственной наградой, получили на меня три приказа, еще на три орденна, всего будет пять. Вот такие новости у меня.

Вчера получили летнее обмундирование. У нас сейчас тепло. Некоторые растения начинают зеленеть. Вот и все. С приветом брат Яша.

**Из письма лейтенанта Самброса
родителям Я. В. Мельникова**

Май 1945 г.

...Орудие Якова Мельникова точным огнем в этом бою истребило 150 немецких солдат и офицеров, разрушило 20 блиндажей, разбило 15 автомашин, 4 тягача и 2 орудия. Этот артиллерист был грозой фашистов. Он бил наверняка!

Черлакский исторический музей.

«В бою я не подкачаю»

**Письма сержанта
Алексея Федоровича Азаркина**

А. Ф. Азаркин родился в 1923 г. в Омске. Окончил Омский аэроклуб. Механик-водитель.
Погиб в 1945 г.

---

19 февраля 1945 г.

Здравствуйте, дорогие мои!

...В настоящий момент нахожусь на заводе в г. Н-Тагиле и получаю машину. Это уже вторая машина, первая у меня... сгорела в Польше, на этой, наверное, буду кончать войну и с победой приеду к вам, дорогие.

25 февраля 1945 г.

...Пишу письмо вам с дороги, еду на фронт добывать немца. Моя боевая машина стоит на платформе... Экипаж наш хороший, один мой земляк из Омской области Горьковского района, Виктор, 1926 года, он заряжающий; командир орудия, Владимир, 1924 года и радист-стрелок, Костя, 1923 года, вот и весь мой боевой экипаж. Мама, за меня не беспокойся, в бою я не подкачаю. Поцелуйте Сергейку, я частенько достаю его фотокарточку и вспоминаю его, как он меня называл «дядя». Пусть он растет богатырем и не забывает дядю.

...Ваш сын Алексей.

Смерть немецким оккупантам.

Музей Омского обкома ДОСААФ.

**«Думали ли мы о том,
что будем в числе оставшихся
в живых»**

Письма сержанта Зои Анисимовны Путиловой

З. А. Путилова родилась в 1923 г. в Омске. Работала на Сибзаводе.

С марта 1942 г. по октябрь 1945 г. на фронте. Служила в качестве санинструктора, инструктора партучета, секретаря политотдела 308-й стрелковой дивизии. Член ВКП(б) с 1943 г.

Награждена двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За взятие Кенигсберга».

В 1946 г. поступила учиться в Новосибирскую юридическую школу. После окончания работала в органах юстиции. В настоящее время живет в Омске.

Февраль 1945 г.

Милая Адюшка!*

Сегодня у нас траурный день. Погиб наш отец, наш командующий**, Игорь Гуртьев*** поехал хоронить его с нашим знаменем. С ним вместе был ранен Кононов. Эх!

* А. С. Добросмыслова, см. о ней и ее письма в наст. издании.

** И. Д. Черняховский погиб 18 февраля 1945 г. Похоронен в Вильнюсе.

*** И. Л. Гуртьев, сын Л. Н. Гуртьева, погиб в мае 1945 г.

Ада, как жалко таких прекраснейших людей, таких полководцев... Даже сердце обливается кровью. Вспоминается сразу гибель нашего Гуртьева, нашего любимца, нашего героя. А как это все кажется недалеким...

Твоя Зоюха.

Февраль 1945 г.

Милая Адюшка!

...Сегодня пошли в бой, снова началась фронтовая жизнь... И только стали передвигаться вперед, а почтальон вручает мне твое письмо, я чуть от радости не слетела с машины... Сейчас наступает ночь, заняли блиндажик маленький со своим п/о*, а я устроилась поближе к огню и черкаю тебе письмишко... Да, Адюшка, третий день идут упорные, тяжелые бои, немец бросает последние силы, чтобы сломить наше наступление, непрерывно переходит в контратаки. Только за один вчерашний день было отбито 12 контратак, но это что-то было ужасное, было точно так, как в 1941 г... Не знаю, что будет сегодня, да уж хоть бы самолеты появились, хотя бы поднять моральный дух у бойцов.

...Ну, Адюшка, передавай всем привет, если ничего не случится, то еще напишу. Ну, пока, целую крепко.

Зойка.

5 марта 1945 г.

...Сегодня отвели нас на несколько дней на отдых, после таких трудных боев мы впервые смогли легко вздохнуть, наберемся сил и снова двинем на эту жабу, ядом набитую, и постараемся столкнуть ее с берега в Балтику.

* Политотдел.

Вот здесь-то им будет «Буль, буль, Вольга, Вольга». Да, Адюшенька, со многими пришлось распрощаться. А как становится жалко, ведь с ними нам пришлось пройти от берегов нашей красавицы Волги до берегов Балтийского моря. А вспомни, какой мы считали Волгу, когда были в Сталинграде, она была для нас страшной и не красавицей. Вспомни, что приносил нам рассвет и как мы дожидались наступления темноты. Только ночью мы могли [быть] спокойны от дневных ужасов. Каким душераздирающим свистом мог действовать немец на психику этой горсточки людей, героически отражающих контратаки оголтелых фрицев. За три... года Красная Армия научилась преодолевать все препятствия, все сламывая и переламывая на своем пути. Армия стала кадровой...

...Вчера была в родной санроте, все девчата живут в палатках, хоть на улице и стужа, а у них как-то все равно становится тепло. Как-то уютно у них, застали всех за работой...

...Ну, пока, желаю тебе успехов в твоей медицинской работенке, наш маленький солдатик...

29 марта 1945 г.

Милая моя, Адуленка!

Вот теперь я тебя могу отблагодарить за твое внимание ко мне, за твои коротенькие, но теплые, нежные письма... Вот я сейчас иногда подумаю и вижу, что после нашей встречи сделано, много освобождено. Мой приезд в нашу гвардейскую совпал с началом летнего наступления и освобождения Белоруссии, Польши. Ведь это все не дается так легко... Начавшиеся события в Восточной Пруссии привлекли внимание всех наших советских людей. Что можно написать об этом важном событии?

Начавшаяся артиллерийская подготовка продолжалась целый день. Видела я хорошую артподготовку в Сталин-

граде, на Зуше, в Орле, на Друти, а такой силы огня я не могла представить...

Проходя по следам отступающего врага, можно было видеть, что враг долго хотел здесь обороняться и не уходить. Но решительный натиск наших частей смел все преграды и всю оборонительную систему укрепления гитлеровцев. Ведь на каждые 100 м было по несколько укрепленных рубежей, причем подступы к ним были все заминированы.

Все это было сломлено, разрушено, взорвано, вместе с их защитниками фрицами и гансами... На своем пути немцы оставляли горы трупов, разбросанные по дорогам отступления.

Все побросали: машины, технику, боеприпасы и даже своих солдат. Эх! Адюшка, видела бы ты, как они драпали, смех...

А ты представляешь, Адюшка, в двух километрах от места боя шло партсобрание роты, обсуждали вопрос о приеме в партию красноармейца Огаркова. Он утром незаметно подкрался к вражеской пулеметной точке, забросал прислугу гранатами, а из пулемета расстрелял еще 15 фрицев. Его недолго обсуждали на партсобрании, парень наш, как говорят бойцы.

Вот тебе коротко кое о чем. Всего не напишешь. Ждем приказа Верховного Главнокомандующего, что в последний раз окончательно сломить сопротивление противника и добить его в его собственной берлоге...

Ну, пока, желаю тебе успехов в твоей работе. Пиши, жду. Ваш Зайчонок.

11 мая 1945 г.

Милый Адуленчик!

Ты не обижайся, дорогая, что я так долго не писала, опять попала в госпиталь, где пролежала 21 день без сознания, как только стала лучше себя чувствовать, выпи-

салась. Итак, я в пути к своим. Вот уже скоро Берлин. Вчера черт меня стаскал в г. Штеттин, а там оказывается стоит Рокоссовский, ну а теперь к соседям. Много трудностей встречается, но я думаю, что уж эти-то трудности мы преодолеем, не то приходилось переносить.

Ну, пока, роднушка, скоро, может быть, приеду домой. Ой, Адька, не верится как-то. Целую всех крепко. Ваша Зойка.

30 мая 1945 г.

Адюшенька! Родная! Ты извини меня, дорогая, что я так редко пишу тебе, знаешь, приказали принять секретарство п/о, работа новая, серьезная, т. к. секретное делопроизводство, да и притом печатать приходится все самой. Ложусь в 3—4 часа утра, а в 6 часов уже будят... Вот сейчас уже четвертый час, хочется спать жутко, но подумала и решила, хоть плохо и мало, но напишу несколько слов. Теперь ведь войны-то нет, так что и жизни беспокоиться нечего...

Адуленка, вот уже 3 июня, а письмо все еще не ушло. Эх! Адуленок, думали ли мы когда-нибудь о том, что будем праздновать победу и что мы будем в числе оставшихся в живых. Нет, никогда! Мы только завидовали тем людям, еще не зная о том, что мы будем в числе этих счастливых. Так ведь? Вот только жаль, что нам не пришлось отпраздновать этот день вместе со своими гвардейцами. Ты где-то в родном Омске, а я по дороге к своим... Ты поверишь, Адюшка, или нет, что до моего сознания никак не могло дойти это сразу. Да, этот день настал, день, которого ждали все наши люди. В скором времени мы покинем эту Германию... А, может быть, нам придется увидеться в Омске, так как сейчас отправляемся в путь-дорогу в наши края...

Твоя Зойка.

Публикуемые письма хранятся у А. С. Даниловой (Добросмысловой).

«Наше дело — к Берлину»

Письма старшего лейтенанта Николая Пантелеевича Анкилова

Н. П. Анкилов родился 18 ноября 1923 г. в селе Лярово Башкирской АССР.

С января 1941 г. по октябрь 1942 г. — курсант Канского авиаучилища, затем Киевского (Красноярского) артиллерийского училища. С июня 1943 г. в действующей армии, на 2-м Украинском фронте. Командир огневого взвода. Войну закончил в Маньчжурии. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями.

После войны — кадровый военный, в декабре 1955 г. ушел в запас. В последующие годы возглавлял партийную организацию совхоза «Осокинский», работал в Омском комитете по телевидению и радиовещанию, в редакции газеты «Омская правда». В 1959 г. Н. Анкилов стал членом Союза журналистов, в 1974 г. принят в Союз писателей СССР. Н. П. Анкилов автор многочисленных рассказов, статей, очерков, пьес. За пьесу «Солдатская вдова» ему присуждена Государственная премия им. К. С. Станиславского.

Умер 30 мая 1983 г.

12 февраля 1945 г.

Чехословакия

Привет, Зоя!*

Получил твое письмо, в котором ты просишь меня рассказать Вам о жизни и обычаях народов Венгрии, чтобы

* Письмо адресовано Зое Савченко, будущей жене.

ты потом могла рассказать об этом своим ребятишкам, т. к. это их очень интересует.

Сочувствую им и понимаю их. Ведь совсем недавно и я был таким же, какие вот сейчас слушают тебя, и меня тогда все интересовало и не меньше всего прочего жизнь зарубежных стран. А теперь вот пришлось самому побывать уже в трех странах Западной Европы: в Румынии, Венгрии, а вот это письмо я уже пишу из Чехословакии.

Итак, твоих ребятишек интересует Венгрия.

Как только вступили мы на территорию Венгрии, нам сразу же бросились в глаза небольшие домишки, разбросанные... на расстоянии друг от друга километров на 5—6, а в некоторых местах они ютятся более плотно, в 500 м друг от друга и меньше.

В одной из таких квартир мне пришлось ночевать. Из расспросов хозяина я узнал, что в этих домишках живет венгерская беднота — вечные работники пана. Они живут на участках поля, которое им отведено, которое они засевают, убирают, а за это получают скудную плату от хозяина и тем живут.

Молодежь здесь стремится к одному — скорее бы вырасти, чтобы облегчить жизнь семьи, и начать такую же жизнь, какой жили его предки, его отец.

...И, конечно, таким «отшельникам», живущим в отрыве от жизни городов даже своей страны, я не говорю уже о международной связи, легко внушить всякую ересь.

Меня удивил один такой случай. Зашли мы в одно небольшое село, населенное преимущественно бедняками, и решили сделать в нем ночлег. Я со своим ординарцем пошел подыскивать подходящую квартиру. Заходим в один небольшой домик. Комната небольшая, горит свет, теплится печка, но никого в комнате нет. Мы решили, что хозяйка куда-нибудь вышла, и стали ожидать ее прихода. И вдруг мой ординарец заметил, что из-за печи кто-то украдкой выглянул и насторожился. Невольно и я взялся за рукоятку пистолета.

— «Выходи, кто там!» — настойчиво потребовал мой ординарец. И из-за печи дрожа всем телом вышла женщина лет 25, довольно симпатичная на вид, с испуганным лицом.

— «Чего же ты прячешься?» — спросил я у ней. Она что-то залепетала по-мадьярски и заплакала.

— «Чего ты плачешь?»

Вместо ответа она стала пристально вглядываться в лоб моего ординарца, но, по-видимому, ничего не увидев, удивленно поглядела на нас и почему-то вопросительно сказала: «Черт?».

Как потом выяснилось, местному населению говорили, что русские — это все черти и что у них есть рога.

Но напрасный испуг быстро проходит — не пройдет и часа, как уже наши солдаты рассказывают населению о том, кто они и зачем пришли, и бедняки охотно соглашались с тем, что «нам непременно надо повесить Гитлера и разбить Германию».

Город внешне немножко отличается от деревни. Я не говорю о городе, как городе, я говорю о населении.

...Центральную часть занимают, главным образом, торговцы, чиновники, господа всех званий... Они достаточно образованы... Они знают, кто такой Пушкин, Лермонтов, Маркс, Энгельс. Они знают и о том, кто такой русский народ, они отлично знают о революции 1917 года. И они боятся русских не потому, что у них «рога», а потому, что русские могут открыть глаза миллионам тех людей, которые живут вон там, на окраине города, в душных маленьких домиках, в вечном труде и заботах.

Правда, эти господа стараются сделать «радостную улыбку», но бог мой, скольких усилий стоит им эта улыбка. Некоторые господа прикидываются благодетелями. Как-то, беседуя с одним довольно знатным господином, который объявил себя уже «социалистом по убеждению», я задал ему вопрос:

— Господин Юрешку, скажите, пожалуйста, сколько

Встреча земляков — участников Великой Отечественной войны,
г. Омск. 1945 г.

часов работают на вашей фабрике рабочие и много ли они получают?

— «Я всегда старался облегчить труд своих рабочих», — ответил он нам неопределенно.

На второй день я поинтересовался, как все же жили рабочие этого «социалиста»? И один из рабочих, махнув рукой, проговорил: «На одну веревку с другими его надо».

Это ваше дело. Своих господ вешайте вы сами, а наше дело — к Берлину. Гитлера повесить и мы непрочь.

...Видишь это своими глазами, и до чего хочется скорее закончить разгром гитлеровской Германии и вернуться в родную Россию.

Кончаю, Зоя, так как ни минуты нет больше времени. До свидания. Привет твоим ребятишкам.

Колька.

23 марта 1946 г.

Здравствуй, мой бесценный друг!

Эти дни, наверное, ты опять ожидала моих писем, а их не было, не было и не было... волновалась, наверное. Я знал это, но сделать ничего не мог — был в пути. Перебрались поближе к Вам. К весне, с божьей помощью, выберемся, наверное, совсем отсюда. Мы бы давно были уже дома, если бы у союзников было поменьше этих самых Черчиллей... (Ты понимаешь, о чем я говорю.) А то приходится задерживаться.

Посылаю тебе, Зоя, фото... Это все мои друзья, с которыми я пришел в числе восемнадцати на фронт. Из восемнадцати осталось четыре. Шесть человек смертью храбрых пало, четыре инвалида, а остальные неизвестно где. Твое фото я получил. Благодарю. А ты изменилась... А косы все же есть... Помнишь?

Вот пока и все. До свидания, моя любимая.

Твой Колька.

ГАОО. Ф. 1830. Оп. 1. Д. 217. Л. 1—3 об.

Омичи в Берлине

17 июня 1945 г.*

Здравствуй, дорогая сестричка Тася!

Твое письмо с первомайским мне поздравлением я получил второго мая — в день нашей Победы, нашего триумфа, когда пал центр германского милитаризма — Берлин.

Красное наше знамя взвилось над очагом агрессии — над рейхстагом.

...несколько дней назад, на подступах к Берлину и в самом городе шли ожесточенные бои. Несколько дней не видно было как следует солнце, несмотря на то, что дни были ясные. Пороховые газы, дым пожарищ, пыль буквально застилала горизонт и небосвод над головой.

Сейчас все тихо. Выстрелов не слышно.

Мы пока несем гарнизонную службу в самом городе. Несколько слов о Берлине. Он сильно пострадал от бомбежек с воздуха, много зданий разрушено до основания, не меньше добавил наш грандиозный штурм, наша славная артиллерия, наши гвардейские минометы. Теперь пруссакам для того, чтобы восстановить Берлин таким, каким он был, потребуется, пожалуй, не меньше лет пятидесяти. От некоторых кварталов остались буквально одни руины.

Жители Берлина, наконец, вылезли из своих подвалов и начинают приводить в порядок свои домашние очаги и улицы города.

Сестренка Лида писала мне, что мой путь домой, веро-

* Дата опубликования в газете.

ятно, будет пролегать через Берлин. Так оно и случилось. Я — в Берлине.

Побыл на главном почтамте, за который дралась наша часть и от которого не осталось, как говорится, камня на камне, так как немчура там сильно сопротивлялась. Переночевал ночь в здании министерства иностранных дел, где теперь пустуют кабинеты и все окна — без стекол. Был около зданий гестапо и рейхстага, сильно исковерканных.

На этом кончаю. Желаю тебе всего хорошего.

Е. САДОВСКИЙ.

О себе коротко. До Берлина дошел благополучно и сейчас здоров. В Берлине побывал и во время боев и после. Он основательно разрушен, особенно его центр. Нет ни одного целого здания.

Был в развалинах рейхстага. С гордостью, как знак нашей победы, оставил надпись: «Поморцев — сибиряк из Омска». Таких надписей тысячи на уцелевших стенах рейхстага.

Ваше ликование в связи с победой представляю так же, как и у нас. Хотелось бы скорее на родину, ведь уже четыре года как мы покинули свои края. Но знаем, что надо еще побыть тут, чтобы окончательно утихомирить Германию.

В. П. ПОМОРЦЕВ.

Дорогие жена и сын! Простите за долгое молчание. Писать было некогда. Участвовал в боях за Берлин.

Помнишь, Клава, как, уходя в 1941 г. на фронт, я обещал написать тебе из Берлина? Вот и выполнено мое обещание. Я — в Берлине.

Сейчас, после боев, мы взялись за очень интересные

дела. Мы, советские воины, заняты восстановлением порядка в этом огромном городе.

Дважды я побывал в здании рейхстага. С волнением написал я на одной из колонн рейхстага: «Здесь был омич Березий». В этой надписи символ — ратные подвиги сибиряков, героический труд омичей в тылу помогли повергнуть вражескую столицу, поставить на колени гитлеровскую Германию. Они помогли нам с боями пройти от Сталинграда до Берлина.

Федор БЕРЕЗИЙ.

Газ. «Омская правда». 1945. 17 июня.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Шорохова. Адрес: полевая почта...	3
От составителя	5
«А кто ни разу не бывал в бою, тот жизнь так пламенно любить не может» (письма А. И. Жибурта)	8
«Боевые задания выполняю отлично» (письма П. М. Гермизеева)	24
«На мою долю выпала тяжелая обстановка» (письма П. В. Никитишина)	27
«Мне очень хочется прожить еще несколько месяцев» (письма А. М. Столповского)	29
«Если я свою жизнь отдам за Родину...» (письма Е. В. Можжерина)	43
«Назовите ее Марией» (письма М. М. Сосниной)	45
«Мучит постоянная тревога за судьбу моей Родины» (письма А. Е. Марикова)	49
«Скоро поедem на фронт» (письма А. Д. Семенова)	52
«Мама! Ты за меня не беспокойся» (письма В. С. Анохина)	56
«Люди будут жить самой легкой, самой яркой и счастливой жизнью» (письма Г. Т. Тельнова)	61
«Начинаю втягиваться во фронтовую жизнь» (письмо Н. П. Скрылева)	68
«Живем в окопах...» (письма М. М. Фирсанова)	70
«Не дадим ступить ногой в наш священный город» (письма М. Я. Похабова)	73
«Кто побывал в этом городе, тот всего виденного вовек не забудет» (письма А. С. Добросмысловой)	76
«Комбайнерке из Кормиловки» (письмо А. Терехина)	104

«Он не вернулся...» (письма В. Третьяка)	106
«Отдайте жизнь, но Родину и честь не отдавайте никому» (письма И. С. Боярова)	110
«Гвардейцы не унывают» (письма А. А. Соболева)	113
«Сталинград был советским, таким и будет» (письмо М. И. Сафонова)	118
«Наша жизнь будет счастливой» (письма М. С. Зубанова)	121
«Вперед, за наше Лукоморье!» (отклики-письма на статью Л. Мартынова)	130
«В час грозной опасности» (письмо бойцам, командирам и политработникам частей Омского гарнизона от бойцов, командиров и политработников 308-й Сибирской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Л. Н. Гуртьева)	132
«Только прошу обо мне не плакать» (письма М. Г. Замятина)	138
«Война далеко еще не окончена» (письма Н. А. Бенеша)	140
«Готовимся к отправке на фронт» (письма А. М. Гермизеева)	151
Рубеж Василия Митрофанова (письмо друзей В. И. Митрофанова)	153
«Я пишу последнее, быть может...» (письма В. В. Багаева)	155
«Если Вам сообщили о моей гибели...» (письма В. И. Климова)	157
«Приеду на скором — «Берлин — Омск» (письма Н. Нестеренко)	163
«Экипаж танка «Боевая подруга» к бою готов!» (письмо М. В. Октябрьской)	170
«Жди меня!» (письма Ф. И. Стерженченко)	172
«Мы еще увидимся» (письма А. Я. Любавина)	177
Последнее письмо (письмо А. Горскина)	182
«Смерть не страшна» (письмо А. М. Сироткина)	183
«Я вспоминаю вас всех» (письма А. Г. Песикова)	185
«Бои еще не закончены» (письмо бойцов, сержантов и офицеров 364-й Тосненской стрелковой дивизии рабочим, работницам, инженерам, техникам и служащим Сибзавода Омска)	187
«Я давно уже понял, что война не игрушка» (письма А. М. Углова)	190
«В этом виновата только одна война» (письма В. Б. Витенсона)	194
«Гвардия наступает — враг не устоит!» (письмо М. Ингор)	197
«Когда же увидимся?» (письмо В. Т. Сергиенко)	201

«Путь прошел большой» (письмо А. М. Пескова)	203
«Он бил наверняка!» (письма Я. В. Мельникова)	205
«В бою я не подкачаю» (письма А. Ф. Азаркина)	207
«Думали ли мы о том, что будем в числе оставшихся в живых» (письма З. А. Путиловой)	208
«Наше дело — к Берлину» (письма Н. П. Анкилова)	213
Омичи в Берлине	218

«Я пишу последнее, быть может...»

(письма с фронта)

Редактор Г. Н. Орлов

Художник В. А. Кудрявцев

Художественный редактор Н. В. Бисеров

Технический редактор Н. В. Калякина

Корректор С. Г. Ревякина

ИБ № 683

Сдано в набор 28.06.94. Подписано в печать 18.10.94.

Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 9,8.

Усл. кр.-отт. 10,32. Уч.-изд. л. 9,98. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3254.

ЛР № 010031 от 17 сентября 1991 г.

Омское книжное издательство. 644099, Омск, ул. Коммунистическая, 20.

ИПК «Омич». 644056, Омск, пр. Маркса, 39.

